

a 00001 90088 4

[illegible] А. Н.

1940 [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] 1945

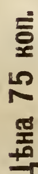
РАЗСКАЗЫ
ПРО
СТАРОЕ ВРЕМЯ НА РУСИ

от начала Русской земли до Петра Великаго.

А. Петрушевскаго.

Удостоены Комитетомъ Грамотности
ПЕРВОЙ ПРЕМІИ
и
Ученымъ Комитетомъ Министерства Гос. Имуществъ
ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ.

Изданіе одиннадцатое, съ 24 рисунками.

Изданіе книжн. магазина В. В. ДУМНОВА.
подъ фирмою
„Наслѣдники брат. Салаевыхъ".

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,
преемн. Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1898.

Рисунки дозволены цензурою. Москва 13 іюня 1898 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Откуда пошла и какъ стала Русская земля.

Болѣе тысячи лѣтъ назадъ Россію уже населялъ народъ, отъ котораго мы происходимъ. Народъ этотъ называлъ себя **славянами** и раздѣлялся на нѣсколько племенъ, которыя назывались: поляне, древляне, сѣверяне, кривичи, ляхи, или поляки, и другіе. Только одно племя не имѣло особаго имени и называлось просто славянами; племя это сидѣло по берегамъ озера Ильменя и рѣки Волхова, въ нынѣшней Новгородской губерніи.

У славянъ этихъ былъ городъ Новгородъ, у кривичей — Смоленскъ, у полянъ — Кіевъ. Городовъ тогда было не много и состояли они изъ такихъ же хижинъ, какъ и селенія, только были побольше селеній. Городами назывались такія села потому, что были огорожены валомъ, рвомъ, тыномъ или засѣкою. Деревнями земля наша въ то время тоже была не богата: земли было много, а народу мало.

Славяне жили каждый со своимъ родомъ; родъ состоялъ изъ всѣхъ людей, бывшихъ въ родствѣ между собою. Начальникъ цѣлаго рода назывался **княземъ**; онъ былъ старшій по рожденію или выбирался родичами.

Ему оказывали всѣ большой почетъ, онъ творилъ судъ и правду между родичами. Грамотѣ тогда не зналъ изъ нашихъ предковъ никто, да и грамоты славянской еще не было, а потому судили по старинѣ, по старымъ обычаямъ и порядкамъ. Роды жили особо одинъ отъ другого, широко; каждый родъ сообща владѣлъ всею землею, на которой сидѣлъ. Если встрѣчалось дѣло, которое касалось нѣсколькихъ родовъ, то рѣшали его, какъ тогда говорилось, вѣчемъ, т.-е. міромъ; на вѣче сходились всѣ родоначальники. Вѣче вершило всякія дѣла въ одинъ голосъ, т.-е. такъ, чтобы всѣ постановили одинъ и тотъ же приговоръ. А какъ до этого дойти было мудрено, то зачастую вѣче кончалось дракой; которая сторона перемогала, та на своемъ и ставила.

Славяне были нрава добраго и очень гостепріимны. Выходя изъ дома, славянинъ не запиралъ дверь и на столѣ оставлялъ разную ѣду, на случай, если зайдетъ странникъ. У иныхъ не считалось даже безчестьемъ, если хозяинъ за бѣдностью украдетъ что-нибудь для гостя. Съ плѣнными славяне обходились кротко и чрезъ нѣсколько лѣтъ пускали ихъ на волю. Но не мало было и худого въ славянахъ: они любили напиваться безъ мѣры, ходили грязные, немытые; многія племена были очень грубы, жили по-скотски. Дѣвушкамъ была большая воля, а замужнимъ никакой: онѣ были рабынями своихъ мужей и работали самыя тяжелыя работы. За женъ славяне обыкновенно платили, давали за нихъ вѣно (какъ тогда говорили); обычай этотъ не совсѣмъ вывелся на Руси и донынѣ: и теперь во многихъ мѣстахъ ведется, что женихъ даетъ подарки роднымъ невѣсты. Въ обычаѣ было держать по двѣ, по три жены и больше. Но какъ за каждую жену приходилось платить вѣно, то больше одной жены держали только люди богатые.

Мало кто изъ славянскихъ племенъ хоронилъ мертвыхъ въ землю, а больше жгли ихъ, собирали пепелъ и въ посудинахъ ставили на столпѣ при распутіи. Такъ какъ мертвецы были некрещенные, то потомъ завелось повѣрье и живетъ у насъ до сей поры, будто на перекресткахъ собирается нечистая сила. По умершимъ славяне справляли тризну, т.-е. поминки: боролись, скакали и бѣгали вперегонку; въ знакъ горя рѣзали и царапали себѣ лицо.

Жили славяне въ худыхъ избахъ, дѣлали въ нихъ по два, по три выхода, чтобы легче было уйти при нежданномъ вражескомъ нападеніи, потому что времена были неспокойныя, и селянину приходилось ждать врага въ любой часъ отовсюду. А что у зажиточныхъ людей было подороже, то они прятали въ землю; оттого въ прежнія времена многимъ удавалось находить клады. При избахъ славянскихъ были и бани, только не въ деревянныхъ срубахъ, а въ землянкахъ; печей въ баняхъ не ставили, а нагрѣвали бани раскаленными каменьями.

При своей безпокойной жизни, славяне однако не бросали землю впустѣ, а пахали пашню и сѣяли хлѣбъ. Кромѣ пахотной работы, жили они и другими промыслами: ловили рыбу, били звѣря лѣсного, разводили стада, водили пчелъ въ бортяхъ, торговали съ окольными народами. Лѣса въ славянскихъ земляхъ стояли огромные, звѣря въ нихъ много было всякаго; водились даже такіе, про которыхъ теперь и помину нѣтъ: напримѣръ бобры. Рыбы въ рѣкахъ и озерахъ тоже водилось вдоволь. Торгъ славяне вели хлѣбомъ, шкурами звѣриными, воскомъ, медомъ. Большого торговаго промысла у нихъ не было, да и быть не могло: времена были безпокойныя, всякъ боялся за себя и за свое добро и дома, не только въ пути. Земля почти сплошь заросла дремучими, непроходимыми лѣсами, вперемежку съ то-

пями и болотами; дорогъ не было. Вездѣ можно было наткнуться на лихихъ людей, на грабителей; въ пути нечего было ждать никакого удобства; даже переслаться съ кѣмъ-нибудь вѣстью было дѣло не легкое. Оттого и ѣздили при нуждѣ, и торгъ вели не сухопутьемъ, а больше рѣками.

Славяне были высоки ростомъ, статны, крѣпки тѣломъ, легко сносили стужу и зной. Они не любили биться съ врагами открытымъ боемъ, а выбирали мѣста узкія, закрытыя. Они хорошо плавали и могли долго держаться подъ водой. Для этого они брали въ ротъ выдолбленный тростникъ и плавали подъ водой такъ, чтобы конецъ тростника выходилъ выше воды: такъ и дышали. Бились они больше короткими копьями и стрѣлами; стрѣлы часто намазывали смертоноснымъ зельемъ.

Славяне того времени были язычники, идолопоклонники, т.-е. молились идоламъ, кумирамъ и приносили имъ жертвы, даже иногда людей. Боговъ у нихъ было много, но главнымъ ихъ божествомъ былъ Перунъ, богъ грома и молніи, войны и мира. Солнце тоже считалось богомъ: его называли Даждь-богъ, также Дидъ-Ладо. Дидъ значило дѣдъ, а Ладо — свѣтъ, радость. Люль, Лель также обозначалъ дѣда. И Дидъ-Ладо и Люль, Лель до сихъ поръ еще остались въ нашихъ пѣсняхъ.

А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой Дидъ-Ладо, сѣяли, сѣяли!
А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ;
Ой Дидъ-Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
. . . .

Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба!
Растетъ чернь, черница,
Люли, люли, черница!
А во той ли во черницѣ,

Люли, люли, во черницѣ!
Черенъ соболь скачетъ,
Люли, люли, скачетъ!

Солнцу славяне праздновали нѣсколько разъ въ годъ. Праздникъ Коляда былъ въ концѣ декабря, когда солнце поворачиваетъ на весну, и дни начинаютъ прибывать. Въ это время ходили изъ дома въ домъ, славили божество и собирали подаяніе, чтобы принести богу жертву. Этотъ языческій обрядъ сохранился на Руси во многихъ мѣстахъ и понынѣ; колядуютъ въ сочельникъ предъ Рождествомъ.

По Дунаю по рѣкѣ,
По бережку по крутому,
Лежатъ гусли не налаженныя.
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!

Другой праздникъ былъ весенній, его справляютъ и теперь и называютъ масленицей. Весну обыкновенно встрѣчали на красной горкѣ и водили хороводы, а зиму сожигали, сдѣлавши для этого женское чучело, которое называли Мара, или Марана. Чучело теперь не жгутъ; вмѣсто того на саняхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на колесѣ. Дѣлается это не спроста, хоть и не завѣдомо: колесо встарину изображало солнце, солнцу же былъ и праздникъ.

Еще большой праздникъ у славянъ былъ 23 іюня и назывался Купала. Вечеромъ въ этотъ день собирали травы, купались, зажигали костры и прыгали чрезъ нихъ; приносили въ жертву солнцу бѣлаго пѣтуха, а чучело Мару топили въ водѣ. Этотъ праздникъ справляютъ у насъ и понынѣ, только называютъ его не просто Купалой, а Иваномъ Купалой, потому что онъ приходится на Ивановъ день. Про него есть разныя повѣрья: говорятъ, будто деревья въ эту ночь

ведутъ промежъ себя бесѣду, будто они расхаживаютъ по лѣсу, и многое другое. Правды тутъ нѣтъ, а смыслъ есть: видно встарину такъ думали.

Славяне вѣрили въ будущую жизнь; они думали, что души умершихъ начальныхъ людей и по смерти имѣютъ заботу о своихъ родичахъ, а потому молились имъ. Молились, напримѣръ, Чуру, или Щуру, что̀ значитъ дѣдъ, прадѣдъ; слово это не забылось у насъ и доселѣ. Когда кто боится нечистой силы, то говоритъ: „чуръ меня“, т.-е. зоветъ себѣ Щура на защиту, самъ того не разумѣя. Чуръ и домовой почти одно и то же; только древнiе славяне считали домового за старика добраго и не боялись его.

Славяне думали, что души усопшихъ воскресали вся-кую весну и бродили по землѣ; поэтому съ весны начинали ихъ поминать, ѣли блины — поминальное кушанье — и вѣрили, что покойники ѣдятъ тутъ же. Да и теперь у насъ многiе думаютъ, будто въ святки души умершихъ ходятъ по землѣ; такъ же, какъ встарину, мы ѣдимъ блины; иные поливаютъ могилы виномъ, кладутъ на нихъ для покойниковъ разную снѣдь, зарываютъ красныя яйца. Предки наши вѣрили въ русалокъ, думали, что онѣ — души умершихъ, которыя весною выходятъ изъ могилъ на свѣтлое солнышко и водятъ хороводы. Въ честь ихъ заводили разныя игры, переряживались, надѣвали маски, личины. Главнымъ праздникомъ русалокъ былъ **семикъ**; въ это время справляли имъ какъ будто проводы въ могилу. Вѣрятъ въ русалокъ и до сей поры: и теперь около Троицына дня празднуютъ семикъ, и теперь думаютъ, что русалки — души усопшихъ, только не всѣхъ, а младенцевъ некрещенныхъ. Про русалокъ и теперь разсказываютъ, будто онѣ бѣгаютъ по полямъ и приговариваютъ: „бухъ, бухъ, соломенный духъ; меня мати породила, некрещену положила“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ даже до по-

слѣдняго времени обычай, — развѣшивать полотенца по деревьямъ — русалкамъ на рубашки.

Славяне вѣрили въ водяныхъ, лѣшихъ, кикиморъ и считали ихъ за души умершихъ. Вездѣ у нихъ были боги: въ лѣсу — лѣшій, въ водѣ — водяной, въ избѣ — домовой. Вѣрили они и въ кощея-ядуна (кощея безсмертнаго), и въ треклятую бабу-ягу, въ наговоры, заговоры и гаданья. Всѣ эти повѣрья живутъ у насъ и теперь, вмѣстѣ со старинными играми и забавами, хороводами, горѣлками, вмѣстѣ съ разными суевѣріями. Было, напримѣръ, у славянъ божество, которое называлось Живый; славяне думали, что Живый оборачивается весною въ кукушку, и потому спрашивали у кукушки, кому сколько лѣтъ жить. Нынче въ Живаго никто не вѣритъ и мало кто про него слыхивалъ, а про года на кукушкѣ все-таки загадываютъ.

Вотъ каковы были наши предки болѣе тысячи лѣтъ назадъ. Разселившись широко отдѣльными родами, которые безпрестанно ссорились и дрались между собой, славяне не могли давать врагамъ крѣпкаго отпора, и потому сосѣдніе иноплеменные народы заставляли ихъ платить дань, подать. Это случилось и съ сѣверными славянами. За Балтійскимъ моремъ жили народы, которыхъ славяне называли варягами. Варяги землепашествомъ заниматься не любили, а разгуливали въ легкихъ лодкахъ по морю да грабили, забираясь иногда въ дальнія страны. Славянъ они знали давно, потому что добывали у нихъ хлѣбъ и мѣха; знали ихъ и потому, что чрезъ славянскія земли лежалъ имъ путь въ Грецію, куда варяги ходили или на грабежъ, или наниматься на службу къ греческимъ императорамъ. Повысмотрѣвъ все у славянъ, варяги явились изъ-за моря и на ильменскихъ славянъ, на кривичей да на нѣсколько финскихъ племенъ наложили дань. Племена стали платить дань, только платили не долго: года черезъ два имъ удалось

выгнать варяговъ назадъ за море. Избавившись отъ враговъ, они однако не нажили себѣ покоя и мира; родъ всталъ на родъ, пошли неурядица, война, грабежъ. Только ильменскіе славяне, кривичи да два финскихъ племени, весь и чудь, собрались на вѣче и стали разсуждать, какъ бы завести у себя миръ и порядокъ. Рѣшили поставить князя, который бы владѣлъ ими и судилъ по праву. А чтобы князь не радѣлъ своему роду больше, чѣмъ другимъ, и не развелъ бы прежнихъ смутъ и усобицъ, вѣче положило: призвать князя чужого, изъ варяговъ, снарядивъ для этого пословъ.

Было между варягами одно небольшое племя, которое называлось русь; къ этому-то племени и отправились послы. Пришедши къ варягамъ-руси послы сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами". И собрались три брата съ родичами своими, взяли съ собою всю русь и въ 862 году пришли. Старшій братъ, Рюрикъ, построилъ Ладогу и сѣлъ въ ней; второй братъ, Синеусъ, сѣлъ на Бѣлоозерѣ; третій, Труворъ, въ Изборскѣ. Отъ нихъ-то и прозвалась земля русскою.

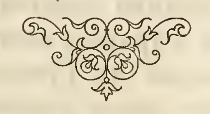
Черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли; Рюрикъ сталъ княжить одинъ и поселился въ Новгородѣ. Въ это время два варяга, Аскольдъ и Диръ, выпросились у него итти съ родичами своими въ Греческую землю. Отправившись внизъ по Днѣпру, они по дорогѣ на горѣ увидѣли городокъ и спросили у жителей: „чей это городъ?" Имъ отвѣчали, что были три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ, построили городокъ и перемерли, а потомки ихъ платятъ теперь дань козарамъ. Козары же были степной народъ неславянскаго племени. Аскольдъ и Диръ остались въ этомъ городѣ (назывался онъ Кіевъ — отъ имени Кій), собрали около себя много варяговъ и стали владѣть землею полянъ.

Въ 879 году умеръ Рюрикъ, оставивъ малолѣтняго

Пришествіе варяговъ

сына, Игоря; княжить сталъ его родственникъ Олегъ. Собравъ войско, пошелъ онъ по Днѣпру, взялъ на пути нѣсколько городовъ, посадилъ въ нихъ своихъ воеводъ и отправился дальше. Подойдя къ горамъ кіевскимъ, онъ узналъ, что въ Кіевѣ княжатъ Аскольдъ и Диръ, люди изъ дружины Рюриковой. Олегъ оставилъ бо́льшую часть своей рати назади и подплылъ къ Кіеву въ нѣсколькихъ лодкахъ, спрятавъ въ нихъ ратныхъ людей. Тутъ онъ послалъ сказать Аскольду и Диру, что ихъ земляки, купцы, идутъ въ Грецію и хотятъ съ ними повидаться. Какъ только Аскольдъ и Диръ пришли, ратники Олега повыскакали на берегъ и кинулись на нихъ, а Олегъ сказалъ: „Вы не князья и не княжескаго рода, а я рода княжескаго, и вотъ сынъ Рюриковъ“, тутъ онъ показалъ на Игоря. Аскольда и Дира убили, а Олегъ остался въ Кіевѣ и назвалъ его „матерью городамъ русскимъ“. Съ той поры Кіевъ сдѣлался столицею, главнымъ городомъ Русской земли.

II.

Ольга Мудрая.

Олегъ правилъ землею 33 года, бился въ это время со многими сосѣдними народами, покорялъ славянскія племена, налагалъ на нихъ дани и строилъ въ ихъ земляхъ острожки, куда сажалъ своихъ ратныхъ людей, чтобъ окрестную землю блюли и подъ его княжеской рукой держали. Но славяне были бѣдны, дань давали скудную. Олегъ набралъ большую рать и въ ладьяхъ отправился за добычей въ богатую Грецію. И тутъ выпала Олегу удача: онъ справилъ съ грековъ большой окупъ золотомъ, шелковыми тканями, греческимъ виномъ и всякимъ узорочьемъ и урядилъ договоромъ многія льготы для русскихъ торговцевъ въ Греческой землѣ. Народъ дивился удачѣ своего князя и прозвалъ его вѣщимъ, т.-е. кудесникомъ, чародѣемъ.

Послѣ Олега княжилъ сынъ Рюрика, Игорь. Не было въ немъ ни великой отваги, ни хитраго разума Олегова, любовь же къ корысти и стяжанію была большая. По Олегову слѣду онъ тоже ходилъ въ Грецію за добычей, но безъ успѣха; ходилъ и по славянскимъ землямъ за данью. Такъ пошелъ онъ въ Древлянскую землю, взялъ дань и, натворивъ всякаго насилія, повернулъ было домой, но собраннаго добра показалось ему мало. Онъ послалъ дружину домой, а самъ съ малымъ числомъ лю-

дей вернулся къ древлянамъ; тѣ вышли изъ своего города и убили его.

Послѣ Игоря осталась вдова Ольга и сынъ Святославъ. Святославу было всего года четыре; за малолѣтствомъ его стала править Русскою землею княгиня Ольга. Писаннаго закона въ то время на Руси еще не было, а жили по старымъ обычаямъ и держались ихъ крѣпко. Обычай указывалъ за смерть человѣка мстить, иначе на близкихъ родичей убитаго падалъ великій срамъ. Ольга не захотѣла да и не могла нарушить исконный обычай и отомстила древлянамъ за своего мужа.

Убивъ Игоря, древляне стали думать: „выдадимъ жену его за нашего князя Мала, а со Святославомъ сдѣлаемъ, что̀ хотимъ“, и послали двадцать выборныхъ людей сватать Ольгу. Ольга позвала ихъ къ себѣ и спросила, что̀ имъ надо? Послы отвѣчали: „Послала насъ Древлянская земля и велѣла сказать: мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ какъ волкъ, а у насъ князья добрые, пойди замужъ за нашего князя Мала“. Ольга отвѣчала: „Люба мнѣ ваша рѣчь; мужа мнѣ вѣдь не воскресить. Хочу почтить васъ передъ всѣми людьми; ступайте въ свою ладью, разлягтесь, величаясь, а какъ пришлю завтра за вами, то велите нести васъ въ ладьѣ“. Древляне ушли, а Ольга велѣла у терема своего, за городомъ, вырыть большую и глубокую яму. Утромъ пришли за древлянами посланные отъ Ольги; древляне сказали имъ: „Ни пѣшкомъ не пойдемъ, ни на коняхъ и на возахъ не поѣдемъ, несите насъ на ладьѣ“. Посланные подняли лодку и понесли, а древляне сидѣли въ ней и величались. Такъ ихъ принесли къ ямѣ, бросили туда вмѣстѣ съ лодкой и живыхъ засыпали землей. Послѣ этого Ольга послала въ Древлянскую землю пословъ и велѣла сказать: „Если вправду просите меня къ себѣ, то пришлите самыхъ лучшихъ людей, чтобы мнѣ прійти къ вамъ съ честію, а то кіевляне, пожалуй, не пустятъ“.

А что̀ сталось съ первыми посланными, про то говорить не велѣла. Древляне выбрали лучшихъ людей, которые держали ихъ землю, и послали ихъ въ Кіевъ. Ольга велѣла вытопить для пословъ баню; когда они пріѣхали и вошли въ баню мыться, то ихъ заперли и баню подожгли. Хитроумная княгиня опять послала въ Древлянскую землю и приказала сказать: „Я ужъ иду къ вамъ; наварите побольше меду, я поплачу надъ могилой моего мужа и справлю тризну". Древляне и тутъ не поняли замысла княгини, наварили меду и стали ее ждать. Ольга пришла налегкѣ, съ малой дружиной, поплакала надъ Игоревой могилой, велѣла насыпать надъ нею высокій курганъ и творить по мужѣ тризну. „А гдѣ наши послы, которыхъ мы къ тебѣ посылали?" спросили древляне. Ольга отвѣчала: „Идутъ позади съ дружиной моего мужа". Древляне повѣрили и сѣли пить; кіевляне, по приказу Ольги, прислуживали имъ. Когда древляне охмелѣли, Ольга отошла прочь и велѣла своей дружинѣ ихъ избивать. Такъ избито было до 5000 древлянъ, и Ольга воротилась въ Кіевъ.

На другой годъ княгиня Ольга собрала большую рать, взяла сына Святослава и пошла воевать Древлянскую землю. Древляне стали полкомъ, были побиты, побѣжали и затворились по своимъ городамъ. Рать Ольгина обступила городъ Искоростень, гдѣ былъ убитъ Игорь, но взять его не могла. Древляне уразумѣли, что имъ милости и пощады ждать нечего, а потому сидѣли твердо и бились крѣпко. Такъ прошло цѣлое лѣто. Ольга придумала хитрое дѣло: послала пословъ въ Искоростень и велѣла сказать: „Чего вы сидите? Всѣ ваши города отдались мнѣ, обѣщали давать дань и теперь мирно пашутъ землю. Неужели вы хотите лучше голодной смертью сгинуть, чѣмъ дань платить?" Древляне отвѣчали: „Рады бы давать тебѣ дань, да ты станешь мстить за мужа". На это Ольга велѣла имъ сказать: „Я ужъ три раза отомстила

за мужа, больше не хочу; помирюсь съ вами, возьму дань и пойду домой". Древляне отвѣчали, что готовы давать медомъ и мѣхами; но Ольга сказала, что отъ нужды и осады нѣтъ у нихъ ни меду ни мѣховъ, что довольно будетъ, если они пришлютъ съ каждаго двора по три голубя и по три воробья. Древляне обрадовались и послали къ Ольгѣ дань съ поклономъ. Ольга раздала своимъ ратнымъ людямъ воробьевъ и голубей, велѣла привязать къ ихъ хвостамъ тряпки съ сѣрой, въ сумерки зажечь тряпки и пустить птицъ на волю. Полетѣли голуби по голубятнямъ, воробьи подъ стрѣхи, и всѣ дворы искоростенскіе загорѣлись разомъ, такъ что тушить было нельзя. Настало въ городѣ великое смятеніе. Чтобы не сгорѣть самимъ, горожане пустились бѣжать въ разныя стороны, а Ольгины ратники ихъ перехватили. Старшинъ княгиня взяла себѣ, многихъ иныхъ раздала своей дружинѣ, на остальныхъ наложила тяжкую дань. Послѣ того Ольга прошла по Древлянской землѣ, установила дани и оброки и воротилась въ Кіевъ.

Не хитрые были порядки, по которымъ русскіе князья правили тогда землей, не велико земское устроеніе, но все же это дѣло требовало радѣнія и надзора. У княгини же Ольги, какъ у женщины, было больше охоты къ хозяйству, чѣмъ къ дѣламъ ратнымъ, и, какъ добрая хозяйка, она принялась за внутренніе распорядки. Проживъ годъ въ Кіевѣ послѣ древлянскаго погрома, Ольга поднялась въ дорогу и, начиная съ полуночныхъ странъ, объѣхала русскія земли. Всюду установила она оброки и дани, устроила погосты, давала судъ и правду. Знаки Ольгина пути виднѣлись долгое время послѣ ея смерти; черезъ 100 лѣтъ и больше, указывали на ея становища, ловища, погосты и перевозы. На многіе годы сохранилась въ людской памяти добрая слава о ея праведныхъ судахъ и распорядкахъ, а въ Псковѣ, откуда Ольга была родомъ, показывали даже сани, на которыхъ она ѣздила.

Скоро послѣ того Ольга задумала большое дѣло. Хотя славяне и варяги исповѣдывали еще вѣру идольскую, языческую, но святая Христова вѣра уже дошла до Кіева. При Игорѣ, Ольгиномъ мужѣ, въ Кіевѣ уже было не мало христіанъ православной греческой вѣры и стояла соборная церковь во имя св. Иліи. Видя добродѣтельное житіе кіевскихъ православныхъ, Ольга сошлась съ ними и скоро уразумѣла, что правда и спасеніе не въ идольствѣ, а въ христіанствѣ. Чтобы узнать истинную вѣру ближе, положила она съѣздить въ главный городъ Греческой имперіи — Царьградъ (Византія, Константинополь). Съ нею поѣхало много именитыхъ женщинъ, пословъ и разнаго чина людей. Въ Греческой землѣ было тогда два царя; приняли они русскую княгиню съ высокоуміемъ и заставили ее не малое время прождать на городскомъ корабельномъ пристанищѣ. Послѣ того стали ей показывать святые храмы Божіи; были они красоты дивной, церковная служба шла съ величіемъ неописаннымъ. Увидѣвъ все это и узнавъ отъ греческихъ толковниковъ, въ чемъ есть разумъ ихъ вѣры, мудрая Ольга захотѣла сподобиться вѣчной жизни. Крестилъ ее Цареградскій патріархъ *), а воспріемникомъ отъ купели былъ императоръ; Ольгу нарекли во св. крещеніи Еленою. Когда чинъ крещенія совершился, патріархъ поучалъ ее о церковномъ уставѣ, постѣ, молитвѣ и сказалъ: „Благословенна ты въ женахъ русскихъ, потому что оставила тьму и полюбила свѣтъ; да благословятъ тебя люди русскіе до послѣдняго рода".

Принявъ крещеніе и получивъ дары отъ греческаго царя, своего крестнаго отца, Ольга вернулась благополучно въ Кіевъ. Спустя немного времени, греческій царь прислалъ къ ней посла и велѣлъ сказать: „Я тебя много

*) Патріархами называются главные архіереи православной церкви; ихъ четыре, въ разныхъ мѣстахъ.

Къ стран. 15.

Св. Ольга уговариваетъ сына принять св крещенiе.

дарилъ, и ты обѣщала отдарить меня рабами, воскомъ, мѣхами и прислать мнѣ рать на помощь". Ольга отвѣчала посламъ: „Скажите вашему царю, что я дамъ ему все, что̀ обѣщала, только пусть онъ прежде постоитъ у меня на Почайнѣ (ручей въ Кіевѣ), сколько я стояла у него въ гавани".

Сына своего, Святослава, Ольга воспитывала до возраста его и мужества его. Войдя въ лѣта, набралъ онъ себѣ дружину изъ храбрыхъ воиновъ и пустился въ богатырскіе набѣги на окрестныя страны. Идучи въ походъ, онъ не бралъ съ собой возовъ, даже шатровъ и котловъ не возилъ: и онъ самъ и дружина его спали на конскихъ попонахъ, подложивъ сѣдло подъ голову; мяса не варили, а нарѣзавъ ломтями звѣрину, конину или говядину, жарили на угольяхъ. Птицею переносилась съ мѣста на мѣсто удалая дружина русскаго князя, не вѣдая устали, но не нападала на враговъ, къ бою не готовыхъ; собираясь на кого-нибудь ратью, Святославъ посылалъ впередъ сказать: „иду на васъ".

Такой браннолюбивый князь не могъ сидѣть дома, сложа руки. Вся жизнь его проходила въ набѣгахъ и кровавыхъ сѣчахъ. Въ восточныхъ степяхъ кочевали козары, степной народъ, отъ котораго много терпѣли русскія земли. Святославъ разгромилъ козаръ и взялъ ихъ главный городъ, потомъ напалъ на прикавказскіе народы, ясовъ и косоговъ, и побилъ ихъ. По рѣкѣ Окѣ жило славянское племя — вятичи, которые русскимъ князьямъ дани не давали; Святославъ покорилъ и ихъ подъ свою руку. Ольга не мѣшала сыну въ ратныхъ дѣлахъ, но, заботясь о спасеніи его души, не разъ упрашивала его креститься; Святославъ не хотѣлъ и слушать, даже сердился на мать за докуку.

Греческій царь терпѣлъ тогда большую истому отъ многихъ враговъ. Услышавъ про подвиги русскаго князя, прислалъ онъ ему богатые дары и звалъ къ себѣ на по-

мощь, воевать Болгарскую землю. Святославъ собралъ дружину, пошелъ на р. Дунай, повоевалъ болгаръ и сѣлъ въ ихъ городѣ Переяславцѣ.

Время проходило, Святославъ княжилъ въ Переяславцѣ, а Кіевъ оставался безъ князя и безъ обороны. Почти отъ самаго Кіева тянулась степь, по которой бродили кочевые племена, привыкшія жить грабежомъ и набѣгами. Одно изъ такихъ племенъ, печенѣги, неустанно воевавшіе съ козарами, послѣ разгрома Козарскаго царства Святославомъ, заняли ихъ мѣсто и стали сосѣдями Руси. Свѣдавъ про беззащитность Кіева, они пришли великою силою и облегли его. Въ городѣ заперлась княгиня Ольга съ внучатами и собралось много народа; нельзя было ни выйти за городъ, ни вѣсти послать; люди изнемогали отъ жажды и голода. На другой сторонѣ Днѣпра хоть и стояла въ лодкахъ небольшая рать, но не смѣла напасть на печенѣговъ, да и не знала, что кіевляне терпятъ большую нужду. Запечалились кіевляне и стали говорить: „не возьмется ли кто пробраться на ту сторону и оповѣстить ратныхъ людей, чтобы шли къ намъ на выручку?“ Вызвался одинъ молодой парень, взялъ въ руки узду и, выйдя изъ города, пошелъ по печенѣжскому становищу, спрашивая встрѣчныхъ по-печенѣжски, не видалъ ли кто его коня? Степняки приняли его за своего и дали ему дойти до Днѣпра. Подойдя къ берегу, молодой кіевлянинъ сбросилъ съ себя платье и кинулся въ воду. Печенѣги увидѣли, что оплошали, и стали стрѣлять, но стрѣлы не долетали, а ратные люди, что̀ стояли у другого берега, выѣхали къ пловцу навстрѣчу и взяли его въ лодку. Начальнымъ человѣкомъ этой малой дружины былъ воевода Претичъ. Выбравшійся изъ Кіева парень сказалъ ему: „если не подступишь завтра къ городу, то люди отдадутся печенѣгамъ“. На другой день, на разсвѣтѣ, дружина Претича сѣла въ лодки и пустилась черезъ рѣку къ Кіеву, громко трубя въ трубы;

люди въ городѣ стали кричать отъ радости. Печенѣги переполошились, подумали, что идетъ самъ Святославъ, и отбѣжали отъ города, а тѣмъ временемъ Ольга со внучатами сѣла въ лодку и переѣхала на другой берегъ. Увидя это, печенѣжскій князь воротился одинъ къ воеводѣ Претичу и спросилъ его: „Ты не князь ли?“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ Претичъ: „я пришелъ въ сторожахъ, а по мнѣ идетъ князь съ большой ратью“.—„Будь мнѣ другъ“, сказалъ печенѣжскій князь и далъ Претичу коня, саблю и стрѣлы, а Претичъ отдарилъ его мечомъ, щитомъ и броней.

Печенѣги однако не ушли совсѣмъ, а стали вблизи, такъ что русскимъ людямъ нельзя было коней поить. Кіевляне послали гонцовъ къ Святославу и велѣли сказать ему: „Ты, князь, чужой земли ищешь, а свою оставилъ; печенѣги чуть не взяли насъ и мать твою, и дѣтей твоихъ; коли не придешь, такъ возьмутъ, — развѣ не жаль тебѣ твоей отчизны, дѣтей и старухи-матери?“ Святославъ съ дружиною сѣлъ на коней, спѣшно пришелъ въ Кіевъ, поздоровался съ матерью и дѣтьми и прогналъ печенѣговъ въ степь.

Мирная кіевская жизнь была однако не по сердцу Святославу. Стало ему скучно и сказалъ онъ матери и боярамъ: „Не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тамъ середина земли моей; туда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе: отъ грековъ — золото, шелковыя ткани, вина, овощи; отъ чеховъ и венгровъ — серебро и коней; изъ Руси — мѣха, воскъ, медъ и рабовъ“. На это отвѣчала ему Ольга: „Видишь, что я больна, какъ же ты уйти хочешь? Похорони меня прежде, и тогда иди, куда угодно“. Святославъ послушался, остался; ждать ему пришлось не долго. Недугъ все больше одолѣвалъ Ольгу, и черезъ три дня она отдала Богу душу. Плакали по ней сынъ, внуки и всѣ люди плачемъ великимъ, но языческую тризну не справляли, потому что

таковъ былъ приказъ Ольги; похоронилъ ее православный священникъ по обычаю христіанскому.

Православная Церковь нарекла Ольгу святою, а русскій народъ прозвалъ ее мудрою.

Послѣ кончины матери Святославъ опять отправился въ Болгарію, но прежняго счастья ему уже не было. Сначала встали на него болгары, потомъ греки ополчили стотысячную рать. Святославъ бился мужески, не разъ побивалъ враговъ, разорилъ многіе города, которые долго послѣ того лежали пусты, но одолѣть несмѣтную вражескую силу не могъ. Дружина его рѣдѣла, а подмоги ждать было нéоткуда: родная земля лежала далеко. Пришлось просить у грековъ мирнаго докончанія и уходить домой. Святославъ поплылъ въ ладьяхъ моремъ и потомъ Днѣпромъ. Печенѣги, провѣдавъ, что онъ ворочается съ малой дружиной и богатой добычей, заступили днѣпровскіе пороги. Тутъ Святославъ и сложилъ свою удалую голову. Печенѣжскій князь велѣлъ оковать его черепъ золотомъ и на веселыхъ пирахъ пилъ изъ этой чаши.

III.

Владиміръ Красное Солнышко.

Собираясь во второй болгарскій походъ, Святославъ раздѣлилъ Русскую землю между своими сыновьями: старшаго — Ярополка посадилъ въ Кіевѣ, второго — Олега въ Древлянской землѣ, а младшаго — Владиміра, по просьбѣ новгородцевъ, послалъ въ Новгородъ. Въ 972 году Святославъ умеръ, и скоро два старшіе его сына перессорились между собою и пошли другъ на друга ратью. Олегъ бѣжалъ съ боя, упалъ съ моста въ ровъ и былъ задавленъ навалившимися на него конями. Узнавъ про это, Владиміръ, князь Новгородскій, отправился за море и привелъ варяговъ, чтобы отомстить Ярополку за смерть Олега. Собираясь итти на брата, Владиміръ вздумалъ жениться и послалъ къ полоцкому князю Рогволоду сватать дочь его Рогнѣду. А Рогнѣда была уже просватана за Ярополка. Рогволодъ спросилъ у дочери, хочетъ ли она итти за Владиміра? Рогнѣда отвѣчала: „Не хочу разувать сына рабыни, хочу итти за Ярополка“. По старому обычаю, который и теперь ведется мѣстами у крестьянъ, молодая послѣ вѣнца снимала мужу сапогъ; объ этомъ Рогнѣда и говорила, а

назвала она Владимира сыномъ рабыни потому, что мать его была ключницей у княгини Ольги. Посланные сваты вернулись и пересказали Владимиру слова Рогнѣды. Владимиръ сильно разгнѣвался, пошелъ на полочанъ войною, взялъ Полоцкъ, убилъ Рогволода и двухъ его сыновей, а Рогнѣду взялъ себѣ въ жены насильно.

Кончивъ съ Полоцкомъ, Владимиръ пришелъ къ Кіеву и послалъ къ кіевскому воеводѣ Блуду съ такою рѣчью: „Помоги мнѣ; убью брата, и ты получишь отъ меня большую честь. Не я началъ убивать братьевъ, а онъ; я же пришелъ на него, убоясь, чтобы и мнѣ чего не было“. Блудъ отвѣчалъ Владимиру: „Буду помогать тебѣ по сердцу и въ пріязнь“. Скоро Кіевъ сдался; Блудъ уговорилъ Ярополка итти къ Владимиру и отдаться на его волю. Ярополкъ пріѣхалъ къ Владимиру и пошелъ къ нему въ теремъ, но едва вошелъ въ дверь, какъ два варяга подняли его на пазухи мечами. Убивши брата, Владимиръ сталъ княжить одинъ надъ всею Русью.

Онъ принялся ставить вокругъ своего терема кумиры и приносить имъ людей въ жертву. Разъ бояре и старцы бросили жребій — кого зарѣзать богамъ на жертву. Жилъ тогда въ Кіевѣ одинъ варягъ-христіанинъ, у него былъ сынъ; на этого сына и палъ жребій. Послали къ варягу людей; они пришли и сказали ему: „На твоего сына палъ жребій; боги поизволили его себѣ, принесемъ его въ жертву“. Варягъ отвѣчалъ: „То не боги, а дерево; сегодня цѣло, а завтра сгніетъ. Богъ одинъ, Которому поклоняются греки; Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды, луну, солнце и человѣка; а ваши боги чтó сдѣлали? Сами они дѣланные; не дамъ я моего сына бѣсамъ“. Посланные пересказали народу отвѣтъ варяга. Толпа вооружилась и повалила къ его дому. „Подавай сына въ жертву богамъ“, кричалъ народъ. Варягъ отвѣчалъ: „Если это боги, то пусть пришлютъ кого-нибудь изъ своихъ, а вы чего расходились?“ Народъ завопилъ и бросился рубить

сѣни; сѣни обвалились и задавили варяга съ сыномъ. Это были первые христіанскіе мученики на Руси; св. Церковь празднуетъ ихъ память подъ именемъ Ѳеодора и Ивана.

Служа идоламъ, Владимиръ не забывалъ однако дѣлъ ратныхъ; войною ходилъ онъ на окрестные народы и побѣждалъ ихъ всѣхъ; у кого отбивалъ города, на кого накладывалъ дань.

Такъ прошло не мало времени. Однажды пришли къ Владимиру болгары, вѣрою магометане, и сказали ему: „Ты князь мудрый, а не знаешь закона: вѣруй въ законъ нашъ и поклонись богу нашему“. — „А какой вашъ законъ?“ спросилъ князь. Болгары разсказали ему, каковъ законъ Магометовъ, сказали, что нельзя ѣсть свинины, нельзя пить вина. Владимиръ возразилъ: „пить есть веселіе Руси, не можемъ мы безъ того быть“, и отослалъ болгаръ. Послѣ болгаръ пришли нѣмцы, и прислалъ ихъ римскій папа, главный архіерей латинской вѣры. Владимиръ выслушалъ и отвѣчалъ: „Идите домой; отцы наши вашей вѣры не принимали“. Потомъ явились къ Владимиру евреи и стали выхвалять ему свою вѣру. „А гдѣ земля ваша?“ спросилъ ихъ князь. — „Въ Іерусалимѣ“, отвѣчали евреи; „но Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ и расточилъ ихъ по всѣмъ странамъ за грѣхи“. Владимиръ сказалъ имъ на это: „Если бы Богъ любилъ васъ и законъ вашъ, не были бы вы разсѣяны по всей землѣ; вы хотите, чтобы и намъ то же было!“ Наконецъ, греки прислали къ князю своего философа (мудреца). Онъ много говорилъ Владимиру о христіанской вѣрѣ и показалъ ему изображеніе Страшнаго Суда: праведники были по правую сторону и шли въ рай, а грѣшники находились по лѣвую руку и шли въ муку вѣчную. Владимиръ вздохнулъ и сказалъ: „Добро этимъ одесную и горе тѣмъ ошуюю“. — „Если хочешь быть съ праведными“, сказалъ философъ, „то крестись“. Владимиръ

хотѣлъ пораздумать и поразсудить, а потому отпустилъ философа, сказавши ему: „подожду еще немного.

На другой годъ собралъ Владиміръ своихъ бояръ и городскихъ старцевъ, разсказалъ имъ, что́ говорили болгары, евреи, нѣмцы и греки, и спрашивалъ совѣта. Бояре и старцы отвѣчали: „Самъ, князь, знаешь, что своего никто не хулитъ; если хочешь испытать гораздо, пошли разузнать, какъ кто служитъ Богу“. Рѣчь эта полюбилась Владиміру, и онъ послалъ десять смышленыхъ мужей сначала къ болгарамъ, потомъ къ нѣмцамъ и къ грекамъ. Когда посланные, побывавъ у болгаръ и нѣмцевъ, пришли въ Царьградъ, патріархъ велѣлъ устроить службу церковную по-праздничному и поставилъ русскихъ на просторномъ мѣстѣ, чтобы все видѣли и слышали. Русскіе изумились, хвалили службу греческую и были отпущены домой съ честью и богатыми подарками.

Владиміръ снова собралъ старцевъ и бояръ. Послы стали разсказывать: „Ходили мы къ болгарамъ, видѣли, какъ они молятся въ мечети (магометанская церковь), стоя безъ пояса; поклонится, сядетъ и глядитъ по сторонамъ какъ безумный; у нихъ не веселье, а печаль и смрадъ: не хорошъ законъ ихъ. Были мы у нѣмцевъ и видѣли въ храмахъ ихъ многія службы, а красоты не видали никакой. Наконецъ, пришли мы къ грекамъ, и повели насъ въ церковь, и не знали мы, на небесахъ находимся или на землѣ, ибо на землѣ нѣтъ такой красоты. Всякій человѣкъ, когда вкуситъ сладкаго, не захочетъ ѣсть горькаго; такъ и мы не хотимъ другой вѣры“. Бояре сказали Владиміру: „Если бы не хорошъ былъ законъ греческій, не приняла бы его бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая изъ людей“. — „Гдѣ же мы крещенье примемъ?“ спросилъ князь. — „Гдѣ тебѣ любо“, отвѣчали бояре.

Владиміръ задумалъ взять съ бою новую вѣру; онъ хотѣлъ показать грекамъ, что, принявъ ихъ вѣру, оста-

Къ стран. 23.

Истребленіе идоловъ въ Кіевѣ.

нется попрежнему вольнымъ русскимъ княземъ и не будетъ подручникомъ греческихъ царей. Для этого онъ пошелъ на греческій городъ Корсунь, въ Крыму, и послѣ многихъ трудовъ взялъ его. Отсюда онъ послалъ сказать греческимъ императорамъ, Василію и Константину, чтобы выдали за него сестру ихъ Анну, иначе онъ пойдетъ на Царьградъ. Императоры отвѣчали, что выдадутъ за него сестру, если онъ приметъ крещеніе, а за язычника христіанка пойти не можетъ. Тогда Владимиръ отвѣчалъ, что готовъ креститься. Съ трудомъ уговорили Анну ѣхать въ Русь. „Мнѣ итти туда все равно, что въ плѣнъ", твердила она: „лучше бы мнѣ здѣсь умереть". Наконецъ она согласилась и когда пріѣхала въ Корсунь, Владимиръ тотчасъ крестился, былъ названъ во св. крещеніи Василіемъ и послѣ крестинъ пошелъ съ Анною къ вѣнцу.

Разсказываютъ, что у Владимира предъ тѣмъ разболѣлись глаза и что послѣ крещенія онъ тотчасъ же выздоровѣлъ, прославилъ Бога и сказалъ: „теперь я узналъ истиннаго Бога!" Увидѣвши это, многіе изъ дружины его тоже крестились.

Вернувшись въ Кіевъ, Владимиръ приказалъ рубить и жечь всѣ кумиры, а Перуна велѣлъ привязать къ хвосту коня и стащить съ горы въ Днѣпръ. Народъ плакалъ, но князю не перечилъ. Потомъ Владимиръ разослалъ по городу гонцовъ — созывать весь народъ на рѣку. На другой день, утромъ, вышелъ князь Владимиръ на Днѣпръ съ царицыными и корсунскими священниками. Народу собралось видимо-невидимо; одни стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь, дѣти ходили гдѣ помельче, у берега, или сидѣли у матерей и отцовъ на рукахъ, священники читали молитвы. Владимиръ, радуясь, что самъ онъ и его люди познали Бога, произнесъ такую молитву: „Боже, сотворивый небо и землю, призри на новыя люди сія и даждь имъ, Господи, увѣдѣти Тебя, истиннаго Бога,

яко же увѣдѣша страны христіанскія; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на Тя и на Твою державу, побѣжду козни его“.

Крестивъ кіевлянъ (въ 988 году), Владимиръ началъ строить церкви въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли прежде кумиры; по городамъ и селамъ заставлялъ людей креститься и всюду разсылалъ священниковъ. При Владимирѣ крестилась, разумѣется, не вся Русь; на такое большое дѣло надо было много времени и радѣнья. Но самое трудное было уже сдѣлано, и этому много помогло то, что священныя книги были уже переведены на славянскій языкъ: значитъ, народъ могъ молиться въ церкви на своемъ языкѣ. Книги перевели святые Кириллъ и Меѳодій, больше ста лѣтъ до Владимира, для одного западнаго славянскаго племени. Владимиръ велѣлъ переписывать эти книги (печатать тогда еще не умѣли), и такъ какъ грамотныхъ не было тогда на Руси почти вовсе, то приказалъ отбирать сыновей у лучшихъ людей и отдавать ихъ въ книжное ученье.

Совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ Владимиръ съ тѣхъ поръ, какъ принялъ Христову вѣру. Войны хоть и приводилось ему вести, но только для того, чтобы оборонять землю. Въ это время сильно развелись на Руси разбои. Архіереи сказали Владимиру: „Зачѣмъ не казнишь разбойниковъ?“ — „Боюсь грѣха“, отвѣчалъ Владиміръ, и только по просьбѣ архіереевъ и старцевъ сталъ казнить разбойниковъ. А прежде, въ язычествѣ, не скупился онъ проливать кровь человѣческую и даже убилъ родного брата. Зная, что Христова вѣра велитъ подавать милостыню, Владимиръ звалъ на свой княжій дворъ всѣхъ нищихъ и убогихъ и велѣлъ имъ раздавать пищу, питье и деньги. Но такъ какъ немощные и больные не могли дойти до двора, то Владимиръ велѣлъ имъ развозить по городу хлѣбъ, мясо, рыбу и раз-

ную овощь, квасъ и медъ. По воскресеньямъ и праздникамъ Владимиръ задавалъ пиры, созывалъ народъ и раздавалъ бѣднымъ деньги.

Послѣ этого не мудрено, что память о князѣ Владимирѣ чрезъ многія сотни лѣтъ дожила до нашихъ дней, и что народъ назвалъ его Краснымъ Солнышкомъ земли Русской. До сей поры поются про него многія пѣсни; въ пѣсняхъ этихъ величается ласковый князь стольно-кіевскій и прославляются его могучіе богатыри. Въ пѣсняхъ поется не про одну какую-нибудь быль, а вообще про старое да бывалое, какъ оно сложилось въ памяти добрыхъ людей, какъ сказалось въ смиренной бесѣдѣ за чарой зелена вина или меду сладкаго. Въ пѣсняхъ живетъ память о временахъ стародавнихъ; много въ нихъ за давностію времени перепутано, прибавлено, чего не было и быть не могло, а все-таки смыслъ пѣсенъ правдивый, вѣрный. Не мимо сказано въ пословицѣ: „сказка — складка, пѣсня — быль". Въ иной пѣснѣ поется про то, чтó было далеко послѣ Владимира, богатыри его бьютъ татаръ, тогда какъ про нихъ при Владимирѣ и слуху не было, а все-таки въ той пѣснѣ Владимиръ-князь красуется. Это оттого, что крѣпко засѣлъ онъ въ памяти народной, и никто другой изъ старинныхъ русскихъ людей ему по плечу не приходился. Онъ былъ настоящій князь, старинный русскій князь: на полѣ ратномъ грозный, на веселомъ пиру привѣтливый, милостивый, до нищей братіи щедрый. Имъ просвѣтилась земля Русская; съ него начала она прозываться святою и православною, и Церковь русская причислила его къ лику своихъ святыхъ, назвавъ Равноапостольнымъ.

Многіе богатыри прославляются въ пѣсняхъ этихъ. Тутъ есть тихій Дунай сынъ Ивановичъ, Алеша Поповичъ, Чурила Пленковичъ, Добрыня Никитичъ и другіе. Всѣ они много потрудились, добывая себѣ чести, князю

славы, а святой родинѣ мира и покоя. Дѣла ихъ небывалыя, выдуманныя, но ихъ бои съ нехристями да ихъ нравъ и обычай — все это было на самомъ дѣлѣ въ русскомъ народѣ.

По пѣснямъ выходитъ, что самый сильный и могучій изъ всѣхъ этихъ богатырей былъ крестьянскій сынъ Илья Муромецъ. Илья былъ родомъ изъ Мурома, изъ села Карачарова, и сидѣлъ сиднемъ ровно тридцать лѣтъ. Разъ приходятъ къ нему калики перехожіе и просятся въ избу. „Не могу“, отвѣчалъ Илья: „не владѣю ни руками ни ногами“. Но по одному слову каликъ Илья всталъ, впустилъ ихъ и поднесъ имъ чару меду сладкаго. Они напились и ему подали; Илья выпилъ. „Много ли чуешь въ себѣ силушки?“ спросили калики.— „Кабы столбъ отъ земли до неба“, сказалъ Илья, „а у столба золотое кольцо, я бы взялъ за кольцо, поворотилъ бы Святорусскую землю“. — „Много силы, земля не вынесетъ“, сказали калики и подали ему другую чару. „Что чуешь теперь?“ — „Во мнѣ силушки половинушка“, отвѣчалъ Илья. — „Будетъ съ тебя“, сказали калики.

Пошелъ Илья въ чисто поле, видитъ — мужичокъ ведетъ жеребчика немудраго. Илья купилъ жеребца, выкормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ, выкаталъ въ трехъ росахъ, взялъ у батюшки, у матушки прощеньице-благословеньице и поѣхалъ въ чисто поле. Послѣ долгаго пути подъѣзжаетъ онъ къ городу Чернигову, а подъ городомъ вражьей силы чернымъ-черно; Илья избилъ враговъ всѣхъ до послѣдняго и поѣхалъ къ Кіеву. А дорога въ Кіевъ уже тридцать лѣтъ залегла: тутъ сидѣлъ на девяти дубахъ страшный Соловей-разбойникъ и всѣхъ убивалъ своимъ свистомъ. Какъ только сталъ Илья подъѣзжать къ девяти дубамъ, Соловей-разбойникъ закричалъ и засвисталъ такъ, что у Ильи добрый конь на колѣни палъ. Илья ударилъ коня по тучному бедру,

вынулъ калену стрѣлу и угодилъ Соловью прямо въ глазъ. Комомъ палъ Соловей на сыру землю; Илья привязалъ его къ сѣдельной лукѣ и поѣхалъ въ Кіевъ. Въ это время

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, князя Владимира,
А и было пированье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ.
Много на пиру было князей и бояръ
И русскихъ могучихъ богатырей.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру порасхвастались.
Самъ Владиміръ-князь по горенкѣ похаживаетъ,
Черные кудри расчесываетъ.

Пріѣзжаетъ Илья Муромецъ къ князю на широкій дворъ, идетъ въ палату бѣлокаменную, молится св. иконамъ и кланяется на всѣ четыре стороны, а князю съ княгинею въ особину. На вопросъ князя, Илья говоритъ, кто онъ таковъ, и разсказываетъ, что пріѣхалъ изъ Чернигова по дорогѣ прямоѣзжей.

Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
„А ласково солнце, Владиміръ-князь!
„Въ очахъ дѣтина завирается:
„А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?
„Залегла та дорога тридцать лѣтъ
„Отъ того Соловья-разбойника“.
Говоритъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Гой еси ты, сударь, Владиміръ-князь!
„Посмотри мою удачу богатырскую,
„Какъ я привезъ Соловья-разбойника во дворъ къ тебѣ“.

Тутъ Владиміръ скорешенько вставалъ на рѣзвы ноги и шелъ смотрѣть на Соловья. Илья велѣлъ Соловью свистнуть въ полсвиста.

Закричалъ Соловей по-звѣриному,
Засвисталъ, злодѣй, по-соловьиному,
Замызгалъ, собака, по-собачьему;

А князи и бояре испужалися,
На корачкахъ по двору наползалися,
И Владимиръ-князь едва живъ стоитъ
Съ душой княгиней Апраксѣевной.
Говоритъ тутъ ласковый Владимиръ-князь:
„А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
„Уйми ты Соловья-разбойника,
„А и эта шутка намъ ненадобна“.

Сталъ служить Илья у Владимира-князя; держалъ онъ заставу у Кіева вмѣстѣ съ другими богатырями. Разъ увидѣли съ богатырской заставы пыль-курево въ полѣ; ѣдетъ Сокольничекъ-охотничекъ, богатырей ничѣмъ зоветъ, на Владимира-князя посмѣхъ ведетъ. Выѣзжаетъ Илья противъ нахвальщика, схватился онъ съ нимъ въ рукопашную, подвернулась у Ильи нога, и палъ онъ на сыру землю.

Садился Сокольничекъ на бѣлы груди,
Вынималъ ножище-кинжалище
И сталъ смѣяться-ругатися.
Разъярилось у Ильи сердце богатырское,
Раскипѣлась кровь молодецкая:
Какъ ударилъ онъ Сокольника въ черны груди
И вышибъ его выше лѣсу стоячаго,
Ниже облака ходячаго.
Упалъ Сокольникъ на сыру землю,
Выбивалъ головой, какъ пивной котелъ.

Но не все Ильѣ приходилось драться, приходилось и мирить другихъ. Осердился разъ богатырь Дюкъ Степановичъ на богатыря Чурилу Пленковича и хотѣлъ-было снести ему голову; Илья Муромецъ помѣшалъ, не дозволилъ. Случилось также, что князь Владимиръ изобидѣлъ Илью: созвалъ къ себѣ бояръ и богатырей на пиръ, а про него забылъ. Крѣпко разгнѣвался Илья, но когда Владимиръ повинился, то сердце у Ильи отошло: „Богъ тебѣ проститъ“, сказалъ онъ князю.

Ѣздилъ разъ Илья по чисту-полю и встрѣтилъ калику перехожаго. Разсказалъ ему калика, что въ Кіевѣ бѣда:

наѣхало поганое Идолище, вызываетъ себѣ поединщика. Надѣвалъ Илья платье каличье, лапотки шелковые, шляпу греческую, бралъ клюку сорокапудовую и шелъ въ Кіевъ. Приходитъ онъ въ теремъ княжескій, спрашиваетъ его Идолище, каковъ есть богатырь Илья, по многу ли онъ ѣстъ и пьетъ? Говоритъ Илья, что Илья Муромецъ ростомъ будетъ съ него, калику; ѣстъ-пьетъ столько же, какъ и онъ, калика.

Говоритъ ему Идолище поганое:
„Экой вашъ богатырь Илья:
„Я, вотъ, по семи ведеръ пива пью,
„По семи пудъ хлѣба кушаю“.
Говоритъ ему Илья таковы слова:
„У моего кормильца у батюшки
„Была корова обжорлива:
„Она много пила, ѣла и треснула;
„Такъ и тебѣ треснуть, доброму молодцу“.
Это идолищу не слюбилося,
Схватилъ онъ свое кинжалище булатное
И махнулъ въ калику перехожую.
Пристранился Илья въ сторонушку малешенько,
Пролетѣлъ его мимо-то булатный ножъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватилъ съ головушки шляпу земли Греческой
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы.

Въ другое время приключилась другая бѣда: Калинъ-царь съ несмѣтной силой окружилъ Кіевъ и послалъ къ Владимиру татарина, чтобы князь сдалъ городъ безъ боя. Владимиръ опечалился: по грѣхамъ надъ княземъ учинилося, богатырей на ту пору въ Кіевѣ не случилося. Однако и тутъ выручилъ его Илья. Какъ ясный соколъ въ перелетъ летитъ, какъ бѣлый кречетъ перепархиваетъ, прибѣгаетъ Илья Муромецъ. Онъ утѣшаетъ князя и берется итти посломъ къ Калину. Приходитъ онъ въ татарскій лагерь, Калину-царю поклоняется и говоритъ таково слово:

„А и Калинъ-царь, злодѣй Калиновичъ!
„Прими наши дороги подарочки
„Отъ великаго князя Владимира:
„Перву мису чиста серебра,
„Другую красна золота,
„Третью мису скатнаго жемчуга.
„А дай ты намъ сроку на три дня —
„Отслужить обѣдни съ панихидами,
„Какъ-де служатъ по усопшимъ душамъ,
„Другъ съ дружкой проститися“.

Калинъ подарки взялъ, а сроку не далъ. Разсердился Илья Муромецъ и сталъ ругать Калина, а тотъ велѣлъ связать его руки бѣлыя въ крѣпкіе чембуры шелковые. Пуще разсердился Илья и говоритъ:

„Собака, проклятый ты, Калинъ-царь!
„Отойди прочь съ татарами отъ Кіева!
„Охота ли вамъ, собакамъ, живымъ быть?“
И тутъ Калину за бѣду стало,
И плюетъ онъ Ильѣ въ ясны очи:
„А русскій людъ всегда хвастливъ,
„Опутанъ весь будто лысый бѣсъ,
„Еще ли стоитъ предо мной, самъ хвастаетъ“.
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ въ полдерева стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ,
Схватилъ Илья татарина за ноги,
Который ѣздилъ во Кіевъ-градъ,
И зачалъ татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ — тутъ улицы лежатъ,
Куда отвернетъ — съ переулками;
А самъ татарину приговариваетъ:
„А и крѣпокъ татаринъ, не ломится,
„А и жиловатъ, собака, не изорвется“.
Воротился Илья къ Калину-царю,
Схватилъ онъ Калина во бѣлы руки,
Согнетъ его корчагою,
Поднималъ выше головы своей,
Ударилъ его о горючъ-камень,

Расшибъ его въ крошечки.
Остальные татары на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
„Не дай Богъ намъ бывать въ Кіевѣ,
„Не дай Богъ намъ видать русскихъ людей!“

Подъ конецъ привелось какъ-то Ильѣ ѣхать по чисту полю; ѣдетъ онъ и видитъ: стоитъ чудный крестъ. Илья подъѣхалъ ко кресту.

Стоитъ старый у креста, самъ головой качаетъ,
Головой качаетъ да приговариваетъ:
„Этотъ крестъ есть не простой стоитъ,
„Стоитъ на глубокомъ на погребѣ“.
Сходилъ старый со добра коня
И бралъ крестъ на руки на бѣлыя,
Снималъ со глубокаго со погреба,
И взялъ животъ изъ погреба — золоту казну,
И воздвигнулъ животъ во славный Кіевъ-градъ,
И построилъ онъ церковь соборную.
Тутъ Илья и окаменѣлъ,
И понынѣ его мощи нетлѣнныя.

IV.

Владиміръ Мономахъ.

У Владимира святого было 12 сыновей, между которыми онъ еще при жизни своей подѣлилъ, по́ обычаю того времени, почти всю Русскую землю. Какъ только Владиміръ умеръ (въ 1015 году), между дѣтьми его поднялись раздоры и войны (усобицы). Старшій сынъ Владимира, Святополкъ, убилъ двухъ братьевъ своихъ, Бориса и Глѣба, которыхъ Церковь нарекла потомъ святыми, убилъ еще третьяго и въ мысляхъ положилъ извести остальныхъ. Но одинъ изъ братьевъ, Ярославъ, князь Новгородскій, положилъ конецъ такому душегубству. Онъ ополчился на Святополка, два раза побилъ его на голову и сѣлъ на княженіе въ Кіевѣ, а Святополкъ, прозванный за свои злодѣйства Окаяннымъ, пропалъ безъ вѣсти.

Ярославъ I собралъ подъ свою руку почти всю Русь, отвоевалъ у ляховъ Галицкую землю, ходилъ войною въ Чудь, посылалъ рать въ Грецію мстить за обиды, которыя тамъ терпѣли русскіе купцы, и страшно побилъ печенѣговъ. Но, усердствуя въ дѣлахъ ратныхъ, онъ не меньше того радѣлъ о внутреннемъ устроеніи Русской земли, о благоденствіи русскаго народа: строилъ

города, заселялъ пустынныя мѣста, заботился о судѣ правомъ. Онъ приказалъ записать тѣ обычаи, по которымъ народъ судился изстари, и такимъ образомъ появился на Руси первый писанный законъ, прозванный Русской Правдой; потомъ ее дополняли, и долго по ней велся судъ въ Русской землѣ.

Христова вѣра принималась въ большихъ городахъ и полуденныхъ русскихъ областяхъ легко, но на сѣверѣ туго; много времени прошло, пока всѣ русскіе люди сдѣлались христіанами. Ярославъ прилагалъ великое усердіе, чтобы просвѣтить народъ свѣтомъ истинной вѣры. Онъ строилъ и украшалъ церкви, приказывалъ переводить священныя книги на славянскій языкъ и переписывать, набиралъ дѣтей и отдавалъ ихъ въ книжное ученье при церквахъ, чтобы были грамотные люди для священническаго чина.

Въ это время жилъ въ одномъ селѣ, близъ Кіева, благочестивый священникъ Иларіонъ; онъ ископалъ въ лѣсу надъ Днѣпромъ пещерку и часто хаживалъ туда молиться. Когда, незадолго до своей смерти Ярославъ поставилъ Иларіона въ митрополиты, пришелъ въ пещеру другой богобоязненный мужъ, св. Антоній, и поселился тамъ на строгое постническое житіе. Скоро разнеслась о немъ добрая молва, стали приходить къ нему люди, приносили даянія, спрашивали благословенія, а иные поселялись съ нимъ. Такъ пришелъ и поселился св. Ѳеодосій.

Съ юныхъ лѣтъ отличался онъ горячимъ благочестіемъ и подвигами смиренія, не любилъ ребяческихъ игръ, ходилъ въ церковь, работалъ въ полѣ, носилъ бѣдную одежду. Мать корила его за такую жизнь, била, заковывала въ желѣзо; Ѳеодосій сносилъ все терпѣливо и безъ злобы, но жилъ попрежнему, пекъ въ церковь просвиры, сталъ носить вериги. Ревность его росла, такъ что мірская жизнь, наконецъ, ему опостылѣла, и

онъ, оставивъ мать, пришелъ къ св. Антонію, постригся и поселился въ пещерѣ.

Братія умножалась, несмотря на то, что жизнь въ пещерѣ была тѣсная и скудная; время проходило въ молитвѣ и тяжелыхъ работахъ. Ѳеодосій работалъ и молился ревностнѣе всѣхъ; его выбрали въ игумены. Стало въ пещерѣ очень тѣсно отъ прибавлявшихся иноковъ; Ѳеодосій поставилъ церковь, настроилъ келій, обвелъ все оградой и въ 1062 году перешелъ туда со всей братіей. Такъ былъ заложенъ знаменитый Печерскій монастырь съ общежительнымъ строгимъ уставомъ.

Много поучалъ Ѳеодосій словомъ, но еще больше дѣломъ и примѣромъ своимъ, работалъ самыя тяжелыя работы, ѣлъ одинъ сухой хлѣбъ, пилъ только воду, оказывая всегда и во всемъ смиреніе и любовь христіанскую. И богатые и бѣдные, и князья и простые люди приходили къ нему за совѣтомъ и благословеніемъ; говорилъ онъ всѣмъ правду, не боясь сильныхъ міра; никто не отходилъ отъ него безъ назиданія, утѣшенія или подаянія. Умеръ онъ въ 1074 году и причисленъ, вмѣстѣ съ Антоніемъ, къ лику святыхъ.

Много вышло изъ Печерской обители подвижниковъ православной вѣры и епископовъ благочестивыхъ. Живымъ словомъ и строгою жизнію они распространяли и укрѣпляли въ народѣ вѣру, насаждали и растили ту великую силу, которая не разъ выводила потомъ Русскую землю изъ горькаго безвременья, спасала ее отъ гибели.

Собираясь умирать, Ярославъ въ 1054 году подѣлилъ землю между пятью своими сыновьями, наказывая имъ жить въ мирѣ и согласіи. Но не долго Ярославичи исполняли завѣтъ отцовскій. Какъ послѣ Святослава и Владимира Святого, такъ и теперь встала между князьями рознь и усобица. Съ тѣхъ поръ и пошла на Руси неурядица на долгіе годы. По тогдашнему обычаю, Рюриковы потомки владѣли Русскою землею сообща, по-

дѣливъ ее на удѣлы; сколько было князей, столько и удѣловъ. Между князьями одинъ былъ старшій и назывался великимъ княземъ; княжилъ онъ въ стольномъ городѣ Русской земли, въ Кіевѣ. Когда великій князь умиралъ, то на его мѣсто садился не старшій его сынъ, а старшій въ родѣ между всѣми князьями. Прежняя волость новаго великаго князя доставалась опять-таки не сыну его, а старшему въ родѣ княжескомъ, по великомъ князѣ. Никто не владѣлъ одною и тою же волостью вѣчно, съ дѣтьми и внуками; всѣ двигались и переходили съ одного княжества на другое. Такіе переходы не могли всегда итти по правдѣ и по обычаю; подымались между князьями ссоры и войны. Великій князь не былъ государемъ всѣмъ остальнымъ, удѣльнымъ князьямъ, а только заступалъ имъ отцово мѣсто, оттого слушались его мало. Да и не всегда великіе князья бывали удѣльнымъ отцами и примирителями: мирволили одному, обижали другого, виноватаго оправляли, праваго виноватили. Если же великій князь поступалъ не по правдѣ, или удѣльнымъ князьямъ казалось, что онъ не по-отцовски ихъ разсуживаетъ, то они поднимались на него самого и бились съ нимъ, какъ со своей ровней.

Князья женились, по тогдашнему обычаю, рано, дѣтей у нихъ было много, князей на Руси все прибавлялось; скоро чуть не на каждый городъ приходилось по князю, а городовъ на Русской землѣ было уже не мало. Чѣмъ больше становилось князей, тѣмъ больше разводилось усобицъ. Думали князья не о благѣ земскомъ, а какъ бы добыть себѣ корысти, захвативъ столъ великокняжескій, завладѣть городомъ, который побогаче. Говорилъ братъ брату: „это мое, а то тоже мое“; стали князья и въ маломъ видѣть великое, лукавили, рушили крестное цѣлованіе, не брезгали ничѣмъ, только бы одолѣть другъ друга. Если не хватало своей силы, то звали инозем-

цевъ; одинъ звалъ венгровъ, другой — ляховъ, третій — половцевъ — дикій народъ, который пришелъ съ востока, разгромилъ печенѣговъ и занялъ ихъ кочевья. Иноземцы, особенно половцы, забравшись въ Русскую землю, пустошили ее, не жалѣя; доставалось тутъ и тѣмъ, на кого ратью шли, и тѣмъ, за кого шли. Приходили они и сами собой, безъ зова: чудь, литва, половцы наѣзжали на русскую землю, грабили ее, жгли города и села, избивали либо уводили въ полонъ народъ беззаступный. Не красна была тогда жизнь; надежный покой былъ для многихъ только въ могилѣ.

Охти горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ горя во чисто поле,
А тутъ горе сизымъ голубемъ!
Я отъ горя во темны лѣса,
А тутъ горе соловьемъ летитъ!
Я отъ горя на сине море,
И тутъ горе сѣрой утицей!
Я отъ горя в сыру землю,
Вотъ тутъ горе миновалося.

Впрочемъ, не всѣ князья были на одинъ покрой. На отдыхъ и утѣшеніе Русской землѣ появлялись между ними и такіе, которые умѣли хранить миръ и ладъ и не давали хода усобицамъ и крамоламъ. Таковъ былъ Владиміръ Мономахъ, внукъ Ярослава.

Князь Владиміръ, сынъ Всеволода Ярославича, получилъ прозваніе Мономаха (по-гречески значитъ единоборецъ) по имени дѣда своего по матери, греческаго царя Константина Мономаха. Пока великимъ княземъ былъ дядя Изяславъ, потомъ отецъ Всеволодъ, — Мономахъ покорно исполнялъ волю старшихъ. Особенно неспокойно было ему при отцѣ. Всеволодъ былъ старъ и недуженъ, не только въ походы не ходилъ, но и судъ въ землѣ не держалъ, какъ по княжескому обычаю слѣ-

довало. Племянники не давали ему покоя, то и дѣло пріѣзжая выпрашивать волостей. Всеволодъ мирилъ ихъ, сколько могъ, и волостями надѣлялъ; но не всѣ дѣла улаживались полюбовно, приходилось не разъ ополчаться на строптивыхъ и ослушниковъ ратью. Все это по приказу отцовскому исполнялъ Владимиръ Мономахъ: то усмирялъ и наказывалъ непокорныхъ князей, то громилъ степныхъ грабителей—половцевъ. Наконецъ, Всеволодъ занемогъ такъ сильно, что послалъ за сыновьями и умеръ на ихъ рукахъ.

Похоронивъ отца, Мономахъ могъ бы остаться въ Кіевѣ на великомъ княженіи, потому что кіевляне любили его и готовы были стать за него, какъ одинъ человѣкъ. Но по обычаю слѣдовало въ Кіевѣ сѣсть не Мономаху, а двоюродному его брату Святополку. Не захотѣлъ Мономахъ сѣять смуту и послалъ звать Святополка на столъ кіевскій, а самъ уѣхалъ въ свой удѣлъ, Черниговъ. Послѣ онъ уступилъ и этотъ городъ другому двоюродному брату, Олегу, а самъ перешелъ въ Переяславль, только бы спасти землю отъ усобицъ и кровопролитія.

Но не прибавилось на Русской землѣ миру и ладу: между князьями шла рознь, и половцы злыми набѣгами въ конецъ пустошили порубежныя волости. Больше всѣхъ мутилъ Олегъ, котораго народъ прозвалъ Гориславичемъ за то, что изъ-за него много приняла Русская земля горя. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ войны и безладицы, Мономахъ послалъ Олегу грамоту, писалъ ему въ разсудъ, а не въ укоръ, усовѣщивалъ его и вызывалъ на примиренье. Олегу приходилось тогда круто, онъ не сталъ перечить, и въ 1097 году шесть князей съѣхались въ г. Любечѣ на мирное устроенье. Сидя на одномъ коврѣ, они говорили: „Зачѣмъ губимъ Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? А половцы разоряютъ землю и рады нашимъ усобицамъ. Теперь, съ

этого времени, станемъ жить въ одно сердце и блюсти Русскую землю“. Князья сговорились, кому какою волостью владѣть, и цѣловали крестъ на томъ, что если кто заведетъ смуту, то вставать на него всѣмъ князьямъ и итти всей землей.

За смутой дѣло не стало. Злые люди наговорили одному изъ князей, Давыду Волынскому, двоюродному брату великаго князя, будто Владиміръ Мономахъ и Василько Галицкій замышляютъ на него зло. Давыдъ повѣрилъ и великаго князя смутилъ. Святополкъ обманомъ захватилъ у себя въ Кіевѣ Василько и отдалъ его Давыду. Скованнаго Василька повезли на телѣгѣ и остановились въ одномъ городкѣ, близъ Кіева. Здѣсь внесли его въ избу, и Святополковъ овчаръ сталъ точить ножъ. Василько усердно молился. Вошли въ избу еще два конюха Святополка и Давыда, разостлали на полу коверъ и схватили Василька. Несчастный князь боролся такъ крѣпко, что понадобилось призвать на помощь людей. Одолѣвъ Василька, они связали его и повалили на коверъ, положили на него двѣ доски и сѣли на эти доски вчетверомъ, такъ что грудь у Василька трещала. Тогда подошелъ овчаръ и ножомъ выкололъ ему глаза. Князь лежалъ въ безпамятствѣ; его обернули въ коверъ, положили на телѣгу и, какъ мертваго, повезли дальше. Въ ближнемъ городѣ остановились обѣдать и отдали попадьѣ вымыть окровавленную Василькову сорочку. Надѣвая на князя сорочку, попадья плакала надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Василько пришелъ въ память, спросилъ, гдѣ онъ, выпилъ воды, пощупалъ на себѣ сорочку и сказалъ: „Зачѣмъ сняли ее съ меня? Я въ той кровавой сорочкѣ хотѣлъ умереть и предстать предъ Богомъ“. Оттуда повезли его къ Давыду и засадили подъ крѣпкую стражу.

Ужаснулся Мономахъ, узнавъ про такое злодѣйство, заплакалъ и сказалъ: „Не бывало еще такого зла въ Рус-

Къ стран. 39.

Владимиръ Мономахъ и послы кіевлянъ.

ской землѣ ни при отцахъ, ни при дѣдахъ нашихъ". Сошедшись съ двумя другими князьями, пошелъ онъ на Святополка ратью. Великій князь собрался-было бѣжать, но кіевляне его не пустили, а снарядили послами Мономахову мачеху и митрополита и отправили къ ополчившимся князьямъ. Послы пришли къ Мономаху и сказали: „Если станете воевать другъ съ другомъ, то поганые обрадуются и возьмутъ землю Русскую, которую пріобрѣли дѣды и отцы ваши. Молимъ тебя, князь, и братьевъ твоихъ, не губите землю Русскую!" Послушался Мономахъ мачехи и святителя и вернулся назадъ, взявъ со Святополка клятву, что пойдетъ на Давыда и захватитъ его, либо выгонитъ.

Святополкъ сдержалъ слово, ополчился на Давыда и прогналъ его. Но кончивъ удачно это дѣло, онъ задумалъ отнимать волости и у другихъ князей. Опять вздулась усобица. Давыдъ не сидѣлъ сложа руки и не отставалъ отъ другихъ; два раза приводилъ онъ половцевъ и завладѣлъ городомъ Владиміромъ Волынскимъ. Такъ прошло безъ малаго три года; князья уговорились опять съѣхаться на совѣтъ и въ 1100 году собрались въ Витичевѣ; пріѣхалъ и Давыдъ. Сталъ онъ спрашивать: „Зачѣмъ меня призвали? у кого на меня жалоба?" Мономахъ отвѣчалъ: „Самъ ты прислалъ къ намъ и говорилъ, что хочешь жаловаться на свою обиду, а теперь сидишь съ нами на одномъ коврѣ и не жалуешься". Давыдъ на это ничего не сказалъ; тогда братья сѣли на коней и отъѣхали, чтобы держать совѣтъ безъ Давыда. Давыдъ тѣмъ временемъ сидѣлъ одинъ и ждалъ. Сговорившись, князья послали сказать ему: „Ты бросилъ между братьями ножъ, чего еще не бывало на Руси, но мы тебя не захватимъ, не сдѣлаемъ зла, а только беремъ отъ тебя Владимірскую землю и даемъ тебѣ Бужскъ съ тремя другими городами да четыреста фунтовъ серебра".

Послѣ Витичевскаго съѣзда усобица притихла. Мономахъ, пользуясь миромъ, сталъ замышлять грозу на половцевъ. Отъ наѣздовъ этихъ степняковъ много истомы несла Русская земля. Города и села пустѣли, поля зарастали травою, и на нихъ рыскали дикіе звѣри; русскія головы стлались какъ снопы, земля сѣялась костями и поливалась кровью, а по небу то и дѣло разливалось пожарное зарево. Князья не разъ бивали половцевъ, хаживали даже въ ихъ землю, но отъ наѣздовъ и грабежей не отвадили. Задумавъ на нихъ походъ, Мономахъ съѣхался подъ Кіевомъ съ великимъ княземъ Святополкомъ. Усѣвшись въ одномъ шатрѣ вмѣстѣ со своими дружинами, князья долго молчали. Наконецъ Мономахъ сталъ держать рѣчь, звалъ Святополка свести рати на поганыхъ. Безсмѣннаго, всегдашняго войска тогда не было, а набирались рати изъ горожанъ и поселянъ и послѣ похода снова распускались по домамъ. Святополкъ спросилъ совѣта у своей дружины; дружина сказала: „Не время теперь, весною, отнимать поселянъ отъ пахоты“. Мономахъ отвѣчалъ: „Какъ, вы поселянъ жалѣете и ихъ лошадей, а того не размыслите, что станетъ поселянинъ пахать, пріѣдетъ половчинъ, ударитъ его стрѣлою, возьметъ его лошадь, жену, дѣтей, да и гумно зажжетъ“. Дружина сказала, что это правда, и Святополкъ согласился итти на половцевъ.

Собралось еще нѣсколько князей по зову Святополка и Мономаха, и соединенная рать отправилась въ походъ. Пѣшіе люди ѣхали въ лодкахъ по Днѣпру, конные шли берегомъ. Перейдя пороги, пѣшіе высадились и вмѣстѣ съ конными пустились въ степь. Переполошились половцы; одинъ изъ ихъ хановъ сталъ говорить: „Надо просить мира, потому что много зла мы имъ надѣлали, и будутъ они крѣпко биться съ нами“. Молодые отвѣчали: „Коли ты боишься Руси, тамъ мы не боимся; изобьемъ этихъ и пойдемъ въ ихъ землю забирать города;

кто тогда станетъ оборонять ихъ?“ А русскіе князья тѣмъ временемъ шли впередъ, молились Богу и давали обѣты. Кто кутью обѣщалъ поставить, кто раздать нищимъ милостыню, кто подать въ монастырь. Русскій передовой полкъ встрѣтилъ половецкихъ сторожей и перебилъ всѣхъ до послѣдняго. Потомъ сошлись главныя рати; половцевъ было такъ много, какъ деревьевъ въ дремучемъ лѣсу, но Русь потянула мужески и одолѣла. Двадцать хановъ половецкихъ сложили свои головы, одинъ ханъ попался живьемъ и сулилъ Святополку большой за себя выкупъ серебромъ и золотомъ, конями и скотомъ. Святополкъ послалъ его къ Мономаху. „Часто вы клялись не воевать Русской земли“, сказалъ хану Мономахъ: „но дѣтей своихъ родичей не учили держать клятву; такъ пусть же кровь падетъ на твою голову“, и велѣлъ его убить.

Половцы однако не унялись и продолжали свои злодѣйства. Думою и хотѣніемъ Мономаха князья снова собрались въ походъ и рѣшили на этотъ разъ забраться въ самую глубь половецкихъ степей. Рать двинулась на второй недѣлѣ Великаго поста, побросала дорогой сани и на шестой недѣлѣ пришла къ рѣкѣ Дону. Ратники надѣли тутъ свои брони, выѣхали впередъ священники и стали пѣть тропари, кондакъ Честному Кресту и канонъ Пресвятой Богородицѣ. Въ пятницу собрались половцы, изрядили полки и двинулись противъ русскихъ. Князья русскіе поцѣловались и пошли въ бой. Половцы были побиты на голову, но собрались съ новыми силами и въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ тмами темъ обступили русскую рать. Съ шумомъ и громомъ сшиблись полки, завязалась лютая сѣча; люди съ обѣихъ сторонъ падали во множествѣ мертвые. Владимиръ Мономахъ, выжидая удобнаго часа, въ бой не вступалъ; когда же приспѣло время и онъ ударилъ на полки вражескіе, половцы не выдержали и побѣжали. Божьимъ изволеніемъ

много погибло тутъ половцевъ, много русскіе люди взяли скота, лошадей, овецъ и колодниковъ. Князья вернулись домой здоровы, и далеко, по странамъ чужимъ, разнеслась слава ихъ подвига. Но больше всѣхъ прославился Владимиръ Мономахъ; его мудростью и настояніемъ ополчились князья на степныхъ насильниковъ, его храбростью и умѣньемъ были побиты неотвязные грабители.

Немного лѣтъ спустя, въ 1113 году, умеръ великій князь Святополкъ. Кіевляне сошлись вѣчемъ и положили звать на великое княженіе Владимира Мономаха. Мономахъ не пошелъ, потому что старшимъ въ родѣ оставался не онъ, и, призывая его, кіевляне поступали мимо обычая. Но русскій народъ привыкъ уже видѣть въ Мономахѣ своего защитника и спасителя; отъ него одного Русская земля чаяла себѣ добра. Узнавъ про отказъ Мономаха, кіевляне стали бунтомъ, разграбили дворъ одного нелюбимаго боярина, пограбили жидовъ, которымъ Святополкъ далъ большія льготы, и послали сказать Мономаху: „Приходи, князь, въ Кіевъ, а если не придешь, то много зла сдѣлаешь и дашь ты за то отвѣтъ Богу“. Мономахъ увидѣлъ, что упорствовать нельзя, и пошелъ въ Кіевъ. Навстрѣчу къ нему вышелъ митрополитъ съ духовнымъ чиномъ и всѣми кіевлянами; приняли новаго князя съ великою честью, и мятежъ улегся.

Не даромъ любилъ народъ Мономаха. Русская земля терпѣла отъ половцевъ и княжескихъ усобицъ большія бѣды и разоренье: Мономахъ громилъ поганыхъ нещадно, съ братьями же своими не спорилъ, не враждовалъ, а совѣтомъ и любовью вносилъ миръ въ княжескую семью и заслужилъ прозваніе братолюбца. Князья зачастую нарушали крестное цѣлованіе, не блюли данной Богу клятвы: Мономахъ никогда не отступался отъ того, въ чемъ цѣловалъ крестъ. Подъ другими князьями рѣдко доходила до людей княжая правда, цѣлыя волости разорялись отъ грабительства княжескихъ намѣстниковъ

и посадниковъ, отъ кривды судей-лиходѣевъ: Мономахъ не позволялъ сильнымъ обижать слабыхъ и самъ давалъ судъ и правду всѣмъ равно. Многіе князья копили богатство собирая его съ тягостью для народа: Мономахъ не пряталъ и не копилъ добра, не считалъ денегъ, а раздавалъ ихъ обѣими руками. И однако казна его не оскудѣвала, потому что былъ онъ добрый хозяинъ, самъ держалъ весь нарядъ въ домѣ: назвавши гостей, самъ служилъ имъ, и когда они пили и ѣли досыта, онъ только смотрѣлъ на нихъ. Былъ онъ воздерженъ, цѣломудренъ и благочестивъ; восходящее солнце заставало его не въ постели, а въ церкви Божіей. Труда онъ не боялся, спокойной, лѣнивой жизни не любилъ; почти весь свой вѣкъ прожилъ не дома, проводя ночи на сырой землѣ. Однихъ дальнихъ странствій совершилъ онъ больше восьмидесяти; дома и въ пути, на рати и на звѣриной ловлѣ дѣлалъ все самъ; не давалъ себѣ покоя ни днемъ ни ночью, ни въ зной ни въ стужу. Всѣ люди дивились его богатырской удали въ дѣлахъ ратныхъ; таковъ же былъ онъ и на охотѣ за дикимъ звѣремъ: туръ не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топталъ ногами, кабанъ оборвалъ на боку мечъ, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ конемъ. Ни отъ кого не бѣгалъ Мономахъ, чтобы сохранить свою жизнь; не вѣдалъ онъ иного страха, кромѣ страха Божія.

При такой отвагѣ, удали, любви къ труду, Мономахъ имѣлъ разумъ свѣтлый, былъ ко всякому дѣлу досужъ и умѣлъ приносить родной землѣ добро всегда и во всемъ. Оттого стоялъ онъ въ народномъ разумѣніи выше всѣхъ князей того времени, и не было ему между ними ровни. Князья сами это видѣли: когда онъ сѣлъ на столѣ великокняжескомъ, старшіе его родичи не завели съ нимъ спора. Потомъ безъ усобицъ не обошлось, но Мономахъ не норовилъ крамольникамъ; не проливая христіанской крови безъ особой нужды, онъ однакоже давалъ

такую острастку непокорнымъ, что усобица не могла раздуваться. Половцы поднялись-было, но Мономахъ прогналъ ихъ въ степь, а черезъ нѣсколько лѣтъ послалъ на нихъ князей, которые сильно повоевали Половецкую землю и взяли три города.

Сбылась народная надежда на благословенное княженіе Владимира Мономаха: Русская земля отдохнула. Когда въ 1125 году онъ скончался, народъ плакалъ по немъ, какъ плачутъ дѣти по отцѣ или по матери.

Въ назиданіе сыновьямъ своимъ Мономахъ написалъ поученіе. „Не давайте обижать народъ“, наказывалъ онъ, „накормите убогаго, подайте сиротѣ, сами судите вдовицу; не убивайте ни праваго ни виноватаго и другимъ не давайте убивать; держите крестное цѣлованіе крѣпко, чтобы не погубить своей души. Не имѣйте въ умѣ и сердцѣ гордости; старыхъ почитайте какъ отца, молодыхъ какъ братьевъ, жену свою любите, но не давайте ей надъ собой воли. Въ дому своемъ смотрите за всѣмъ сами; на войнѣ не лѣнитесь, не полагайтесь на другихъ. Берегитесь лжи, блуда и пьянства: отъ нихъ гибнутъ душа и тѣло. Навѣщайте больныхъ, ходите на погребеніе мертвыхъ, не обносите никого привѣтомъ и добрымъ словомъ. Что знаете хорошаго, того не забывайте; чего не знаете, тому учитесь; не лѣнитесь ни на что доброе, но паче всего блюдите страхъ Божій“.

И многому другому поучалъ дѣтей своихъ мудрый и милостивый князь, наказывая имъ жить такъ, какъ жилъ самъ. Долго хранилъ народъ добрую о немъ память, и когда одинъ изъ его внуковъ звалъ кіевлянъ на своего дядю, кіевляне отвѣчали: „Не подымемъ руки на племя Мономахово“.

V.

Татарскій погромъ.

Вскорѣ послѣ Мономаховой кончины опять вздулись на Руси смуты. Особенно неспокойно было въ полуденныхъ земляхъ; всякій норовилъ захватить столъ великокняжескій, и Кіевъ безпрестанно переходилъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Такъ прошло безъ малаго 50 лѣтъ; великое княженіе досталось одному изъ внуковъ Мономаха, Андрею Боголюбскому (прозванъ такъ потому, что построилъ городъ Боголюбовъ). Видя, какая безладица стоитъ въ южной Руси, Андрей не поѣхалъ въ Кіевъ, а поставилъ великокняжескій столъ въ своей Суздальской области, въ городѣ Владимирѣ (на Клязьмѣ). У князя Андрея были на это и другія причины. Пользуясь усобицами князей, городскія вѣча забрали большую силу, не давали князьямъ воли, собирались и вершили дѣла по своему хотѣнію. А Владимиръ былъ городъ новый, молодой, къ вѣчевымъ обычаямъ еще не привыкъ, и княжескую власть въ немъ можно было поставить крѣпко. Андрей Боголюбскій такъ и сдѣлалъ: принялся рѣшать всѣ дѣла самъ, гордо и сурово обходился съ дружиной, младшихъ князей пытался держать въ своей волѣ, не какъ старшій родичъ, а какъ государь. И хотя за такую необычайную строгость бояре убили Андрея Боголюбскаго (въ 1174 году), но починъ его не пропалъ даромъ. Кіевъ

пересталъ быть старшимъ городомъ Русской земли, и жизнь русскаго государства мало-по-малу перешла на иную дорогу.

Но пока нарождалась и созрѣвала эта перемѣна, усобицы не утихали. Конечно, не всюду и не всегда стояла на Руси смута. Когда однѣмъ областямъ приходилось тяжко, другія жили въ мирѣ и покоѣ, но наступала пора, и покой снова смѣнялся тревогою и бѣдою: не миновала лихого череда ни одна область русская. Старыя раны хоть и заживали, да зато являлись новыя; старыя бѣды хоть и забывались, да зато нарождались новыя.

Такъ жила Русская земля, когда на нее обрушилась новая напасть — нагрянули татары.

Татары, или монголы, жили далеко на востокъ отъ русскаго рубежа, внутри Азіи. Они были народъ кочевой, избъ не строили, а жили въ круглыхъ кибиткахъ, или юртахъ, которыя дѣлали изъ хвороста или тонкихъ жердей и покрывали войлокомъ. Татары пашню не пахали, а были скотоводы, скота держали очень много и всюду гнали за собой стада. Вѣрили они въ одного бо́га, но молились и приносили жертвы идоламъ. Нравомъ татары были люты и на прибыль жадны, но въ жизни своей воздержны и терпѣливы: легко переносили голодъ, зной, стужу. На войнѣ они были проворны, увертливы, хитры и вѣроломны; ручныхъ схватокъ не любили, а бились больше издали стрѣлами. Непріятелей своихъ они не щадили, особенно тѣхъ, которые оборонялись; плѣнныхъ убивали безъ милосердія; страну, которую воевали, жгли и разоряли до тла.

Татарами правили многіе князья, или ханы, каждый самъ по себѣ; они ссорились другъ съ другомъ, вели войны. Одинъ изъ такихъ князей, Чингизъ-ханъ, покорилъ подъ свою власть эти орды и двинулъ ихъ на сосѣдніе народы. Завоевавъ окольныя страны, татары пошли дальше. Одна изъ татарскихъ ратей дошла до половец-

кихъ степей и въ 1224 году стала громить половцевъ. Половцы толпами бѣжали въ Русь; князь ихъ пріѣхалъ съ поклономъ къ русскимъ князьямъ, одарилъ ихъ богато и просилъ помощи. „Мы теперь побиты“, говорили половцы: „а если намъ не поможете, такъ порубятъ и васъ“. Нѣсколько князей русскихъ сошлись вмѣстѣ и встрѣтились съ татарами на рѣкѣ Калкѣ, у Азовскаго моря. Здѣсь князья, какъ и всегда, не поладили между собою. Двое изъ нихъ, не сказавши ничего другимъ, ударили на татаръ. Бились крѣпко и храбро, но татары налегли со всѣхъ сторонъ и осилили. Половцы побѣжали первые и смяли станъ русскій. Тѣ, которые были въ станѣ, держались однако еще три дня, а потомъ отдались татарамъ на клятву. Но татары, захвативъ русскихъ, всѣхъ ихъ до одного изрубили, а князей раздавили: положили ихъ подъ доски и сѣли на нихъ обѣдать. Остальныхъ русскихъ татары гнали до р. Днѣпра и на пути погубили множество народа; жители выходили къ нимъ изъ городовъ съ крестами, а они всѣхъ побивали. У Днѣпра татары остановились, повернули назадъ и ушли опять въ свои азіатскія кочевья.

Прошло нѣсколько лѣтъ, про татаръ и слухъ пропалъ. О нихъ стали забывать, какъ о страшномъ снѣ, который не сбывается; князья принялись усобиться попрежнему. Но народъ все-таки не былъ покоенъ и смутно ждалъ чего-то недобраго: пошли неурожаи, за ними голодъ, мѣстами стлался по землѣ густой туманъ, лѣса сильно горѣли, появилось моровое повѣтріе и вдобавокъ ко всему, потянулась по небу комета, большая звѣзда съ длиннымъ хвостомъ. „Быть бѣдѣ“, говорили всѣ въ ужасѣ. И въ самомъ дѣлѣ бѣда нагрянула, хоть и комета, и туманы, и всѣ другія знаменія были тутъ не при чемъ.

Огромная татарская орда, силою въ 300 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Батыя, появилась въ 1237 году

въ Рязанскомъ княжествѣ. Батый послалъ къ рязанскимъ князьямъ требовать десятую часть отъ всего: отъ князей, отъ простыхъ людей, отъ коней. Князья отвѣчали: „Когда насъ всѣхъ не станетъ, тогда все будетъ ваше". У князей рязанскихъ ратной силы было мало: по одному русскому ратнику приходилось на 100 татаръ; они послали къ великому князю просить подмоги. Великій князь Юрій не далъ помощи рязанскимъ князьямъ, думалъ управиться съ татарами одинъ. Какъ саранча обступили татары Рязань, взяли ее приступомъ, обманомъ залучили къ себѣ князя и княгиню и убили ихъ; церкви и монастыри пожгли; плѣнныхъ или рубили, или разстрѣливали изъ луковъ. Такъ разорили они всю Рязанскую землю, потомъ взяли Коломну, потомъ Москву и Суздаль, что̀ можно разграбили, остальное сожгли, а народъ либо перебили, либо повели въ полонъ.

Какъ за рѣченькой, за быстрою,
Не огонь горитъ, а полымя;
Злы татарченки города берутъ,
Города берутъ, по себѣ дѣлятъ,
Да кому что достанется:
Кому золото, кому серебро,
Кому добрый конь, кому платье цвѣтное,
Кому платье цвѣтное, кому русска нянюшка.

От Суздаля пошли они на стольный городъ Владиміръ. Сынъ великаго князя Всеволодъ вышелъ имъ навстрѣчу съ богатыми дарами, но Батый не смилостивился, не пощадилъ его молодости, велѣлъ его зарѣзать. Епископъ Митрофанъ, великая княгиня, многія другія княгини, бояре и простые люди заперлись въ церкви Богородицы; татары сожгли церковь со всѣмъ народомъ. Взявъ Владиміръ и пожегши всю Суздальскую страну, татары ударили на великаго князя, который съ ратью стоялъ на р. Сити. Русскіе бились храбро, но не могли выстоять, побѣжали; великій князь былъ убитъ. Орда

повалила дальше, взяла Тверь, Торжокъ и пошла было на Новгородъ, посѣкая людей какъ траву. Но, не доходя ста верстъ до Новгорода, Батый повернулъ назадъ, къ Волгѣ: убоялся онъ весенняго времени, когда таютъ болота и разливаются рѣки. Такъ спасся Новгородъ отъ неминучей бѣды.

На пути Батыя къ степямъ лежалъ городъ Козельскъ. Козельцы на вѣчѣ рѣшили: татарамъ не сдаваться и положить свой животъ за князя, чтобы получить на этомъ свѣтѣ славу, а на томъ вѣнецъ отъ Христа-Бога. Батый провозился съ Козельскомъ семь недѣль; горожане бились съ татарами въ полѣ, рѣзались съ ними на стѣнахъ городскихъ и полегли честно всѣ до послѣдняго. Не пощадила орда ни женщинъ, ни старцевъ, ни младенцевъ; сталъ Козельскъ одною огромною могилой. Козельскій князь тоже погибъ; былъ онъ еще малымъ ребенкомъ, и пронеслась молва, будто утонулъ въ крови. Съ той поры татары не называли города Козельскомъ, а звали злымъ городомъ.

Наконецъ, татары отхлынули въ степи половецкія, покорили или выгнали половцевъ и заняли ихъ страну. Русскіе думали, что бѣда прошла и больше не вернется, что татары опять уйдутъ въ Азію, но ошиблись жестоко. Въ слѣдующемъ 1239 году татарскія толпы появились въ южной Руси, гдѣ ихъ еще не видали, взяли Переяславъ, Черниговъ и подошли къ Кіеву. Ни одинъ изъ русскихъ городовъ не приглянулся такъ татарамъ, какъ Кіевъ. Красиво раскинулся онъ на холмахъ днѣпровскаго берега; бѣлая каменная стѣна опоясывала его со всѣхъ сторонъ; надъ нею вились башни, изукрашенныя хитрой работой. Многое множество церквей красовалось на синемъ небѣ; главы ихъ сіяли и блистали на солнцѣ; вокругъ города тянулись рощи, одѣтыя зеленою листвой. Татары отправили въ городъ пословъ, требовать сдачи; кіевляне вмѣсто отвѣта убили пословъ.

У татаръ было мало съ собой рати, и они отошли отъ города, но на другой годъ явился самъ Батый.

Подступаетъ къ намъ подъ Кіевъ царь Батый,
Подступаетъ онъ съ двумя сыновьями
И со зятемъ, съ Лукоперомъ богатыремъ;
А и пишетъ, собака, похваляется:
„Я Кіевъ-атъ городъ выжгу, вырублю,
„Божьи церкви съ дымомъ пущу,
„Князя со княжной въ полонъ возьму,
„А князей-бояръ въ котлѣ сварю“.

Орда облегла городъ со всѣхъ сторонъ; кіевляне не могли разслышать другъ друга отъ скрипа множества телѣгъ татарскихъ, отъ рева верблюдовъ и ржанія коней. Въ былинѣ поется вѣрно:

Зачѣмъ мать сыра-земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
Отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго;
А отъ духа татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

День и ночь били татары пороками (бревнами на цѣпяхъ) стѣны; наконецъ, разбили ихъ и бросились въ городъ. Послѣ крѣпкаго боя орда захватила стѣны и полегла на нихъ отдыхать на ночь. Кіевляне огородились въ ночь новымъ тыномъ около Богородичной церкви, такъ что татарамъ пришлось утромъ снова итти въ бой. Страшная была сѣча; горожане стояли крѣпко, но не могли одолѣть великую силу татарскую. Многіе стали спасаться въ церкви и сносить туда свои пожитки; стѣны церковныя не выдержали, рухнули отъ великой тяжести и передавили народъ. Въ Николинъ день, 6 декабря 1240 года, татары завладѣли городомъ. Мало кто изъ кіевлянъ спасся отъ смерти, да и самаго города почти не стало; вездѣ лежали однѣ груды камня и обгорѣлаго лѣса.

Къ стран. 51.

Князь Михаилъ и бояринъ Ѳеодоръ передъ Батыемъ.

Изъ-подъ Кіева Батый пошелъ дальше, на западъ, опустошилъ русскія земли, которыя лежали на пути, и перешелъ рубежъ. Къ счастію крещенаго міра, не вездѣ была такая неурядица, какъ на Руси: нѣсколько иноземныхъ государей сошлись и заступили татарамъ путь. Татары не отважились на битву, повернули назадъ и ушли въ половецкія степи.

Съ той поры татары стали владѣть Русью. Они заняли своими кочевьями всѣ степи на югѣ и на востокѣ Россіи и назвали свое царство Золотою Ордой. Первымъ дѣломъ Батый отдалъ приказъ, чтобы всѣ русскіе князья ѣхали къ нему на поклонъ. Князья поѣхали: мало кто посмѣлъ ослушаться. Тамъ имъ пришлось выносить необычное униженіе и позоръ: проходить между двухъ огней, чтобы не занести къ хану какого зла, становиться передъ нимъ на колѣни, кланяться идоламъ, пить кумысъ (напитокъ изъ кобыльяго молока). Михаилъ, князь Черниговскій, убоясь грѣха, не захотѣлъ пройти между двухъ горящихъ костровъ. „Не подобаетъ намъ, христіанамъ, проходить сквозь огонь и кланяться солнцу и огню“, сказалъ онъ: „мы поклоняемся Господу нашему Іисусу Христу. Богамъ твоимъ не поклонюся и не послужу и повелѣнія твоего беззаконнаго не послушаю“. Бывшіе съ Михаиломъ уговаривали его покориться, только бояринъ Ѳеодоръ хвалилъ и поддерживалъ его мужество. Батый велѣлъ мучить князя Михаила лютыми муками и потомъ отрубить ему голову; послѣ него замучили и боярина Ѳеодора. Обоихъ ихъ русская Церковь причла къ лику своихъ святыхъ.

Когда знойнымъ лѣтомъ загорится гладкая степь, и полымя пойдетъ гулять по широкому раздолью, то не миновать бѣды ни человѣку встрѣчному, ни звѣрю, ни злаку степному. Густой бурый дымъ то ползетъ по землѣ, то вьется клубами и потомъ виснетъ черной тучей, застилая свѣтлое небо, а подъ нимъ огонь и свищетъ,

и воетъ, и мечетъ искры, шибко подвигаясь впередъ. Но еще страшнѣе, еще унылѣе выглядитъ степь послѣ пожара. Не колыхнется трава отъ налетѣвшаго вѣтра, не проскочитъ пугливый звѣрокъ; нигдѣ и ничего нѣтъ живого, вездѣ пусто и мертво. Такъ было и съ Русью при татарскомъ погромѣ. Какъ степной пожаръ прошла орда по Русской землѣ; города, села, церкви Божіи пылали; люди валялись мертвые; отъ ратныхъ криковъ, вопля и плача стонъ стоялъ по пути татарскому. Страшная была пора, но унылѣе и тоскливѣе стало послѣ наѣзда орды. Не слышно было голоса земледѣльца на мирной крестьянской работѣ, а каркали вороны и клектали орлы, слетаясь на падаль и мертвечину. Поля тянулись вытоптанныя, выжженныя; города лежали въ развалинахъ; вмѣсто жилья торчали черныя закоптѣлыя печи. Звѣрь лѣсной рыскалъ тамъ, гдѣ незадолго жили мирныя, работящія семьи; уцѣлѣвшіе люди отъ страха гнѣздились въ лѣсныхъ трущобахъ. Людскіе трупы валялись безъ честнаго погребенія; кости, черепа бѣлѣлись въ иныхъ мѣстахъ многіе годы.

Смутно и скорбно было впереди послѣ погрома татарскаго. Прошла бѣда грозная, миновала боль жгучая, но зато наступила долгая истома, недугъ тупой, безотвязный: наступила татарская неволя.

VI.

Александръ Невскій.

Когда князья, Рюриковы потомки, сильно размножившись, вырастили удѣльную неурядицу, Русская земля раздѣлилась на нѣсколько областей. Въ каждой изъ нихъ княжилъ особый родъ княжескій, въ каждой былъ свой великій и свои удѣльные князья. Только въ Великомъ Новгородѣ не было особаго княжескаго рода, а сидѣли князья выборные.

Великій Новгородъ сначала жилъ подъ рукой князей кіевскихъ; но Кіевъ былъ далеко, князья кіевскіе не могли править Новгородомъ, какъ Кіевомъ. Новгородцы повернули это въ свою выгоду и мало-по-малу стали управляться сами собой. Великій Новгородъ самъ выбиралъ себѣ князей, самъ же и отсылалъ ихъ отъ себя. Князь, котораго призывали въ Новгородъ, шелъ туда княжить на всей волѣ новгородской и въ томъ цѣловалъ крестъ Великому Новгороду, а Великій Новгородъ цѣловалъ крестъ ему. Если князь не полюбился новгородцамъ, то вѣче ему говорило: „Мы тебя не хотимъ, ступай отъ насъ добромъ, куда знаешь“. Такъ и князь, если ему не по сердцу приходилось въ Новгородѣ, созывалъ вѣче, кланялся ему, благодарилъ за хлѣбъ-соль, складывалъ съ себя крестное цѣлованіе и уѣзжалъ, куда хотѣлъ.

Вмѣстѣ съ княземъ правили Новгородомъ посадникъ и тысяцкій. Они трое вершили всякія дѣла, давали судъ и рядъ, исполняли все то, что было порѣшено на вѣчѣ. Ихъ выбирало народное вѣче, оно же выбирало и новгородскаго владыку, архіепископа, а поставленіе онъ принималъ отъ Русскаго митрополита. Вѣче указывало какъ править землей, уряжало договоры съ другими землями, рѣшало войну и миръ, установляло законы и уставы, творило судъ въ дѣлахъ общественныхъ. Въ вѣчѣ была вся вольность новгородская.

Вольность эта стала крѣпко и твердо съ Ярослава I, Владимирова сына, потому и вѣче собиралось на Ярославовомъ дворищѣ, т.-е. на мѣстѣ, гдѣ живалъ этотъ князь; тутъ же висѣлъ вѣчевой колоколъ. Городъ дѣлился на двѣ стороны: та, гдѣ было Ярославово дворище, называлась Торговою стороной, а на другомъ берегу рѣки Волхова лежала Софійская сторона. Тамъ стояла церковь во имя св. Софіи, премудрости Божіей, и св. Софія была самымъ святымъ именемъ для Новгорода. У св. Софіи иногда тоже собиралось вѣче, особенно по дѣламъ церковнымъ, или когда вставала въ Великомъ Новгородѣ усобица и звонили на вѣче обѣ стороны городскія.

Новгородцы были народъ буйный, неугомонный; безъ удальства и молодечества для нихъ и жизнь была не въ жизнь. Память объ удали новгородской до сихъ поръ живетъ въ пѣснѣ про Ваську Буслаева. Какъ подросъ Василій, сталъ на улицу похаживать, нелегкія шуточки пошучивать: кому руку вывихнетъ, кому ногу переломитъ. Пошли мужики новгородскіе съ жалобой къ Буслаевой матушкѣ, къ матерой вдовѣ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ. Вдова пожурила сына и не велѣла ему буянить. Василій задумалъ другое дѣло; набралъ себѣ названыхъ братьевъ-побратенниковъ и накурилъ съ ними столько бѣды въ Новгородѣ, что матушка заперла его въ глубокій погребъ. Въ это время у Васькиной дружины шла

свалка съ новгородскимъ народомъ на Волховскомъ мосту; народъ сталъ одолѣвать. Дѣвушка-чернавушка выпустила Василія изъ погреба, онъ схватилъ ось телѣжную и побѣжалъ къ мосту выручать своихъ. Тутъ ему встрѣтился крестный его батюшка, старичище-пилигримище; на плечахъ у него сидѣлъ колоколъ въ триста пудъ. Старичище-пилигримище не хотѣлъ было пускать своего крестника на побоище, но Василій хватилъ его желѣзной осью по колоколу, раскололъ колоколъ надвое и бросился на мостъ. Дружина его пріободрилась, мужикамъ новгородскимъ пришлось худо; послали они къ Амелфѣ Тимоѳеевнѣ просить мира. Старушка прибѣжала на мостъ и велѣла сыну укротить свое сердце богатырское. Василій послушался и вернулся домой съ побратенниками пиръ пировать. Много ли, мало ли прошло времени, Василій сталъ проситься у матушки во святой градъ Іерусалимъ замаливать свои грѣхи. Матушка благословила его на доброе дѣло, а на разбой ходить не велѣла, пригрозила своимъ материнскимъ проклятіемъ. Василій пошелъ съ назваными братьями въ Іерусалимъ; Богу молился, въ рѣкѣ Іорданѣ купался, а на возвратномъ пути и сложилъ свою буйную голову.

Крѣпко любилъ Великій Новгородъ свою вольность и зорко сторожилъ ее отъ князей. Съ новгородскими порядками князьямъ ужиться было трудно, однако за князьями все-таки дѣло не ставало, потому что, поладивши съ Новгородомъ, князь добывалъ себѣ новую силу, кромѣ той, которую ему давала его отчизна. Къ тому же Новгородъ былъ богатъ, а шло ему богатство съ торговаго дѣла. Въ этомъ дѣлѣ новгородцы больше всѣхъ русскихъ людей были смѣлы, расторопны и смѣтливы. Они и за море ѣздили, и у себя иноземныхъ торговцевъ принимали, торговали во всѣхъ концахъ Русской земли, забирались въ дальнія полуночныя страны, гдѣ нога русскаго человѣка еще не хаживала, пускались по невѣ-

домымъ путямъ, бились съ дикими племенами. Оттого въ Новгородѣ водилось много большихъ торговцевъ и даже сложилась пѣсня о богатомъ купцѣ. Въ пѣснѣ поется, что этотъ богатый гость прозывался Садко; прежде былъ онъ бѣднымъ гусляромъ и началъ богатѣть съ того, что поймалъ въ Ильменѣ золотоперую рыбку. Сталъ онъ торговать на Волгѣ, расторговался хорошо, черезъ 12 лѣтъ вернулся домой и принесъ Ильменю поклонъ отъ Волги. За это Ильмень-озеро наслало Садку большой ловъ рыбы, и какъ ссыпали рыбу эту въ погреба, обернулась она въ деньги золотыя и серебряныя. Разбогатѣлъ Садко и сталъ хвастать, что скупитъ всѣ товары въ Новгородѣ. Побились объ закладъ. Садко скупилъ весь товаръ, но на другой день навезли купцы новаго. Скупилъ Садко и этотъ, а на третій день опять новый товаръ появился. Увидѣлъ Садко, что побогаче его славный Новгородъ, и заплатилъ закладъ, а самъ поѣхалъ за море. Тутъ приключилась-было съ нимъ бѣда: царь морской позвалъ его къ себѣ на дно синяго моря. Садко спустился въ морскую пучину, сталъ играть на гусляхъ, забавлять царя морского; царь не вытерпѣлъ, пустился плясать: море расходилось, потопило много кораблей, сгубило много людей-корабельщиковъ. Потомъ захотѣлъ морской царь женить Садка, только Садко не былъ простъ, не согласился, а то остался бы въ синемъ морѣ на вѣки-вѣчные. Какъ прошло колдовство, Садко очутился въ Новгородѣ, прибѣжали и его корабли по Волхову. Онъ выгрузилъ товары заморскіе, безсчетную казну денежную, построилъ церковь Николы Можайскаго и зажилъ въ Новгородѣ припѣваючи.

Хорошо торговалъ Новгородъ, много было въ немъ богатства всякаго, а подчасъ не хватало самаго нужнаго — хлѣба. Земля въ Новгородской области была бѣдная, хлѣба давала мало, да и тотъ часто пропадалъ отъ раннихъ заморозковъ. Хлѣбъ возили въ Новгородъ

изъ Руси, больше всего по Волгѣ, потому что полуденная Русь разорилась отъ усобицъ и наѣздовъ половецкихъ. Поэтому если у Новгорода подымалась вражда съ суздальскими (владимирскими) князьями, то тѣ останавливали подвозъ хлѣба, и въ Новгородской землѣ начинался голодъ. Такъ случилось незадолго до татарскаго погрома, когда въ Новгородѣ княжилъ Переяславскій князь Ярославъ Всеволодовичъ. Новгородцы не поладили съ нимъ, онъ ушелъ изъ Новгорода, засѣлъ въ Торжкѣ, черезъ который шелъ въ Новгородъ хлѣбъ, и остановилъ подвозъ. Сдѣлался голодъ, и хотя новгородцамъ удалось побить Ярослава, но они не могли ужиться и съ другими князьями, которыхъ призвали, такъ что снова послали за Ярославомъ, чтобы войти черезъ него съ суздальскими князьями въ любовь и не остаться безъ суздальскаго хлѣба. Передъ самымъ Батыевымъ нашествіемъ Ярославъ добылъ себѣ столъ Кіевскій и оставилъ въ Новгородѣ княземъ (въ 1236 году) 17-лѣтняго сына своего Александра.

Первые годы Александрова княженія прошли мирно и покойно, но когда съ востока стали ломить на Русь татары, съ запада и съ полночи поднялись на нее другіе враги, и новгородцамъ пришлось отъ нихъ отстаивать себя и Русскую землю. Прежде всѣхъ начали шведы.

Шведская земля хоть и лежала далеко, за Балтійскимъ моремъ, но шведы уже давно начали пробираться въ сосѣднія съ Новгородскою областью финскія земли, строили тамъ поселки и крестили финновъ-язычниковъ въ латинскую вѣру. При Александрѣ Ярославичѣ замыслы ихъ выросли, они задумали обратить въ свою вѣру и русскихъ православныхъ людей. Шведскій король добылъ отъ римскаго папы буллу (грамоту); буллой этой папа подымалъ шведовъ на брань за вѣру, приказывалъ крестить финновъ и поворачивать въ латинство русскихъ,

и всѣмъ, кто пойдетъ въ походъ, обѣщалъ отпущеніе грѣховъ. Охотниковъ нашлось много, собралась большая рать, и шведскій король поставилъ надъ нею главнымъ воеводой своего зятя, Биргера.

Послѣ долгихъ сборовъ войско это сѣло на корабли и лѣтомъ 1240 года приплыло въ Неву, разсчитывая пройти Ладожскимъ озеромъ и Волховомъ въ самую глубь Новгородской земли. Александръ, не теряя времени, помолился у св. Софіи, принялъ отъ владыки благословеніе и съ набранной наспѣхъ малою ратью пустился внизъ по Волхову. На Невѣ встрѣтилъ Александра начальникъ сторожей, по вѣсти которыхъ пришла новгородская рать. Онъ былъ человѣкъ крещеный и назывался по-своему Пелгусіемъ, а по-крещеному Филиппомъ, жилъ богоугодно, по-христіански. Разсказавъ Александру про шведовъ, что̀ къ дѣлу шло, Пелгусій прибавилъ: „На восходѣ солнечномъ прислышился мнѣ на морѣ сильный шумъ. Я пошелъ посмотрѣть и вижу — идетъ по морю ладья, въ ней стоятъ свв. мученики Борисъ и Глѣбъ, а по краямъ сидятъ гребцы; лика ихъ нельзя распознать, они какъ будто мглою одѣты. И говоритъ св. Борисъ св. Глѣбу: „Братъ Глѣбъ, вели грести: намъ надо помочь сроднику нашему, Александру Ярославичу“. Я затрепеталъ отъ страха, и ладья скрылась изъ глазъ моихъ“. Выслушавъ Пелгусія, Александръ возблагодарилъ Бога за доброе знаменіе и пошелъ впередъ.

Утромъ 15 іюля Александрова рать подошла къ шведскому становищу, противъ устья Ижоры, и, не теряя минуты, дружно ударила на незваныхъ гостей. Между шведами поднялся переполохъ, ратники бросались изъ конца въ конецъ за оружіемъ и доспѣхами, а новгородцы рубили ихъ мечами и топорами. Новгородецъ Гаврила Олексичъ черезъ толпы ратныхъ пробился до шведскаго корабля и вскочилъ на сходню, которая была спущена на берегъ. Шведы столкнули его вмѣстѣ съ ко-

Къ стран. 58.

Видѣніе Пелгусіево.

немъ въ Неву. Гаврила выбрался изъ воды, поскакалъ по берегу борзо, схватился въ рукопашную съ воеводой Спиридономъ и убилъ его, потомъ наскочилъ на одного бискупа (архіерея латинской вѣры) и тоже убилъ. Другой новгородецъ, Миша, съ пѣшею дружиною напалъ на три корабля и потопилъ ихъ. Сбыславъ Якуновичъ врубился съ однимъ топоромъ въ средину шведовъ, крошилъ направо и налѣво, и много шведовъ полегло отъ его могучей руки. Молодой Савва сквозь толпы вражескія пробился до большого шатра Биргерова, что красовался среди стана и блестѣлъ золоченымъ верхомъ. Савва подсѣкъ столбъ у шатра, шатеръ осѣлъ и повалился. Новгородцы крикнули радостно и съ новой бодростью стали побивать враговъ. Самъ Александръ сражался храбро, все видѣлъ и вездѣ поспѣвалъ. Замѣтивъ, что Биргеръ бѣжитъ, Александръ нагналъ его и своеручно зарубилъ мечомъ на его лицѣ крѣпкую по себѣ память.

Бой длился до ночи; шведовъ полегло великое множество, остальные сѣли на корабли и уплыли во-свояси. Новгородская земля спаслась отъ многихъ бѣдъ, и благодарные русскіе люди дали Александру названіе Невскаго.

Избавившись отъ одного врага, новгородцамъ скоро пришлось развѣдываться съ другимъ. Поморская страна, гдѣ теперь губерніи: Лифляндская, Эстляндская и Курляндская, была населена язычниками: эстами, ливами, латышами и другими. Русскіе люди хаживали туда и за данью, и по торговому дѣлу; появились тамъ малу-помалу русскіе поселки и даже городъ Юрьевъ, Въ эту-то землю приплыли изъ-за моря нѣмцы, завели сначала торговлю, потомъ заложили гор. Ригу, стали забирать въ свои руки земли одну за другой и завладѣли наконецъ всею страной. Язычниковъ крестили они не ласкою и словомъ святымъ, а угрозами и насиліемъ, и держали ихъ въ страхѣ и крѣпкой неволѣ. Тамошнимъ племенамъ было не подъ

силу стоять противъ нѣмцевъ; русскимъ людямъ тоже было не до нихъ, такъ что мѣмцы набрались смѣлости и силы. Они задумали навязать латинство и русскимъ православнымъ людямъ, въ княженіе Александра Невскаго взяли Псковъ и появились верстахъ въ 30 отъ Новгорода, грабя купцовъ и захватывая ихъ въ полонъ.

Надо было дать нѣмцамъ отпоръ, а въ Новгородѣ на ту пору и князя не было. Александръ Невскій хотѣлъ править землей властью крѣпкой и твердой, новгородцы же стояли за свои извѣчные порядки и большой воли ему не давали. Александръ разгнѣвался и уѣхалъ скоро послѣ Невскаго побоища.

Стали теперь вѣчники каяться, что не поладили съ княземъ, и послали за нимъ владыку съ боярами. Александръ смилостивился, пріѣхалъ въ Новгородъ, собралъ рать, двинулся къ крѣпости, которую нѣмцы заложили на Новгородской землѣ, взялъ ее и сравнялъ съ землею. Послѣ того надо было итти на Псковъ, но силы у Новгородскаго князя было мало. Онъ послалъ за подмогой къ отцу своему, который въ то время былъ уже великимъ княземъ Владимирскимъ. Добывши суздальскую рать, Александръ отнялъ у мѣмцевъ Псковъ послѣ лютой сѣчи и двинулся дальше на землю Ливонскую.

Нѣмцы собрали большое войско и повели его навстрѣчу Александру по льду Чудского озера. Это было въ 1232 году, въ началѣ апрѣля; весна стала тогда поздно. Александръ изрядилъ свою рать тамъ, гдѣ сходится Чудское озеро съ Псковскимъ. „Суди меня, Боже“, сказалъ онъ, поднявъ руки къ небу: „и разсуди мою распрю съ этимъ народомъ; помоги мнѣ, Господи, какъ Ты помогъ прародителю моему Ярославу противъ окаяннаго Святополка!“ Нѣмцы построили свое войско къ бою, какъ тогда говорилось, свиньей, т.-е. такъ, что въ переднемъ ряду стояло мало людей, за ними побольше, и что дальше въ глубь, то шире становился полкъ. Подойдя

къ русской рати, нѣмцы такъ и врѣзались въ нее. Задніе люди напирали на переднихъ, передніе волей-неволей шли впередъ и ломили все на пути. Какъ обухомъ загоняютъ въ дерево клинъ, такъ нѣмцы свинымъ рыломъ дальше и дальше врѣзывались въ Александрову рать и раскалывали ее пополамъ. Поднялось между русскими великое смятеніе. Тогда Александръ съ запаснымъ полкомъ ударилъ на враговъ сзади: чудь и нѣмцы дрогнули и побѣжали. Русскіе гнали ихъ семь верстъ до берега, кололи копьями, рубили мечами и топорами. Пятьсотъ нѣмцевъ легли костями, а чуди столько, что и сосчитать было трудно.

Съ торжествомъ вернулся Александръ во Псковъ и потомъ въ Новгородъ. Всѣ славили и чтили побѣдителя, по церквамъ служили молебны, и долго послѣ того, больше трехсотъ лѣтъ, поминались въ Новгородѣ на ектеніяхъ Невская битва и Ледовое побоище.

Были побиты шведы и нѣмцы, но оставался еще третій врагъ — литва. По мѣрѣ того, какъ Русь безсилѣла въ княжескихъ усобицахъ, литва чаще и чаще набѣгала на сосѣднія русскія земли, поживлялась съ нихъ и даже забирала города. Не побоялись литовцы и Александра Невскаго; скоро послѣ Ледового побоища перешли они новгородскій рубежъ и стали творить всякое зло. Александръ бросился имъ навстрѣчу и потрепалъ ихъ нѣсколько разъ. Но литва не угомонилась, въ 1245 г. появилась снова и добралась до Торжка и Бѣжецка. Пограбивъ окольныя страны, литовцы повернули домой и на пути засѣли въ Торопцѣ. Александръ взялъ городъ, много литвы перебивши; однихъ князей литовскихъ легло тутъ 8 человѣкъ. Съ великой радости новгородская рать не захотѣла гнаться дальше за литвой и повернула домой; Александръ пошелъ съ одной своей дружиной и побилъ литовцевъ еще два раза крѣпче прежняго.

Не бывало еще на литву такой погибели. Была она

задорна и неотвязна, однако на этотъ разъ присмирѣла; на семь лѣтъ пропалъ про нее слухъ въ Новгородской землѣ.

Громко гремѣла слава Александра Невскаго. Татарскій полонъ давилъ русскихъ людей непривычнымъ бременемъ, они не свыклись еще со своей бѣдой, не сжились со своимъ горемъ-злосчастьемъ. Стыдъ лежалъ на Русской землѣ: потоптали татары русскую славу, посрамили татары русскую честь. И въ это-то безвременье точно звѣзда свѣтлая блеснула изъ Великаго Новгорода, точно прорѣзалось сквозь черныя тучи солнышко ясное. Александръ утѣшилъ русское сердце, въ свѣжую рану пустилъ зелья цѣлебнаго. Всѣ поминали его добрымъ словомъ, отовсюду несся къ нему горячій привѣтъ.

Былъ онъ высокъ ростомъ, статенъ, сановитъ; лицо имѣлъ прекрасное, взглядъ быстрый и ясный. При свѣтломъ разумѣ было въ немъ горячее благочестіе; измлада возлюбилъ онъ Бога, усердно Ему молился и велъ жизнь воздержную. Добрая про него молва донеслась до нѣмцевъ и татаръ. Отъ ливонскихъ нѣмцевъ приходилъ въ Новгородъ одинъ витязь и потомъ разсказывалъ: „Много исходилъ я земель и народовъ, но нигдѣ не встрѣчалъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя“. Захотѣлось повидать Александра Невскаго и Батыю. Послѣ погрома Руси почти всѣ князья перебывали въ Ордѣ, но Александръ не ѣздилъ. Батый велѣлъ ему сказать: „Знаешь ли ты, что Богъ покорилъ мнѣ многіе народы; ты ли одинъ не покоришься? Если хочешь соблюсти свою землю, то приходи поклониться мнѣ“. Александръ не помышлялъ перечиться съ татарами, и такъ какъ въ это время умеръ его отецъ, то Александру все равно приходилось ѣхать въ Орду, чтобы не обнесли его при дѣлежѣ Русской земли. Ханъ принялъ его милостиво, почтилъ дарами и сказалъ ближнимъ своимъ людямъ: „Истинная правда все то, что мнѣ

про него говорили; нѣтъ подобнаго этому князю“. Но дѣло не кончилось поклонами Батыю; по его приказу Александръ вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ, поѣхалъ къ великому хану, въ самую глубь Азіи. Путь былъ долгъ и тяжелъ; приходилось ѣхать по странамъ неизвѣданнымъ, пустыннымъ, выносить великую нужду, въ становищѣ хана терпѣть униженіе и обиды. Все это перенесли русскіе князья и благополучно вернулись въ Русь.

Тутъ поднялся между ними споръ за великое княженіе. Батый присудилъ столъ Владимирскій Андрею, но потомъ, спустя немногіе годы, сынъ Батыя, Сартакъ, пожаловалъ Александра, отдалъ ему Владимиръ, какъ и слѣдовало по правдѣ, потому что Александръ былъ старше Андрея. Передѣлъ этотъ послужилъ къ великому благу Русской земли: по разуму и досужеству Александръ былъ гораздо выше Андрея, отъ котораго не много было бы пользы на великомъ княженіи.

Александръ Невскій въѣхалъ во Владимиръ съ большимъ торжествомъ. У Золотыхъ воротъ встрѣтилъ его митрополитъ Кириллъ со всѣмъ священствомъ Божіимъ; вокругъ тѣснились огромныя толпы народа. Всѣ чаяли добра отъ его княженія, думали отдохнуть подъ его рукой отъ горькихъ бѣдъ и безвременья. И точно, Александръ сѣлъ на великомъ княженіи не на тихое, безмятежное житіе, а на тяжкую службу, на повседневный трудъ. Въ Новгородѣ онъ перевѣдывался съ врагами родной земли въ открытомъ бою; удаль, храбрость давали ему на враговъ побѣду и одолѣніе, а съ побѣдой и славу громкую. Во Владимирѣ было уже не то; татары стоили нѣмцевъ, шведовъ и литвы, — всѣхъ вмѣстѣ; изъ открытаго боя съ татарами вышло бы только новое разореніе земли и неволя тѣснѣе прежняго. Александръ Невскій все это разумѣлъ хорошо. Можетъ, у него не разъ щемило сердце и подымалась кровь отъ насилія татарскаго, но холодный разумъ сдерживалъ

горячее сердце, и великій князь, не жалѣя себя и своей славы воинской, угодливостью да дарами умилостивлялъ татаръ. И не умалилась отъ этого его слава, а выросла.

На великомъ княженіи Александръ занялся прежде всего успокоеніемъ народа и земскимъ устроеніемъ, но отъ дѣла этого скоро отвлекли его неугомонные новгородцы. Въ Новгородѣ онъ оставилъ княземъ сына своего Василія; вѣчники съ Василіемъ не поладили, указали ему путь на всѣ четыре стороны и вмѣсто него призвали брата Александрова, Ярослава. Но Александръ Невскій считалъ себя попрежнему княземъ Новгородскимъ и такого самовольства не допустилъ: собралъ рать и пошелъ къ Новгороду. Новгородцы выставили противъ него у города два полка, Ярославъ далъ тягу. Городъ замутился; люди меньшіе, рядовые, корились съ передними, богатыми: первые хотѣли стоять противъ Александра за правду новгородскую, вторые же замыслили ввести князя на своей волѣ, смѣстить посадника Ананію и посадить своего, Михалку. Великій князь смутой не воспользовался, крови христіанской не пролилъ, а выждалъ, когда самъ Ананія отказался отъ посадничества. Тогда Александръ вошелъ въ Новгородъ съ миромъ, посадилъ опять княземъ своего сына Василія и уѣхалъ во Владиміръ, а люди большіе созвали изъ своихъ сторонниковъ вѣче и выбрали въ посадники Михалку. Времени прошло немного, какъ Александру понадобилось опять оторваться отъ мирныхъ дѣлъ. Шведы съ финскими племенами: ямь и сумь, ворвались въ Новгородскую землю; Александръ поднялся противъ нихъ въ походъ. Пора была уже поздняя, стояла суровая зима; многіе новгородцы не захотѣли итти далеко и вернулись домой; Александръ продолжалъ путь съ остальными. Походъ былъ необычно тяжкій: приходилось итти по ущельямъ горъ, по трущобамъ; отъ зимнихъ тумановъ и мятелей рать не распознавала дня отъ ночи и брела ощупью.

Впереди шли шестники изъ ями; они указывали, куда итти, шестами нащупывая подъ снѣгомъ путь; ратные люди падали на дорогѣ и замерзали. Но Александръ все-таки довелъ задуманное дѣло до конца. Какъ Божья гроза прошелъ онъ землю ями изъ края въ край до моря, людей перебилъ, другихъ забралъ въ полонъ и съ добычей вернулся въ Новгородъ. Послѣ этого шведы и финны стали смирны и долгое время даже послѣ Александра Невскаго не задирали новгородцевъ.

Александръ вернулся во Владиміръ, но и въ этотъ разъ ненадолго. Батый ужъ умеръ, умеръ скоро послѣ него и новый ханъ Сартакъ; Орда досталась брату Батыеву, Берке. Надо было ѣхать къ новому хану съ поклономъ и подарками; приспѣло и другое до него дѣло. При Ярославѣ татары сосчитали русскій народъ и обложили его поголовной данью; теперь Берке собирался сдѣлать то же самое въ другой разъ, чтобы въ ханскую казну сходило дани больше прежняго. Поголовная дань была очень тяжела народу, потому что богатый и бѣдный платили одно и то же. Александръ хотѣлъ умилостивить татаръ, отвести отъ Руси новую тяготу. Попытка не удалась великому князю, но надо думать, что онъ съѣздилъ въ Орду не по-пустому, что татары хотѣли гораздо больше того, на чемъ поладили, добивались чего-нибудь очень тяжкаго. Александръ Невскій сорилъ деньгами, задаривая кого слѣдуетъ; дѣлалъ онъ это, разумѣется, не даромъ, а платилъ за какую-нибудь большую послугу. Кончивъ переговоры въ Ордѣ, великій князь вернулся домой, слѣдомъ за нимъ поѣхали татарскіе численники и сочли земли. Не считали только всякій духовный и церковный чинъ: таковъ былъ татарскій обычай во всѣхъ земляхъ, которыя татарамъ дань платили.

Перечисливши людей въ земляхъ Рязанской, Муромской и Суздальской и собравъ съ нихъ дань, татары

повезли ихъ въ Орду; за ними поѣхалъ и Александръ съ другими князьями. Ханъ принялъ князей милостиво, но объявилъ свою неизмѣнную волю — брать дань и съ Великаго Новгорода. А Великій Новгородъ былъ городъ вольный, отъ татарской Орды лежалъ далеко. Погромъ Батыевъ зацѣпилъ только уголъ Новгородской земли; новгородцы еще не видали большого зла отъ татаръ и боялись ихъ меньше, чѣмъ другіе русскіе люди. Александръ Невскій чуялъ, что не захотятъ новгородцы платить Ордѣ дань, но ослушаться хана не смѣлъ и поневолѣ взялся исполнить его приказъ.

Чего опасался Александръ, то и случилось. Когда поѣхалъ онъ съ татарскими посланцами въ Новгородъ, городъ замутился, народъ поднялся на посадника Михалку и убилъ его; князь Василій сталъ съ новгородцами заодно, не захотѣлъ слушаться отца и выѣхалъ въ Псковъ. Какъ ни уговаривалъ Александръ новгородцевъ, но ничего не могъ сдѣлать; дани они не дали, но, чтобы не прогнѣвить хана черезъ мѣру, послали ему дары. Татары увидѣли, что безъ ратной силы съ новгородцами поладить нельзя, нехотя взяли дары и уѣхали.

Скоро послѣ уѣхалъ и Александръ, только не такъ мирно, какъ татары. Онъ далъ острастку непокорнымъ людямъ, чтобы и другихъ напредь отвадить, сына своего выпроводилъ изъ Пскова въ Суздальскую землю, а совѣтниковъ его наказалъ.

Прошелъ годъ. Въ 1259 году пріѣхалъ посолъ отъ великаго князя, сталъ на вѣчѣ и сказалъ: „Въ Низовой землѣ сходятся полки татарскіе, чтобы итти на васъ, коли не дадите перечислить Новгородъ“. Такъ говорилъ посолъ по приказу Александрову, хоть татары рати и не собирали. Великій князь не первый годъ водился съ татарами и зналъ нравъ Орды; онъ понималъ, что если татары разъ не добрались до Новгорода, то выместятъ свою злобу на другихъ русскихъ земляхъ и все-

таки Новгорода въ покоѣ не оставятъ. Александръ Невскій былъ великій князь; благо народное, покой родной земли лежали у него на сердцѣ и на совѣсти; онъ не могъ и не хотѣлъ радѣть одной волости во вредъ другимъ. Поэтому узнавъ, что ханъ опять снаряжаетъ пословъ за данью, Александръ задумалъ напередъ застращать новгородцевъ грозной вѣстью, а потомъ уже сладиться съ ними безъ грѣха и кровопролитія. Сначала это удалось. Присланная Александромъ вѣсть ошеломила и напугала новгородцевъ; они рѣшили на татаръ не вставать и дать имъ перечислить землю. Но когда пришелъ Александръ съ полкомъ и пріѣхали татарскіе послы съ женами и челядинцами, то у новгородцевъ страхъ уже прошелъ. Отъ срама и стыда поднялось новгородское сердце, и ходуномъ заходилъ весь Великій Новгородъ. Мятежъ всталъ такой страшный, такой грозный, что татары перепугались, и Александръ приставилъ къ нимъ стражу для обереганья. Смута въ городѣ не утихала; татарамъ это надоѣло. „Давайте намъ число“, стали они говорить: „не то прочь побѣжимъ, и тогда худо вамъ будетъ“. Люди передніе и богатые, видя, что теперь одними подарками отъ дани не отдѣлаться, согласились на перепись, но черный народъ стоялъ на своемъ упорно и числа (поголовной переписи) не давалъ. Пронеслась по городу молва, будто Александръ собирается усмирить народъ силой. Чернь зазвонила на вѣче у св. Софіи и собралась вокругъ собора, чтобы дать отпоръ. „Умремъ честью за св. Софію и за домы ангельскіе“, кричали вѣчники: „не дадимъ дани и числа сыроядцамъ окаяннымъ!“

Въ слухѣ городскомъ не было правды: Александръ вовсе не хотѣлъ, въ угоду татарамъ, лить христіанскую кровь и задумалъ устрашить народъ иначе. Онъ съѣхалъ съ городища вмѣстѣ съ татарами, какъ будто для того, чтобы воротиться домой и отдать Новгородъ на волю

ханскую. Тогда богатые новгородцы такъ застращали на вѣчѣ черный народъ близкой бѣдой, что мятежъ мало-по-малу стихъ, и вѣче постановило — дать татарамъ число. Добывъ число и выправивъ по немъ дань, татары уѣхали.

Словно тяжелое бремя свалилось съ Александра Невскаго, когда уладилось это дѣло. Года два просидѣлъ онъ во Владимирѣ, устраивая земскія дѣла и помышляя мирно о народномъ благѣ.

Въ это время татары перестали собирать дань сами, а начали отдавать ее на откупъ купцамъ иноземнымъ; съ ними ходили ханскіе посланцы, баскаки, съ большими толпами татаръ. Всѣмъ приходилось тяжко отъ этихъ сборщиковъ:

И вдовы-то безчестити,
Красны дѣвицы позорити,
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.

Снявши русскую дань съ наддачей, откупщики брали безъ милосердія со всякаго, что̀ только можно взять, раскладывали платежъ дани на разные сроки съ огромными ростами, забирали добро неисправныхъ плательщиковъ, либо уводили ихъ въ неволю. Народъ терпѣлъ, насколько силъ хватало, но скоро не хватило и силъ. Въ 1262 году разомъ загудѣли вѣчевые колокола во многихъ городахъ; народъ поднялся мимо своихъ князей, дружно ударилъ на откупщиковъ-насильниковъ и либо выгналъ ихъ вонъ, либо перебилъ.

Бѣда встала великая, неминучая; Александръ Невскій, не теряя времени, собрался въ Орду, хотя ханъ былъ гнѣвенъ и могъ не пощадить его головы, какъ это уже случалось съ русскими князьями. Было у Александра и другое дѣло въ Ордѣ. Незадолго передъ тѣмъ ханъ велѣлъ снарядить русскую рать и отправить ее въ подмогу къ татарамъ для войны съ какой-то ино-

земной страной. Тяжело было русскимъ людямъ биться за татаръ, проливать кровь за своихъ лиходѣевъ и утѣснителей. Александръ Невскій не далъ татарамъ русской рати, отговариваясь войной, и чтобъ было это похоже на правду, послалъ ополченіе въ Новгородъ, воевать ливонскихъ нѣмцевъ.

Много долженъ былъ Александръ понести въ Ордѣ горя и труда, отстаивая Русь отъ жадныхъ татаръ. Пришлось пустить въ ходъ рѣчи изворотливыя, ласки покорныя и посулы разные, пришлось полными горстями раздавать казну великокняжескую. Александръ любилъ родную землю больше своей чести; онъ перемогъ въ себѣ стыдъ вольнаго князя, вынесъ все, только бы отмолить Русь отъ погрома. Старанія его даромъ не пропали; прошло безъ отместки побіеніе басурманскихъ откупщиковъ и татарскихъ сборщиковъ, прошло и ослушаніе ханскаго приказа о присылкѣ рати.

Такое большое дѣло стоило любой побѣды; если бы оно не удалось Александру, Русской землѣ пришлось бы, можетъ, пострадать такъ, какъ при Батыѣ. Зато и переговоры съ татарами тянулись долго: безъ малаго годъ прожилъ великій князь въ Ордѣ. Была это послѣдняя служба, которую сослужилъ онъ Русской землѣ. Его крѣпкое тѣло истомилось отъ душевной тревоги, отъ заботъ и непосильныхъ трудовъ. Въ Ордѣ онъ занемогъ и осенью 1263 года отправился домой больной, но доѣхалъ только до Городца (нынѣ село въ Балахнинскомъ уѣздѣ) и присталъ въ Ѳедоровскомъ монастырѣ. Здѣсь почуялъ онъ свой конецъ, по обычаю того времени принялъ постриженіе, облекся въ схиму и ночью 14 ноября 1263 года преставился.

Митрополитъ Кириллъ, тотъ самый, который нѣсколько лѣтъ назадъ привѣтствовалъ Александра на великомъ княженіи, служилъ во Владимирѣ обѣдню, когда дошла до него скорбная вѣсть. Онъ обратился къ народу и

со слезами на глазахъ сказалъ: „Дѣти мои милыя, закатилось солнце земли Русской!“ И всѣ предстоящіе съ плачемъ завопили въ отвѣтъ: „Погибаемъ!“ Когда тѣло усопшаго великаго князя приближалось къ Владиміру, стоялъ трескучій морозъ. Несмотря на это, митрополитъ, священство, князья, бояре и простые люди, всѣ отъ малаго до великаго высыпали навстрѣчу и со свѣчами и кадилами шли 10 верстъ. Съ честію и скорбію погребли тѣло Александра Ярославича Невскаго 23 ноября во Владимирскомъ монастырѣ Рождества Богородицы.

Много на своемъ вѣку потрудился Александръ Невскій на пользу отечеству. Онъ соблюдалъ въ Русской землѣ миръ, не давалъ хода раздорамъ и усобицамъ, упорно бился съ иноземными врагами на западѣ и всегда ихъ побивалъ, неусыпно оберегалъ родную землю отъ татаръ на востокѣ. Въ его прекрасное тѣло Богъ вложилъ великую душу, одарилъ его сердцемъ милосердымъ. Въ дѣлахъ княжескихъ не забывалъ Александръ Невскій и дѣлъ христіанской любви: много золота и серебра передавалъ онъ въ Орду на выкупъ русскихъ полоненныхъ, многихъ вывелъ изъ лютой неволи татарской и осушилъ ихъ горькія слезы. Народъ русскій не переставалъ вспоминать о немъ, какъ о своемъ ангелѣ-хранителѣ, и русская Церковь причла его къ лику святыхъ. До сихъ поръ воздается ему на Руси и всегда воздаваться будетъ и честь, и слава, и вѣчная добрая память.

VII.

Москва.

Въ то время, какъ Русская земля изнывала въ усобицахъ и полонѣ татарскомъ, между русскими княжествами появилось одно новое, молодое, которому суждено было собрать ихъ подъ одну державу, въ одно крѣпкое государство. Это было княжество Московское.

Городъ Москва заложенъ болѣе 700 лѣтъ передъ нашимъ временемъ, но въ которомъ именно году — не извѣстно. На мѣстѣ нынѣшней Москвы издавна стояли поселки; передъ заложеніемъ города владѣлъ ими богатый бояринъ Степанъ Кучко, потому поселеніе это называлось Кучковымъ. Великій князь Юрій Долгорукій, сынъ Владимира Мономаха, собравшись однажды изъ Кіева во Владимиръ къ сыну своему, Андрею Боголюбскому, проѣзжалъ чрезъ Кучково. Гордый Кучко не почтилъ великаго князя, какъ подобало, и даже поносилъ его. Юрій не стерпѣлъ хулы, велѣлъ предать боярина смерти; самъ же взошелъ на гору и, обозрѣвъ оттуда окрестную страну, плѣнился красотою мѣста, велѣлъ срубить тутъ малый деревянный городъ и назвалъ его Москвою, по имени Москвы-рѣки, а дочь казненнаго боярина выдалъ за сына своего Андрея Боголюбскаго.

Такъ зачалась Москва, но за нею еще долгое время оставалось названіе Кучкова. Въ 1147 году Юрій Долгорукій заѣхалъ сюда съ княземъ Черниговскимъ и задалъ ему пиръ; изъ-за этого пира лѣтописецъ и упоминаетъ въ первый разъ про Москву. Во время Батыева погрома татары сожгли Москву со всѣми посадами; скоро послѣ того князь Михаилъ, по прозванію Хороритъ, братъ Александра Невскаго, выстроилъ ее вновь. Этотъ Михаилъ былъ первымъ княземъ Московскимъ; до того времени Москва считалась вотчиною князей владимирскихъ и управлялась княжими намѣстниками. Михаилъ отнялъ великое княженіе Владимирское у своего дяди, и хоть не по правдѣ было это отнятіе, но ханскою волею Владимирское княжество осталось въ родѣ Ярославичей, и Москва сдѣлалась съ той поры ихъ удѣломъ.

Сила Московскаго княжества началась съ князя Даніила, младшаго сына Александра Невскаго. Даніилъ былъ разуменъ и досужъ; владѣя волостью малою и небогатою, онъ однако не давался въ обиду, удачно воевалъ въ усобицахъ, отнялъ у Рязанскаго князя гор. Коломну и самого его взялъ въ полонъ. Когда же племянникъ Даніила, князь Иванъ Переяславскій, умирая бездѣтнымъ, отказалъ ему свою волость, Московское княжество сразу выросло. Такое наслѣдованіе было однакоже дѣломъ необычнымъ; великій князь вступился за свою правду и поѣхалъ жаловаться въ Орду. Скоро послѣ того, въ 1303 году, князь Даніилъ умеръ; Московское княжество перешло къ старшему сыну его Юрію. Великій князь вернулся изъ Орды съ ханскимъ приказомъ, но Московскій князь ханскаго приказа не послушался, отцовскаго наслѣдія не уступилъ.

Юрій продолжалъ дѣло, начатое отцомъ. Въ самый годъ отцовской смерти онъ напалъ на Смоленскую волость и оторвалъ отъ нея Можайскъ. Вслѣдъ за тѣмъ,

когда великокняжескій Владимирскій столъ достался по старшинству князю Михаилу Ярославичу Тверскому, Юрій объявился ему противникомъ. Оба князя поѣхали въ Орду на судъ; ханъ далъ ярлыкъ (грамоту) на Владимирское великое княженіе Михаилу. Съ досадой вернулся Юрій домой и повелъ съ Тверью злую войну. Война эта тянулась съ перерывами безъ малаго 25 лѣтъ; много въ это время пролито крови и сотворено неправды. Юрій не брезгалъ ничѣмъ, чтобы усилиться; онъ убилъ полоненнаго отцомъ Рязанскаго князя, удержалъ за собою рязанскую волость Коломну, не давалъ братьямъ удѣловъ и даже заставилъ ихъ выѣхать изъ Москвы въ Тверь.

Михаилъ Тверской снова жаловался въ Ордѣ на своего ненавистника. Юрій поѣхалъ на ханскій судъ, три года прожилъ въ Ордѣ, кланяясь и задабривая татаръ, втерся въ семью хана Узбека и женился на его сестрѣ Кончакѣ, которая приняла крещеніе и наречена Агаѳьею. Добывъ ярлыкъ на великое княженіе, Юрій вернулся въ Русь, ведя за собой толпы татаръ подъ начальствомъ воеводы Кавгадыя. Про это время дошла до насъ даже пѣсня:

А и дѣялось въ Ордѣ,
Передѣялось въ Большой:
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ,
На червчатой камкѣ,
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ;
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ.
Шурьевъ царь дарилъ
Азвяка Тавруловича
Городами стольными:

Василья на Плесу,
Гордея на Вологдѣ,
Ахрамѣя въ Костромѣ.

Юрій напалъ съ татарами на Тверского князя, но былъ побитъ и бѣжалъ; жена его попалась въ полонъ и тамъ вскорѣ умерла. Пронесся слухъ, что ее извелъ Михаилъ лютымъ зельемъ; въ слухѣ этомъ не было правды, но онъ принесъ Юрію большую выгоду и погубилъ Тверского князя.

Заводчикомъ всего зла, которое отсюда вышло, былъ Кавгадый. Онъ дружилъ Юрію Московскому, помогалъ ему въ его замыслахъ и потому далъ вѣру наноснымъ рѣчамъ, а можетъ, и самъ пустилъ ихъ въ ходъ. Уговоривъ Юрія ѣхать въ Орду, Кавгадый отправился вмѣстѣ съ нимъ и насказалъ хану про Михаила Тверского злую небывальщину. Бояре Михаиловы молили своего князя къ хану не ѣздить, а послать вмѣсто себя сына. Михаилъ отвѣчалъ: „Если не поѣду, то вотчину мою опустошатъ и множество христіанъ изобьютъ; вѣдь надобно когда-нибудь умереть, такъ лучше теперь положу душу мою за многія души“. По приказу Узбекову Михаилъ поѣхалъ въ Орду, которая тогда прикочевала къ устьямъ Дона.

Узбекъ велѣлъ сотворить надъ Тверскимъ княземъ судъ. Два раза приводили Михаила въ судъ и читали ему обвинительныя грамоты: „Ты былъ гордъ и непокорливъ хану, позорилъ Кавгадыя, побилъ его татаръ, ханскія дани бралъ себѣ, хотѣлъ бѣжать къ нѣмцамъ съ казною, послалъ казну къ римскому папѣ, извелъ княгиню Юрьеву“. Михаилъ защищалъ себя отъ такихъ винъ, но судъ тянулъ на сторону Юрія и Кавгадыя, да и самъ Кавгадый сидѣлъ въ судьяхъ. Отъ Михаила отогнали духовника, бояръ и слугъ, надѣли на него тяжелую колоду, по ночамъ руки забивали въ колодки. Такъ пробылъ Михаилъ 25 дней, идя дальше и дальше

къ полудню, куда ханъ ѣхалъ на звѣриную ловлю. Все время Тверской князь читалъ псалтирь, и такъ какъ самъ держать книгу не могъ, то держалъ ее передъ нимъ отрокъ и перевертывалъ листы. Доброхоты говорили ему: „Проводники и кони готовы: бѣги, князь, спасайся". Михаилъ не хотѣлъ. „Если самъ спасусь, а людей своихъ въ бѣдѣ оставлю, то какая мнѣ будетъ слава?" Велѣлъ Кавгадый вывести его въ такомъ видѣ на базаръ, поставилъ передъ собою на колѣни, величался передъ нимъ и говорилъ ему много досадительныхъ словъ. Сошлось въ томъ мѣстѣ много людей изъ разныхъ земель; всѣ они видѣли позоръ и злосчастіе русскаго князя и скорбѣли о немъ. Прошелъ еще день; Михаилъ всталъ рано, позвалъ духовника и священниковъ, велѣлъ пѣть заутреню и часы, исповѣдался, пріобщился, обнялъ и поцѣловалъ священниковъ и просилъ не забывать его въ молитвахъ. Потомъ позвалъ сына Константина, поучалъ его въ христіанскомъ житіи, сказалъ ему свою послѣднюю волю и велѣлъ подать псалтирь. Открылся псаломъ: „Сердце мое смутися во мнѣ, и страхъ смертный пріиде на мя". Чтобы не смутить князя еще больше, священники указали ему на другое мѣсто: „Возверзи на Господа печаль свою, и Той тя пропитаетъ и не дастъ вовѣки смятенія праведному".

Сердце Михаилово не даромъ чуяло недоброе. Едва кончилъ онъ читать, какъ прибѣжалъ отрокъ съ вѣстью, что идутъ Кавгадый и князь Юрій Даниловичъ съ большой толпой народа. Михаилъ всталъ, сказалъ со вздохомъ: „знаю, зачѣмъ они идутъ", и послалъ сына къ ханшѣ просить, чтобы пособила, коли можетъ. Кавгадый и Юрій сошли съ коней на базарѣ, недалеко отъ кибитки Михаила и послали къ нему нѣсколько человѣкъ. Убійцы бросились въ кибитку, повалили Михаила наземь, били пятами нещадно, потомъ убили и тѣло князя-мученика бросили нагое.

Подошли Кавгадый съ Юріемъ. Кавгадый сжалился и сказалъ Юрію: „Что же ты оставляешь тѣло на поруганіе; не братъ ли онъ тебѣ былъ старшій вмѣсто отца?“ Юрій велѣлъ прикрыть тѣло, отвезъ его въ Москву и выдалъ Тверскимъ князьямъ, когда они подписали мирное докончаніе съ Москвой на волѣ Юрьевой.

На другой годъ Московскій князь сталъ снова собирать полки на Тверь, однако на этотъ разъ обошлось безъ рати. Тверской князь Димитрій Михайловичъ заплатилъ Юрію 2000 рублей и поклялся не искать подъ нимъ великаго княженія. Деньги взяты были на хана, но Московскій князь не отдалъ ихъ татарамъ, а оставилъ у себя. Димитрій Тверской поѣхалъ въ Орду и разсказалъ хану про утайку Московскимъ княземъ ордынскихъ денегъ, про неправедную казнь князя Михаила и про иныя лихія дѣла Юрія и Кавгадыя. Ханъ пришелъ въ великій гнѣвъ, казнилъ Кавгадыя, отдалъ Димитрію великое княженіе и позвалъ Юрія на судъ. Юрій Даниловичъ пріѣхалъ и встрѣтился въ Ордѣ съ Тверскимъ княземъ. Димитрій, по прозванію Грозныя очи, увидѣвъ заклятаго врага и злодѣя своего отца, не сдержалъ сердца, выхватилъ мечъ и убилъ Юрія въ глазахъ ханскихъ. Узбекъ не попустилъ самоуправства, велѣлъ предать Димитрія смерти, но великое княженіе все-таки присудилъ брату его Александру.

Братья Юрія Даниловича перемерли при его жизни, остался одинъ младшій, Иванъ Калита, прозванный такъ потому, что всегда носилъ при себѣ сумку съ мѣдными деньгами (по-тогдашнему калиту), которыя раздавалъ нищимъ и убогимъ. Иванъ Даниловичъ еще при жизни брата правилъ Москвой, потому что Юрій часто и долго бывалъ въ отлучкахъ. Это время послужило Московскому княжеству на пользу.

Со временъ Владимира Святого митрополитъ былъ одинъ на всю Русскую землю, и мѣсто его жительства

Къ стран. 76.

Юрій и Кавгадый у трупа Михаила.

было для князей дѣломъ великой важности. Въ какомъ городѣ онъ жилъ, тотъ городъ становился, какъ будто, столицей Русской земли; отовсюду ѣздили туда князья, святители, бояре и великіе люди, кому была нужда до митрополита. Отъ этого городъ богатѣлъ и выросталъ, а князь его становился больше и выше другихъ князей; митрополитъ радѣлъ ему какъ ближнему человѣку, пособлялъ ему въ его княжескомъ дѣлѣ своей духовной властью.

Сызначала митрополичій престолъ стоялъ въ Кіевѣ, но при Данилѣ Александровичѣ митрополитъ Максимъ перебрался на постоянное жительство во Владиміръ, потому что Кіевъ съ Батыева погрома совсѣмъ запустѣлъ. Послѣ Максима былъ поставленъ въ митрополиты св. Петръ. Съ юныхъ лѣтъ онъ прославился горячимъ благочестіемъ, строгою жизнію и дѣлами христіанскаго милосердія. Если нечего было дать нищему, онъ творилъ милостыню иконами, которыя самъ писалъ; случалось, что въ зимнее время отдавалъ съ себя власяницу неимущему. Сдѣлавшись игуменомъ, а потомъ митрополитомъ, св. Петръ хранилъ въ сердцѣ своемъ прежнюю кротость и любовь. Онъ многократно давалъ князьямъ совѣты блюсти миръ, заклиналъ ихъ не проливать крови христіанской; радѣя о благѣ духовнаго чина, ѣздилъ самъ въ Орду. Объѣзжая однажды свою епархію, святитель заѣхалъ въ Москву, полюбилъ Ивана Даниловича, послѣ того сталъ часто навѣщать его городъ и проживать въ немъ подолгу. „Если послушаешь меня“, говорилъ онъ Ивану Калитѣ: „воздвигнешь храмъ Пречистой Богородицѣ и меня успокоишь въ своемъ городѣ, то съ сыновьями и внуками прославишься паче другихъ князей, градъ сей будетъ славенъ во всѣхъ городахъ русскихъ, святители въ немъ поживутъ, одолѣетъ онъ враговъ своихъ, и кости мои въ немъ положены будутъ“. Иванъ Калита послушался святого

мужа и началъ строить первую въ Москвѣ каменную церковь во имя Успенія Богоматери, а св. Петръ сталъ готовить себѣ каменный гробъ. Скоро онъ преставился и погребенъ въ Москвѣ. Новый митрополитъ, Ѳеогностъ, не хотѣлъ оставить дома и гроба чудотворцева, поселился на жительство тоже въ Москвѣ, и съ той поры престолъ митрополичій утвердился въ этомъ городѣ навсегда, къ великой пользѣ князей Московскихъ.

Пока все это происходило, Русская земля продолжала жить подъ татарской рукой. Первое, самое тяжелое время неволи миновало скоро послѣ Александра Невскаго, но русскіе люди все-таки несли великую нужду и горе отъ жадной, немилосердой Орды. Много ихъ томилось въ ордынскомъ полонѣ, особливо женщинъ; про полонъ этотъ до сего времени поются въ народѣ скорбныя пѣсни.

Спи, усни, мое дитятко!
Твоя матушка полоняночка (плѣнница),
Твой батюшка полоняночекъ.
Злые татарове набѣгали,
Дома, терема сожигали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы по себѣ дѣлили.
Разлучили тебя, дитятко,
Съ родимой ли матушкой;
Отогнали прочь, дитятко,
Твоего батюшку родимаго.

Баскаки ханскіе появлялись то тамъ, то сямъ съ большими толпами татаръ, грабили и бѣдняковъ и богачей, творили надъ ними всякое безчинство и муку. Въ пѣснѣ поется про одного изъ такихъ посланцевъ, Чолхана:

Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани, невыходы,
Царски невыплаты,
Съ князей бралъ по сту рублей,

Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей.
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитяти нѣтъ,
У того жену возьметъ,
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Когда этотъ Чолханъ пріѣхалъ въ 1327 году въ Тверь, разнесся въ народѣ слухъ, будто онъ хочетъ завладѣть княжествомъ, разсажать татарскихъ князей по русскимъ городамъ и поворотить православныхъ въ татарскую вѣру. Въ молвѣ этой не было правды: изначала татары были язычники, потомъ приняли магометанскую вѣру, но ни прежде, ни послѣ вѣру свою русскимъ людямъ не навязывали, священниковъ, иноковъ и всякій церковный чинъ оставляли въ покоѣ и даже не брали съ нихъ поголовной дани. Не трогали они также того распорядка и устроенія, которые жили на Руси, не мѣшали князьямъ править землей и строить ее по обычаю и только выдавали имъ на княженіе ханскіе ярлыки. Если же Чолханъ всполошилъ тверитянъ, то вѣрно не замыслами своими на княженіе и вѣру, а просто насиліемъ и грабительствомъ. Какъ бы то ни было, тверичи поднялись на татаръ, бились съ ними цѣлый день и къ вечеру одолѣли; однихъ перебили, другихъ перетопили, иныхъ сожгли; сгорѣлъ и Чолханъ.

Узбекъ сильно разгнѣвался, призвалъ Московскаго князя, далъ ему 50.000 татаръ и велѣлъ итти на Тверского князя Александра. Татары пожгли города и села и положили пусту всю землю Русскую; спаслась отъ погрома только Москва, отчина Калиты, да Новгородъ откупился деньгами. Князь Александръ бѣжалъ во Псковъ. Исполнивъ приказъ ханскій, Иванъ Калита поѣхалъ въ Орду, обдарилъ всѣхъ по обычаю и выпросилъ себѣ у хана великое княженіе, обѣщая добыть Александра и

прислать въ Орду. Но псковичи не отпустили Александра и поклялись стоять за него на животъ и смерть. Калита любилъ поступать навѣрняка и потому не захотѣлъ итти ратью на ослушниковъ, а уговорилъ митрополита Ѳеогноста наложить клятву на князя и на весь Псковъ. Ѳеогностъ велѣлъ затворить во Псковѣ всѣ церкви. Тогда Александръ собралъ псковичей на вѣче и сказалъ: „Братья и друзья, не будь на васъ проклятія ради меня; снимаю съ васъ крестное цѣлованіе и ѣду въ Литву“. Псковичи очень любили князя за доброту и милосердіе и отпустили его съ большою печалью. Узнавъ про отъѣздъ Александра въ Литву, гдѣ добывать его было уже нельзя, Калита заключилъ со Псковомъ миръ, а Ѳеогностъ съ новгородскимъ владыкою благословилъ посадника и весь Псковъ.

Выждавъ грозу, Александръ черезъ полгода вернулся изъ Литвы, псковичи приняли его съ честью и посадили у себя на княженіе. Но въ Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, сидѣли князья выборные, и Александръ тосковалъ, что дѣти его останутся безъ княжескаго наслѣдія. Проживъ во Псковѣ 10 лѣтъ, онъ не могъ дольше одолѣвать свою тоску и отправился въ Орду съ повинной. Видя смиреніе Александра, Узбекъ пожаловалъ его Тверскимъ княженіемъ, но не на счастіе послужило Александру это пожалованіе. Между Москвой и Тверью снова вздулась притихнувшая вражда, и Калита расчелъ, что теперь настало удобное время покончить съ супротивниковъ. Онъ поѣхалъ въ Орду, сыпалъ деньги не жалѣя, угодливою покорностію заполонилъ хана и наговорилъ ему на своего врага черную клевету. Ханъ позвалъ Александра къ себѣ на судъ, но суда не далъ, а велѣлъ его казнить и отдалъ Тверское княжество брату его Константину.

Московскій князь сталъ теперь такъ силенъ, что никто съ нимъ тягаться уже не могъ. Властные люди москов-

скіе безотпорно хозяйничали въ городахъ; въ Твери Калита велѣлъ снять отъ Спаса большой колоколъ и привезти въ Москву; отъ Великаго Новгорода вымогалъ деньги. Былъ онъ скопидомъ и расчетливый хозяинъ, умѣлъ беречь деньги на дѣло, умѣлъ и добывать ихъ. Въ Ордѣ московскіе князья почти всегда осиливали своихъ противниковъ, потому что могли больше платить, а Ивану Калитѣ удалось добиться у татаръ еще новой милости: сталъ онъ собирать на Орду дань съ удѣльныхъ князей. При этомъ онъ не забывалъ себя; казна его росла такъ, что онъ покупалъ у бѣдныхъ князей деревни, села и даже города. Не пускаясь въ дѣла ратныя, потому что за побѣду поручиться нельзя, Иванъ Даниловичъ предпочиталъ обдѣлывать свои дѣла въ Ордѣ. Стало тихо и спокойно въ областяхъ Калиты; наѣзды татарскіе пустошили Русскую землю, минуя московскіе рубежи; волость поустроилась; воры и грабители стали въ ней переводиться подъ зоркимъ глазомъ княжескимъ. Русскіе люди начали понимать, какое благо и польза исходитъ отъ единой власти, жители сосѣднихъ княжествъ толпами переселялись въ Московскую волость, уходя отъ удѣльной неурядицы и татарскихъ насилій, и имя Ивана Калиты перешло въ потомство съ прозваніемъ **первого собирателя Русской земли**.

Калита умеръ въ 1340 году, подѣливъ княжество между женою и тремя сыновьями съ такимъ расчетомъ, чтобы старшій сынъ, Семенъ, былъ гораздо сильнѣе братьевъ. Русскіе князья поѣхали въ Орду за ярлыкомъ на великое княженіе, но переспорить богатаго Московскаго князя не могли. Столъ Владимирскій достался Семену Ивановичу, мало того, всѣ князья русскіе были даны ему подъ руки, перестали быть его ровней, сдѣлались подначальными. Волей-неволей они послушались и никакихъ раздоровъ съ Москвой не заводили, а тверскіе даже вошли съ московскими въ свойство. Семенъ

честилъ князей съ высокомѣріемъ; русскимъ людямъ было это въ диковину, дивились они новому порядку и прозвали Семена Гордымъ. Съ братьями своими онъ жилъ въ мирѣ и согласіи, установивъ съ ними договоръ. Въ договорной грамотѣ они обѣщали быть всѣмъ заодно до смерти, брата старшаго имѣть и чтить въ отцово мѣсто и величали его „господиномъ великимъ княземъ", чего до того времени въ обычаѣ не бывало.

Съ Великимъ Новгородомъ Семенъ поступалъ круто и бралъ съ него деньги; Литва затѣяла-было съ Москвою войну, но отступилась. Въ разныхъ княжествахъ были смуты и усобицы, выгонявшія народъ изъ родной стороны, а въ волостяхъ Московскаго князя стоялъ миръ и покой, какъ при Калитѣ; земля строилась, народъ отдыхалъ. Но зато въ княженіе Семена появилась страшная моровая язва, черная смерть, отъ которой умеръ и самъ великій князь въ 1353 году про эту моровую язву донынѣ поется пѣсня:

Долго ли, ребята, намъ во злѣ-то погибать?
Какъ пора-то намъ, братцы, воспокаяться,
Воспокаяться, святымъ мужамъ помолитися.
„О вы, мужи святые, угодники Божіи!
„Вы простите грѣхи наши беззаконные,
„Помолите за насъ Бога вышняго,
„Бога вышняго, Отца милосердаго,
„Чтобъ избавилъ царя нашего отъ ужасной войны,
„Отъ ужасной отъ войны и отъ моровой язвы".
А ужъ князь-то нашъ Московскій, Симеонъ Ивановичъ,
Онъ и смотритъ, самъ рыдаетъ, на погибшій на народъ,
Возрыдаючи рѣчь онъ возговорилъ:
„Охъ я, грѣшный человѣче, прогнѣвилъ Бога мово!
„За грѣхъ-то мой Богъ казни наслалъ!"
Какъ услышалъ Богъ молитвы угодника своего,
Угодника своего Петра, митрополита Московскаго:
И избавилъ градъ Москву отъ ужасной отъ войны,
Отъ ужасной отъ войны и отъ моровой язвы.

Въ пѣснѣ этой, дошедшей до насъ отъ давняго времени, не все поется вѣрно: войны въ то время не было, а митрополитомъ Московскимъ къ концу морового повѣтрія былъ не св. Петръ, который давно преставился, а св. Алексѣй, поставленный послѣ Ѳеогноста. Его добрая слава была такъ велика, что дошла даже до Орды. У хана Чанибека жена Тайдула три года хворала глазами. Чанибекъ прислалъ въ Москву грамоту: „Слышалъ я, что Богъ ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго священника вашего; пришлите его ко мнѣ, пусть онъ исцѣлитъ мою жену“. Святитель отслужилъ молебенъ, съ надеждою на Бога поѣхалъ въ Орду и излѣчилъ ханшу. Послѣ того сынъ Чанибека, Бердибекъ, убилъ своего отца и 12 братьевъ, сдѣлался ханомъ и сталъ грозить Руси погромомъ. По просьбѣ новаго князя, Семенова брата, Ивана, св. Алексѣй поѣхалъ опять въ Орду и черезъ Тайдулу, Бердибекову мать, преклонилъ грознаго хана на милость.

Такимъ образомъ выростала Москва въ ряду другихъ городовъ и княжествъ русскихъ, благодаря князьямъ московскимъ. Они отличались разумомъ холоднымъ и расчетливымъ, крѣпкой волей и выносливымъ нравомъ. Замысливъ собрать Русскую землю, они всѣми способами, правдой и неправдой, приводили свою завѣтную мысль въ дѣло, подвигались впередъ неуклонно и съ великимъ умѣньемъ направляли на это же дѣло хановъ татарскихъ, къ будущей пагубѣ Орды. На Москвѣ князья умирали, смѣнялись одинъ другимъ, а княжествомъ правилъ какъ будто одинъ человѣкъ. Митрополиты усердно пособляли московскимъ князьямъ; они разумѣли, что только въ единодержавіи и сильной власти найдетъ Русская земля спасеніе и на своихъ иновѣрныхъ притѣснителей одолѣніе; радѣли своимъ князьямъ и бояре московскіе. Не даромъ Семенъ Гордый, умирая, наказывалъ своимъ братьямъ: „Лихихъ людей не слушайте, которые

станутъ васъ ссорить; слушайте отца нашего, владыку Алексѣя, да старыхъ бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли".

Ничего такого въ другихъ княжествахъ не было, а потому тягаться съ Москвой въ одиночку они уже не могли, а подняться на нее всѣмъ вмѣстѣ, не хватало согласія и единодушія. Это безсиліе удѣльнаго распорядка само собой указывало на мощь единовластія и единодержавія; стало видно, что зародившійся новый порядокъ одолѣетъ стародавнюю рознь, если московскіе князья не сойдутъ съ пути, по которому доселѣ шли, и поведутъ дѣло попрежнему, терпѣливо и умѣючи. Московскіе князья такъ и сдѣлали.

VIII.

Мамаево побоище.

Когда въ 1359 году умеръ Московскій князь Иванъ, братъ Семена Гордаго, оставивъ малолѣтнихъ наслѣдниковъ — двухъ сыновей и племянника, всѣ князья русскіе отправились въ Орду, и ханъ отдалъ великое княженіе Владимирское Суздальскому князю Димитрію Константиновичу. Но Москва привыкла уже занимать въ Русской землѣ первое мѣсто, и съ этого мѣста свести ее было трудно. Бояре московскіе повезли въ Орду Димитрія, старшаго сына князя Ивана, добыли ему ярлыкъ на великое княженіе, посадили на коней всѣхъ трехъ князей-малолѣтковъ и повели войну съ Суздальскимъ княземъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ рати, Суздальскій князь отступился отъ великаго княженія Владимирскаго, и Димитрій Московскій принялся приводить другихъ князей въ свою волю, выгоняя непокорныхъ силой, либо поражая ихъ оружіемъ духовнымъ. Такъ, когда одинъ князь захватилъ Нижній Новгородъ и не хотѣлъ его отдавать, то, по приказу Димитрія Московскаго и митрополита св. Алексѣя, преподобный Сергій Радонежскій заперъ въ Нижнемъ всѣ церкви и прекратилъ богослуженіе. Непокорный князь долженъ былъ покориться.

Димитрій Ивановичъ продолжалъ дѣло своихъ дѣдовъ — усиливать Москву и крѣпить въ ней власть; но будучи

болѣе ихъ отваженъ и имѣя иной нравъ, онъ не только не избѣгалъ дѣлъ ратныхъ, но въ войнѣ больше всего и искалъ счастія. Въ княженіе его война почти не прерывалась; онъ смѣло боролся съ сильными врагами — Тверью, Рязанью, Литвой и даже Ордой.

Изъ всѣхъ русскихъ княжествъ, Тверь и Рязань были, послѣ Москвы, самыя сильныя, но въ нихъ не переводилась смута. Москва не упускала случая, вмѣшивалась въ усобицы и при этомъ, конечно, радѣла о своей выгодѣ. Тверской князь не потерпѣлъ московскаго насилія и поднялъ на Москву зятя своего, Ольгерда Литовскаго. Три раза ходилъ Ольгердъ въ походъ и разорялъ московскія волости, но кончилъ войну, ничего не добившись. Тогда смирилась и Тверь. Долгая вражда съ Рязанскимъ княземъ тоже кончилась миромъ: преподобный Сергій ходилъ въ Рязань посломъ отъ Димитрія Ивановича и тихими, кроткими рѣчами уговорилъ Олега Рязанскаго на мировую.

Развязавшись съ этими врагами, Димитрій Ивановичъ задумалъ подняться на татаръ. Княжество Московское было уже сильно и сила его все умножалась, а татарамъ и въ голову не приходило, что Москва растетъ имъ же на пагубу. Ордѣ, впрочемъ, часто было не до Москвы: въ ней самой встали смуты и усобицы. Русскій народъ отдохнулъ отъ прежнихъ погромовъ и съ каждымъ годомъ набирался смѣлости; имя татарское перестало наводить на всѣхъ прежній ужасъ; пограничныя съ Ордою волости встрѣчали грабителей безъ страха и били ихъ нещадно. Къ этому времени идетъ пѣсня:

Встань, пробудись, мое дитятко,
Снимай со стѣны сабельки
И все-то мечи булатные.
Ты коли-руби сабельками
Злыхъ татаръ съ татарченками;
Ты сѣки-кроши губителей
Все мечами да булатными.

Между тѣмъ Золотая Орда опять собралась подъ рукою одного хана, Мамая. Мамай послалъ на Димитрія Московскаго войско; Димитрій побилъ его на голову. Мамай пришелъ въ великую ярость, послалъ толпы татаръ разорять Рязанскую землю за то, что на ней Димитрій разбилъ татаръ, и принялся ополчать на Московскаго князя всю Орду. „Пойдемъ на русскаго князя и на всю силу русскую, какъ было при Батыѣ", говорилъ Мамай: „церкви попалимъ, христіанъ изобьемъ и законы ихъ изгубимъ".

Надъ Русскою землей надвигалась грозная туча. Димитрій попытался-было послать Мамаю дань, какая была между ними уряжена въ послѣдній разъ, но Мамай спросилъ старинной, большой дани. Великій князь принялся готовиться къ отпору, послалъ во всѣ концы Русской земли грамоты, призывалъ князей и людей русскихъ сходиться на рать. Пока ратные люди изготовлялись и собирались, Димитрій отправился къ Троицѣ (въ 64 верстахъ отъ Москвы), помолиться и просить благословенія у игумена, Сергія Радонежскаго.

Родители Сергія были бояре ростовскіе, но потомъ переселились въ Радонежъ (нынѣ село Городокъ). Съ самаго дѣтства св. Сергій, въ міру Варѳоломей, изнурялъ себя постомъ и большую часть ночи проводилъ въ молитвѣ; онъ не ходилъ даже на дѣтскія забавы, помышляя только о Богѣ. Рано захотѣлъ онъ отречься отъ міра, но родители не пускали. „Твоя благая часть не отнимется отъ тебя", говорили они ему: „послужи намъ еще и, когда проводишь насъ до гроба, тогда твори свою волю". Св. Сергій послушался и, когда схоронилъ отца и мать, то постригся въ монахи.

Въ глухой лѣсной чащѣ началъ онъ свое пустынножительство, терпя во всемъ крайнюю скудость. Здѣсь срубилъ онъ келью и малую церковь, которую митрополитъ Ѳеогностъ благословилъ освятить во имя св.

Троицы. Много времени прошло, пока стала къ нему прибывать братія: въ глухой пустынѣ не было пути, не было и путниковъ, да и самъ Сергій отговаривалъ тѣхъ, кто приходилъ, указывая на великую нужду, которую имъ придется переносить. Однако ревностные въ вѣрѣ люди не убоялись нужды. Въ то скорбное время татарской неволи и удѣльнаго безнарядья, многіе лучшіе люди искали въ отшельничествѣ пріюта отъ невзгодъ и насилій, утѣшенія въ бѣдахъ жизни; удалившись отъ міра, они отдавались Богу всей душой, всѣми помыслами своими. Такъ случилось и тутъ; къ преподобному Сергію собралось мало-по-малу 12 иноковъ и срубили кельи. Св. Сергій работалъ больше всѣхъ: рубилъ самъ дрова, пекъ хлѣбы, варилъ варево, дѣлалъ обувь, а по ночамъ молился. Дивилась братія его неустанному труду и строгой жизни, дивилась и смиренію: не скоро св. Сергій согласился принять игуменство, какъ ни просили его.

Съ годами обитель выростала, братіи прибавлялось; игуменъ прибавлялъ всѣхъ, но постригалъ только послѣ долгаго искуса. Никто не смѣлъ выходить изъ обители за подаяніемъ; по два, по три дня иноки оставались иной разъ безъ хлѣба, пока подвезетъ какой-нибудь доброхотный датель. У иноковъ ничего не было своего собственнаго, все было общее.

Слава преподобнаго Сергія и его обители привлекала народъ отовсюду; около монастыря выросъ посадъ. Святители, князья знали и чтили св. Сергія; люди всякаго званія приходили изъ дальнихъ мѣстъ къ нему за благословеніемъ. Цареградскій патріархъ прислалъ къ нему дружескую грамоту; митрополитъ св. Алексѣй хотѣлъ оставить ему по себѣ митрополію, но смиренный мужъ отказался отъ этой чести.

Отстоявъ въ монастырѣ обѣдню, Димитрій Ивановичъ сталъ-было собираться домой, но преп. Сергій

умолялъ его принять трапезу. Великій князь спѣшилъ, однако почтилъ святого мужа, остался. Сидя за столомъ, замѣтилъ онъ двухъ братьевъ-иноковъ; они были рослы, плечисты и слыли въ мірѣ богатырями. Звались они Ослябя и Пересвѣтъ. Они очень полюбились великому князю; онъ сталъ просить св. Сергія: „Дай мнѣ, отче, на брань этихъ двухъ иноковъ". Преп. Сергій велѣлъ Ослябѣ и Пересвѣту ѣхать съ Димитріемъ. Когда Димитрій всталъ изъ-за трапезы, то св. Сергій благословилъ его, окропилъ св. водой и сказалъ: „Господь Богъ будетъ тебѣ помощникомъ и заступникомъ; Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя".

Вернувшись въ Москву, Димитрій сталъ собираться въ походъ, молился въ Успенскомъ соборѣ и кланялся мощамъ Петра митрополита. 20 августа 1380 года войско выступило изъ Москвы и пошло къ Коломнѣ; тамъ его уже ждали ополченія другихъ князей и подручниковъ Димитрія. Олегъ, князь Рязанскій, не пришелъ и рати своей не прислалъ; крѣпко настращали его татары: опустошали Рязанскую землю не одинъ разъ и еще недавно разорили ее въ конецъ. Олегъ думалъ, что не устоитъ Димитрій противъ Мамая и что если Рязань возьметъ сторону Москвы, то отъ татаръ погибнетъ. Къ тому же рязанскіе князья были издавна супротивниками московскимъ. Олегъ думалъ, что выручить Москву, значитъ готовить пагубу себѣ, своему роду и своему княжеству. Поэтому онъ не присталъ къ русской рати, а сталъ обсылаться съ Мамаемъ и Литвой, которая шла къ татарамъ на помощь. Такъ погубилъ Олегъ свою русскую честь!

Изъ Коломны русское войско двинулось дальше и въ сентябрѣ стало подходить къ р. Дону. Прибѣжали гонцы съ развѣдокъ, сказали, что Мамай ужъ на Дону и что силы его перечесть нельзя. Великій князь собралъ со-

вѣтъ князей и воеводъ и спрашивалъ: „Что дѣлать перевозиться за рѣку или тутъ ждать?“ Князья Полоцкій и Брянскій говорили, что надо переправляться, коли Димитрій хочетъ крѣпкаго бою; тогда не будетъ ни у кого мысли ворочаться назадъ, всякій станетъ биться безъ хитрости; а что сила татарская велика, такъ нечего на это смотрѣть: не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Другіе были осторожнѣе и уговаривали Димитрія за Донъ не переходить. Въ это время приспѣли къ нему гонцы отъ Троицы. Св. Сергій писалъ: „Чтобъ еси, господине, таки пошелъ; а поможетъ ти Богъ и Пресвятая Богородица“. Димитрій подумалъ и велѣлъ за Донъ перевозиться. „Честная смерть лучше злого живота“, сказалъ онъ: „лучше было вовсе не итти противъ татаръ, чѣмъ, пришедши сюда, назадъ ворочаться“. Русскіе намостили мосты, нащупали бродъ и стали переправляться.

Это было 7-го сентября, вечеромъ. Наступила ночь темная, но теплая и тихая. Воевода московскій Димитрій Боброкъ поѣхалъ съ великимъ княземъ впередъ. Передъ ними стлалось широкое поле, которое звалось Куликово. Отъѣхавъ далеко, они остановили своихъ коней и стали прислушиваться. На татарской сторонѣ былъ слышенъ великій стукъ и крикъ, издалека несся вой волковъ, безпокойно сновали туда и сюда птицы, кричали вороны и галки, а на рѣкѣ Непрядвѣ необычно плескались гуси, лебеди и утки, будто чуя грозу. Димитрій и Боброкъ повернулись лицомъ къ Дону, къ полкамъ русскимъ: тамъ было тихо, и только вспыхивала огненная зарница. Тогда Боброкъ сказалъ: „Княже господине, огни — доброе знаменіе; призывай Бога небеснаго и не оскудѣвай вѣрою. Но у меня есть еще иная примѣта“. Тутъ онъ слѣзъ съ коня, припалъ къ землѣ правымъ ухомъ, слушалъ долго, потомъ легъ на лѣвое ухо и опять слушалъ. Поднявшись на ноги, онъ понурилъ голову и молчалъ, слезы капали изъ его глазъ.

Долго просилъ его великій князь разсказать, чтò слышалъ; Боброкъ все молчалъ, наконецъ проговорилъ: „Есть двѣ примѣты: одна радостная, а другая скорбная. Я слышалъ, что земля жалостно и горько плакала: съ татарской стороны будто голосила мать по дѣтямъ своимъ, а съ другой — словно вдовица плакала въ скорби и печали. Ты одолѣешь татаръ, но много поляжетъ православныхъ отъ руки поганыхъ“. — „Буди воля Господня!“ сказалъ великій князь и горько заплакалъ. Пообѣщавъ другъ другу никому не сказывать о томъ, чтò видѣли, слышали и говорили, они поѣхали къ русскому стану. За ними неслись и волчій вой, и карканье воронъ, и крики орловъ; ночь была черная, страшная.

Утро встало пасмурное, мглистое; густой туманъ словно цѣплялся за землю, ничего не было видно. Великій князь отправилъ лучшую рать въ засаду, за лѣсъ, отдалъ ее подъ начало своему двоюродному брату Владиміру Андреевичу, князю Серпуховскому, и воеводѣ Боброку. Скоро туманъ сталъ рѣдѣть, солнце просіяло. Великій князь ѣздилъ по рядамъ войска и ободрялъ ратниковъ. Далеко тянулась сила русская; 150 или 200 тысячъ ратнаго народа стояло на полѣ Куликовомъ. Никогда еще не собиралось столько русской силы отстаивать родную землю отъ поганой татарщины. Солнце играло на блестящихъ доспѣхахъ, кони ржали, знамена тихо колыхались отъ легкаго вѣтра. Любовно, привѣтливо смотрѣло на всѣхъ красное утро, но не многимъ суждено было дожить до темной ночи.

Скоро показались татары. Какъ туча двигались ихъ толпы; густо, тѣсно шла безчисленная рать. Татары остановились; впередъ выѣхалъ татарскій богатырь Телебей, человѣкъ огромнаго роста и непомѣрной силы. Онъ сталъ громко похваляться своей силою, своей удалью и вызывать поединщика. Выступилъ Пересвѣтъ; шлемъ его былъ покрытъ схимою, которую возложилъ на него

преп. Сергій, отпуская на рать. Пересвѣтъ принялъ благословеніе отъ священника, сѣлъ на боевого коня, громко крикнулъ: „отцы и братья, простите меня грѣшнаго“, и во всю прыть понесся на татарина. Телебей поскакалъ ему навстрѣчу, на всемъ скаку налетѣли богатыри другъ на друга и разомъ ударили въ копья. Кони отъ сильнаго удара присѣли на заднія ноги, а богатыри свалились наземь оба мертвые.

Затрубили трубы, давая знакъ итти въ бой всѣмъ. Обѣ рати крикнули и кинулись другъ на друга. Закипѣла сѣча, кровавая сѣча. Дрожала земля, гудѣли окрестные холмы отъ крика ратнаго, отъ топота конскаго, отъ стука оружія и стона раненыхъ. На десяти верстахъ кровь лилась какъ вода; отъ наваленныхъ труповъ конямъ не было проѣзда. Бились не только оружіемъ, но и ручною схваткой, задыхались отъ тѣсноты, умирали подъ конскими копытами; русскіе и татары переплетались руками и ногами въ предсмертныхъ корчахъ. Долго не сдавала ни Русь, ни Орда; наконецъ, Орда стала одолѣвать. Татары добрались до знамени великокняжескаго; тутъ стоялъ великокняжескій любимецъ, воевода Бренкъ; на него Димитрій предъ боемъ надѣлъ свое оружіе и плащъ, а самъ одѣлся простымъ ратникомъ и бился въ ряду другихъ. Татары приняли Бренка за великаго князя, убили его, изрубили знамя, перебили многое множество другихъ воеводъ, бояръ и князей. Безъ числа полегло простой рати, ужасъ напалъ на русскихъ: сломили татары русскую силу.

Въ это время полкъ князя Серпуховского и воеводы Боброка все еще стоялъ въ засадѣ, схоронившись за лѣсомъ. Князь давно уже порывался выскочить изъ засады и ударить на татаръ, но Боброкъ его удерживалъ. „Не пришелъ еще нашъ часъ“, говорилъ мудрый воевода: „не въ пору начнемъ — бѣду наживемъ; потерпимъ еще немного“. Засадное войско рвалось въ бой,

Къ стран. 93.

Князь Серпуховской поздравляетъ Димитрія Донского съ побѣдой.

ратники плакали надъ гибелью братій, а Боброкъ все стоялъ на своемъ: „не приспѣло-де наше время“. Наконецъ, когда русскимъ пришлось совсѣмъ худо, когда пѣшая русская рать лежала вся, какъ скошенная солома, Боброкъ сказалъ: „Теперь пора, и да поможетъ намъ благодать Святаго Духа!“

Какъ соколы налетаютъ на журавлиное стадо, такъ выскочила изъ засады свѣжая рать и бросилась на татаръ съ тыла. Не ждали этого татары; они были въ большомъ безпорядкѣ, кони ихъ утомились, руки ослабѣли, ноги устали. Поднялась большая сумятица; русь напирала крѣпко, била и направо и налѣво. Дрогнули татары и побѣжали, на бѣгу кидали оружіе, бросались въ рѣку Непрядву и Мечу, тонули въ нихъ цѣлыми толпами. Русскіе гнались за ними по пятамъ и били нещадно и безотпорно. Весь станъ татарскій съ возами, пожитками и разнымъ богатствомъ достался побѣдителямъ.

Князь Владимиръ Андреевичъ сталъ на полѣ Куликовомъ и велѣлъ трубить на сходъ. Ратники собирались, но великій князь не показывался. Владимиръ Андреевичъ спрашивалъ всѣхъ, не видали ли великаго князя? Одни говорили, что онъ весь израненъ и надо его искать между трупами; другіе сказывали, будто видѣли, какъ онъ отбивался отъ четверыхъ татаръ и бѣжалъ, а что было дальше — не знаютъ; кто-то объявилъ, что запримѣтилъ, какъ Димитрій, раненый, шелъ съ поля пѣшій. Принялись искать, искали долго, наконецъ, двое ратниковъ набрели на него. Онъ лежалъ въ дубравѣ, подъ срубленнымъ деревомъ, и еле дышалъ. Владимиръ Андреевичъ тотчасъ прискакалъ къ нему и сталъ поздравлять съ побѣдой. Димитрій съ трудомъ пришелъ въ память, съ трудомъ распозналъ, кто съ нимъ говоритъ и о чемъ говоритъ. Доспѣхъ на немъ былъ весь избитъ, но на тѣлѣ не было ни одной смертельной раны.

Возблагодаривъ Бога за побѣду, Димитрій поѣхалъ по полю битвы. Стоны умиравшихъ раздавались со всѣхъ сторонъ, трупы лежали какъ копны, кровь бѣжала ручьями.

То ли чисто поле Куликово,
Изостлано поле мертвыми тѣлами,
Христіанскими да татарскими:
Христіане-то какъ свѣчки теплятся,
А татары-то какъ смола черны.

Долго послѣ того Донъ текъ кровью, а рѣка Меча вся запрудилась мертвыми тѣлами татарскими. Восемь дней русскіе хоронили тѣла убитыхъ; только сорокъ тысячъ уцѣлѣло изъ всей русской силы. Великій князь, священство и все воинство со слезами и скорбью пропѣли избіеннымъ вѣчную память.

Вѣсть о побѣдѣ быстро разнеслась повсюду. Была на Руси радость великая, но была и печаль горькая: рѣдкая семья не оплакивала убитаго.

Мамай съ позоромъ бѣжалъ въ Орду и скоро былъ тамъ побитъ другимъ ханомъ, Тохтамышемъ. Этотъ Тохтамышъ, чрезъ два года послѣ Куликовской битвы, пошелъ войною на Москву, взялъ ее обманомъ, разорилъ и пожегъ, пока великій князь собиралъ войско. Оскудѣла Русская земля воеводами, слугами и всякимъ воинствомъ послѣ Мамаева побоища; невмочь была Московскому князю новая битва съ татарами, и Русь стала снова платить имъ дань.

Но слава и честь Мамаева пораженія отъ этого не убавилась; Димитрій получилъ названіе Донского, и въ память Куликовской битвы установлено поминать убитыхъ въ роды и роды въ Димитріевскую субботу. Русская земля увидѣла, что можетъ одолѣть татаръ, что силы у нея на это хватитъ, если не уйдетъ эта сила на смуты и усобицы. Русскіе перестали смотрѣть на татарскую орду такъ опасливо, боязливо, какъ прежде. Да и татары были ужъ не тѣ, что̀ въ Батыево время: Куликовская битва много сбавила съ нихъ спеси.

IX.

Ягелло.

По западному рубежу древней Руси, на берегахъ рѣки Нѣмана и въ окрестныхъ странахъ, посреди лѣсовъ и болотъ, издавна жило литовское племя. Литовцы были бѣдны, грубы, дики; пашню не пахали почти совсѣмъ, а кормились больше звѣриною или рыбною ловлей да нападали на сосѣдей и грабили ихъ. Литовцы были язычники, поклонялись идоламъ и разнымъ животнымъ; но главнымъ ихъ божествомъ былъ огонь, который неугасимо горѣлъ въ литовскихъ священныхъ рощахъ. Управляли Литвою князья; такъ же, какъ и на Руси, не было между ними мира и согласія и изъ-за пустяковъ пустошили они въ усобицахъ родную землю. Сосѣдями Литвы со всѣхъ почти сторонъ были славяне, и первые русскіе князья брали съ нея дань. Литовцы были такъ бѣдны, что платили дань лыками, жолудями и вѣниками. Потомъ Литвѣ прибавилось новое сосѣдство и новый недругъ — нѣмцы. Они пришли на берегъ Балтійскаго моря для того, чтобы крестить язычниковъ въ латинскую вѣру, и поселились въ Ливоніи и въ Пруссіи. Первые назвались ливонскими, вторые — тевтонскими нѣмцами. Слово Христово нѣмцы эти проповѣдывали не ласкою и любовью, а мечомъ и наси-

ліемъ, и потому повели съ литовцами нещадную, злую войну. Литовцы бились съ ними не на животъ — на смерть, но нѣмцы были искуснѣе литвы въ ратномъ дѣлѣ, и изъ-за моря къ нимъ все прибывала новая подмога. Литовцамъ поневолѣ пришлось подаваться назадъ и шириться въ стороны.

Бѣда научила литовцевъ уму-разуму: надъ всѣми князьями у нихъ появился одинъ старшій и сталъ держать ихъ крѣпко и твердо. На Руси въ это время шли такіе раздоры и усобицы, что литовцы не только перестали платить Руси дань, но даже принялись забирать русскіе города. Потомъ на Русь нагрянули татары, Русь еще больше ослабѣла и опустѣла, особенно земли по Днѣпру. Великій князь русскій жилъ далеко на сѣверѣ; у него было столько заботъ, что объ областяхъ на дальнемъ югѣ и западѣ онъ и думать не могъ. Западною Русью завладѣть было не трудно, и въ самомъ дѣлѣ однѣ ея области захватила Польша, другія, вмѣстѣ съ Кіевомъ, достались Литвѣ. Лѣтъ черезъ сто послѣ татарскаго погрома вся Русская земля уже раздѣлилась пополамъ: западная половина почти вся была подъ рукою литовскаго князя Гедимина, а восточная платила дань татарамъ.

Гедиминъ былъ человѣкъ очень разумный и правдивый; западной Руси подъ нимъ было гораздо легче, чѣмъ восточной подъ татарами. Онъ не тѣснилъ и не обижалъ русскихъ людей и вѣрѣ православной оказывалъ всякое уваженіе. Онъ не мѣшалъ креститься и литовцамъ-язычникамъ, такъ что многіе изъ его сыновей приняли православіе и переженились на русскихъ княжнахъ. Они скоро выучились говорить по-русски, назывались русскими именами и становились мало-по-малу совсѣмъ русскими людьми. Нѣкоторые изъ нихъ переходили на службу къ Московскому великому князю, точно такъ, какъ изъ Московской Руси князья и бояре ухо-

дили въ Литву. При Гедиминовомъ сынѣ Ольгердѣ были отняты отъ восточной Руси еще многія волости, и Литва стала русѣть пуще прежняго. Въ Вильнѣ, главномъ городѣ литовскомъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ уже красовались церкви и монастыри православные; въ одной Вильнѣ ихъ было больше 30. Именитые литовскіе люди принимали крещеніе все чаще и чаще, русскій языкъ и русская грамота вошли въ большую честь. Ольгердъ и всѣ сыновья его были православной вѣры.

Такимъ образомъ почти все литовское княжество жило по-русски, и дѣло видимо шло къ тому, чтобы восточной и западной Руси сложиться когда-нибудь въ одно государство. Можетъ, это случилось бы тогда же, если бы не владѣли восточною Русью татары и если бы князья Литовскій и Московскій могли одолѣть одинъ другого. Но такъ какъ дѣло затянулось, то при Ольгердовомъ сынѣ, Ягеллѣ, случилось то, чего прежде и ждать было нельзя.

Ягелло не имѣлъ ни великаго разума, ни досужества, ни твердаго нрава своего дѣда и отца: онъ былъ лѣнивъ и любилъ потѣхи, а не дѣло. Какъ только онъ сѣлъ на великомъ княженіи, сейчасъ у него поднялись раздоры съ родней, а потомъ война съ нѣмцами, которые стали за его двоюроднаго брата Витовта. Ягеллу удалось однако примириться съ Витовтомъ и отдѣлаться отъ нѣмцевъ. Тогда, на досугѣ, онъ задумалъ дѣло, которое и по настоящее время отзывается на западной Руси.

По сосѣдству съ Литвою лежало Польское королевство. Поляки уже давно приняли христіанскую вѣру по исповѣданію римско-католическому, латинскому. Въ началѣ княженія Ягелла польскій королевскій родъ вымеръ; осталась одна молодая королевна, по имени Ядвига. Именитые польскіе паны (бояре) стали пріискивать ей жениха. Объявились два жениха изъ поляковъ, но паны ихъ не захотѣли, потому что не видѣли отъ нихъ для Польши большой выгоды. Былъ у Ядвиги и третій же-

нихъ, австрійскій герцогъ (князь) Вильгельмъ, съ которымъ она съ малолѣтства вмѣстѣ жила и выростала. Ядвига любила Вильгельма всѣмъ сердцемъ и очень желала выйти за него замужъ, но паны и его не захотѣли. Наконецъ, появился четвертый, Ягелло. Въ 1385 году онъ прислалъ въ Польшу пословъ сватать Ядвигу, обѣщалъ соединить Литву съ Польшей на вѣчныя времена, принять латинскую вѣру, крестить литовцевъ-язычниковъ и даже поворотить въ латинство православный народъ западной Руси. Польскимъ панамъ очень полюбился такой женихъ. Польша была гораздо меньше Литовскаго княжества и много терпѣла отъ нѣмцевъ; сложившись навѣки съ Литвою, она набралась бы новой силы и не боялась бы тогда сосѣдей. У Ягелла была такая же мысль: отъ нѣмцевъ не было Литвѣ житья, при Ольгердѣ они 32 года къ ряду воевали Литовскую землю, опустошили ее и избили множество народа. Такъ удачливо сошелся Ягелло въ своихъ замыслахъ съ Польшею.

Но счастливый конецъ дѣла былъ еще не близокъ. Хотѣли польскіе паны, хотѣлъ Ягелло, да не хотѣла сама королевна. Она сильно любила герцога Вильгельма, а про Ягелла слыхала, будто онъ дикъ, безобразенъ, не похожъ на человѣка и, какъ звѣрь лѣсной, весь обросъ густой шерстью. Паны и ксендзы (польскіе священники) принялись уговаривать Ядвигу, заклинали ее спасеніемъ души не упрямиться, порадѣть объ отечествѣ своемъ и о многихъ душахъ, которыя пребываютъ въ идольствѣ или ереси. Послѣ долгихъ споровъ и переговоровъ, Ядвига, скрѣпя сердце, позволила отправить къ Ягеллу пословъ. Въ это время въ гор. Краковѣ, гдѣ жила Ядвига, нежданно появился Вильгельмъ Австрійскій. Паны переполошились, не пустили его во дворецъ королевскій и стали зорко смотрѣть, чтобы онъ какъ-нибудь не свидѣлся съ Ядвигой и не порвалъ на-

чатаго съ Ягелломъ дѣла. Однако, какъ ни смотрѣли паны, а усмотрѣть не могли: Ядвига свидѣлась съ Вильгельмомъ въ одномъ монастырѣ и тайкомъ обвѣнчалась съ нимъ. Узнавъ про это, паны затѣяннаго дѣла все-таки не бросили и рѣшили, во чтобы то ни стало, настоять на своемъ. Когда молодые пріѣхали со свадьбы въ королевскій дворецъ, паны схватили Вильгельма и съ безчестіемъ выгнали вонъ. Ядвига вздумала было ѣхать вслѣдъ за нимъ, но ее удержали силой. Ядвига плакала, молила, грозила, — паны и слышать ничего не хотѣли.

Когда все это происходила, Ягелло былъ уже на пути въ Краковъ. Панамъ и ксендзамъ опять пришлось уговаривать Ядвигу, и хоть они снова настроили ее на свой ладъ, но у нея все не выходило изъ головы, что Ягелло уродъ тѣломъ и свирѣпъ нравомъ. Паны уговорили ее послать навстрѣчу Ягеллу вѣрнаго человѣка, велѣть ему разсмотрѣть Литовскаго князя и извѣдать его нравъ. Ядвига согласилась, а паны послали сказать объ этомъ Ягеллу. Ягелло принялъ посланнаго Ядвиги милостливо, привѣтливо и отпустилъ съ честью. Вернувшись домой, посланный сказалъ Ядвигѣ, что Литовскій князь статенъ и пригожъ, во всемъ тѣлѣ нѣтъ у него никакого порока, смотритъ онъ государемъ, въ обхожденіи важенъ, но кротокъ и ласковъ. Ядвига успокоилась и согласилась пойти за Ягелла.

Въ 1386 году, 12 февраля, Ягелло принялъ латинскую вѣру и обвѣнчался съ Ядвигою. Послѣ того онъ задалъ пиръ; на пиру было больше тысячи гостей. Вокругъ столовъ пѣли пѣсельники, плясали плясуны, фокусники показывали разныя штуки, а вечеромъ были танцы, конскія скачки, примѣрные бои. Радовался Ягелло, радовались польскіе паны, а больше всѣхъ латинскіе монахи; но на первыхъ же порахъ они увидѣли, чего имъ ждать впереди. Тѣ изъ братьевъ Ягелла,

которые съ нимъ пріѣхали, перемѣнили вмѣстѣ съ нимъ вѣру, перешли въ латинство; крестились и многіе родовитые литовцы-язычники. Но когда Ягелло велѣлъ принять латинство двумъ русскимъ, то они отказались наотрѣзъ, и Ягелло приказалъ отрубить имъ головы.

Въ концѣ года Ягелло съ женою поѣхалъ въ Литву; туда же отправились толпы людей разнаго придворнаго чина и латинскихъ монаховъ. За королевскимъ поѣздомъ потянулся цѣлый обозъ съ золотыми, серебряными и мѣдными образками, съ сукнами, ожерельями, головными уборами и другими вещами для подарковъ новокрещеннымъ. Стояла зима; литовскія болота замерзли и покрылись снѣгомъ; дорога лежала ровная, гладкая, и поѣздъ королевскій шибко подвигался къ Вильнѣ. Народъ отовсюду сбѣгался смотрѣть на невиданное зрѣлище, кланялся своему великому князю и радовался, что онъ вернулся на родину. Пріѣхавъ въ Вильну, Ягелло выдалъ указъ, чтобы весь народъ, и язычники и православные, принимали латинскую вѣру, а непослушнымъ грозилъ розгами. Новообращеннымъ сулились разныя новыя льготы, а отъ тѣхъ, которые не захотятъ оставить православіе, отбирались и старыя. Въ назначенный день всѣ язычники изъ окрестныхъ селеній были собраны въ Вильну. Толпами вводили ихъ въ рѣку, поливали водой, клали на нихъ знаменіе креста, давали каждой толпѣ особое крещеное имя и отпускали домой, одаривъ образками, бусами, бѣлыми сермягами, красною обувью. Бѣднякамъ-литовцамъ очень полюбились эти подарки; многіе приходили креститься по два и по три раза, чтобы добыть себѣ лишнюю сермягу или иную вещь. А тѣмъ временемъ латинскіе монахи заливали священный огонь язычниковъ, рубили священныя рощи, убивали священныхъ ужей и ящерицъ. Такъ была окрещена Литва, но только далеко не вся. Цѣлая область литовская не захотѣла креститься и го-

Къ стран. 100.

Поѣздъ Ягелла.

това была итти въ бой за свою вѣру. Православные и подавно не шли въ латинство: такъ сдѣлали и многіе братья Ягелла. Въ народѣ пошли волненія; нѣкоторыя области взбунтовались, пришлось усмирять ихъ силой. Ягелло увидѣлъ, что ему несподручно управлять Литвой издалека, изъ Польши, куда онъ опять переѣхалъ. Поэтому онъ посадилъ одного изъ своихъ братьевъ Литовскимъ великимъ княземъ и своимъ намѣстникомъ. Витовту стало завидно, онъ всталъ на Ягелла и вошелъ въ союзъ съ тевтонскими нѣмцами. Ягелло, не дождавшись худого конца, примирился съ Витовтомъ и сдѣлалъ его великимъ княземъ Литовскимъ, взялъ съ него клятву, что онъ будетъ держать Литовское княжество въ крѣпкомъ союзѣ и соединеніи съ Польшей. Какъ только узнали про это въ русскихъ областяхъ, бунты пошли пуще прежняго. Но Витовтъ и Ягелло управились съ бунтовщиками, и въ Литвѣ стали заводиться разные польскіе законы и распорядки, людямъ латинской вѣры были обѣщаны большія льготы. Впрочемъ, отъ этого не было большого худа православнымъ и всему Литовскому княжеству. Витовтъ былъ государь сильный, правилъ землею, какъ хотѣлъ, и Ягелла не слушался. Но онъ не могъ отдѣлить свое княжество отъ Польши и поставить его такъ, какъ было до Ягелла; не могли этого сдѣлать князья и послѣ него. Послѣ Витовта Литовскимъ великимъ княземъ сдѣлался Свидригелло, братъ Ягелла. Онъ тоже не поддавался своему брату, былъ православный, держалъ при себѣ православныхъ людей и полякамъ не норовилъ. У него съ братомъ часто доходило до крупной брани, Свидригелло даже разъ потрепалъ ему бороду и ходилъ на него ратью. Послѣ Свидригелла литовцы и русскіе не переставали хлопотать, чтобы Литовскому княжеству управляться какъ государству особому. Они не давали воли полякамъ; русскіе порядки, русскій языкъ, русскіе люди входили въ Литвѣ все больше и больше въ силу.

Но такъ не могло итти вѣчно. Ягелло ужъ проложилъ латинству путь въ Литву и западную Русь; Ягелло ужъ показалъ полякамъ, что Литвѣ можно и должно быть въ Польшей заодно. Много еще прошло лѣтъ, но починъ Ягелла не пропалъ даромъ.

X.

Флорентійское соединеніе.

Во время святительства митрополита св. Алексѣя былъ поставленъ въ Царьградѣ особый митрополитъ для литовской Руси. Это сдѣлалось по настоянію великаго князя Литовскаго: онъ не хотѣлъ, чтобы православная Церковь въ его земляхъ была подъ началомъ святителя, который проживалъ въ Москвѣ, властью своею крѣпилъ власть Московскаго князя и во всѣхъ дѣлахъ тянулъ на его сторону. Въ другой разъ, когда въ Царьградѣ не захотѣли исполнить просьбу Литвы, чтобы не досадить Москвѣ, Литовскій князь созвалъ западно-русскихъ архіереевъ на соборъ, и соборъ этотъ самъ поставилъ въ Кіевъ особаго митрополита, Григорія Цамблака. Въ Москвѣ былъ тогда митрополитомъ грекъ Фотій; переживъ Цамбака, онъ снова остался однимъ митрополитомъ на всю Русь, Московскую и Литовскую, потому что Литовскій князь примирился тогда съ Москвой и объ особомъ митрополитѣ для своихъ областей не старался.

При внукѣ Димитрія Донского, великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ Темномъ (слѣпомъ), встала въ Москвѣ смута, и долго не было митрополита послѣ Фотіевой смерти. Наконецъ, выбрали рязанскаго епископа Іону и послали его на поставленіе въ Царьградъ, но было уже поздно;

тамъ раньше посвятили митрополитомъ на Русь грека Исидора.

При Исидорѣ случилось въ православной Церкви важное событіе. Съ той давней поры, какъ латинская Церковь, по гордости и мірскому властолюбію папъ, отпала отъ Церкви вселенской, церковное единодержавіе римскаго первосвященника на Западѣ все укрѣплялось, и сила его росла. А греческая имперія тѣмъ временемъ слабѣла, отовсюду нападали на нее полудикіе народы, а въ послѣднее время совсѣмъ одолѣли турки. Они овладѣли исподволь почти всею имперіей и словно изъ милости оставили греческому царю одинъ Константинополь. Не получая ниоткуда помощи и видя, что гибель близится, греческій царь вошелъ въ переговоры съ римскимъ папой о соединеніи латинской Церкви съ православною. Царь разсчитывалъ, что когда несогласія между обѣими Церквами уладятся, то всѣ западныя христіанскія державы по папскому слову встанутъ на невѣрныхъ турокъ и спасутъ Греческое царство.

Въ эту пору латинская Церковь сама переживала тяжелое время. Пятьдесятъ лѣтъ въ ней стояла смута, пятьдесятъ лѣтъ католики видѣли надъ собою двухъ папъ, которые кляли другъ друга, творили разныя беззаконія и развели великій соблазнъ. Среди такой неурядицы, между государями и людьми духовнаго чина родилась мысль — устроить и успокоить Церковь соборами. И стали появляться соборы одинъ за другимъ; они принялись исправлять церковное нестроеніе, порожденное папскимъ любочестіемъ и корыстолюбіемъ, призывали къ суду папъ и сводили ихъ съ престола. Самодержавной власти папъ грозила бѣда, а потому они всѣми способами мѣшали соборамъ, боролись съ ними, и когда Византія завела рѣчь о соединеніи церквей, то папы ухватились за это съ радостью. Въ дѣлѣ этомъ они увидѣли свое спасеніе: если церкви соединятся, и папа станетъ верховнымъ владыкою

всего христіанскаго міра, тогда ему легко будетъ справиться съ тѣми, которые задумали посягнуть на его власть.

Рѣшено было, что вселенскій соборъ для соединенія Церквей откроется въ Италіи. Въ 1437 году греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ, византійскій патріархъ Іосифъ, многіе святители и міряне, послѣ многократныхъ молебствій отправились изъ Царьграда въ путь. Русскому митрополиту Исидору, передъ отъѣздомъ его въ Москву, наказапо было, чтобы онъ на Руси порадѣлъ задуманному дѣлу и пріѣхалъ бы на соборъ съ русскими архіереями и послами. Исидоръ былъ сторонникъ церковнаго соединенія и потому, пріѣхавъ въ Москву, сталъ готовиться въ путь не медля. Великому князю Василію Васильевичу не по душѣ были эти соборы; самое мѣсто собора, въ землѣ неправославной, не обѣщало русскимъ людямъ ничего хорошаго. Великій князь уговаривалъ Исидора остаться, не ѣхать, но митрополитъ не соглашался. Тогда великій князь сказалъ ему: „Отче, мы не велимъ тебѣ итти въ Латинскую землю, но ты насъ не слушаешь; такъ смотри же, приноси намъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ прародителя нашего, святого Владимира, а новаго, чужого не приноси: не примемъ“. Исидоръ поклялся крѣпко стоять въ православіи и поѣхалъ, взявъ съ собою суздальскаго архіерея Авраамія и многихъ другихъ людей.

Не отъ сердца и не по совѣсти далъ Исидоръ великому князю клятву. Когда посольство перевалило черезъ русскій рубежъ и стало подъѣзжать къ Юрьеву-Ливонскому (Дерпту), навстрѣчу Исидору вышли горожане, и нѣмцы-паписты, и православные. Исидоръ подошелъ прежде къ нѣмцамъ и приложился къ ихъ кресту, а потомъ уже къ иконамъ православныхъ. Спутники Исидоровы тутъ увидѣли, что нельзя отъ святителя ждать крѣпкаго стоянія за древнее благочестіе; на соборѣ опасеніе ихъ сбылось.

Соборъ сначала собрался въ г. Феррарѣ, а потомъ перешелъ во Флоренцію. Онъ чуть было не разстроился прежде, чѣмъ открылся. Папа Евгеній IV потребовалъ, чтобы патріархъ Цареградскій, по латинскому обычаю, поклонился ему въ землю и поцѣловалъ на ногѣ туфлю. Престарѣлый Іосифъ не согласился на такое униженіе и грозился уѣхать домой, если папѣ мало одного братскаго цѣлованія. Чтобы не порвать дѣла, папа уступилъ, но во всякихъ другихъ случаяхъ не переставалъ досаждать грекамъ своимъ высокоуміемъ и гордостью. Римскіе папы издавна уже привыкли ставить себя выше всѣхъ, не отсталъ отъ этого обычая и Евгеній, хоть ему кичиться было не ко времени. Смута въ римской Церкви продолжалась; въ городѣ Базелѣ засѣдалъ другой соборъ, который грозился свести Евгенія съ папскаго престола и предать проклятію всѣхъ, кто поѣдетъ на соборъ въ Феррару. Ни одинъ государь на Западѣ не одобрялъ созваннаго папой собора и не посылалъ туда своихъ пословъ.

Какъ бы то ни было, соборъ открылся. Споры были упорны, тянулись долго и оканчивались ничѣмъ; каждая сторона стояла за свое ученіе неотступно. Больше всѣхъ отстаивалъ древнее благочестіе митрополитъ Ефесскій Маркъ, а за соединеніе церквей больше всѣхъ ратовалъ русскій митрополитъ Исидоръ и немногіе другіе. Папа устраивалъ дѣло всѣми способами. Онъ велъ переговоры съ императоромъ и уговаривалъ его пособлять соединенію церквей тайно, помимо соборныхъ засѣданій. Такъ какъ греки, по бѣдности, жили на папскія деньги, то Евгеній заставлялъ ихъ терпѣть нужду, когда они упорствовали, и приказывалъ выдавать деньги, когда они становились сговорчивѣе. Казначей папскій разъ прямо сказалъ, чтобы Марку, митрополиту Ефесскому, ничего не давали: онъ-де ѣстъ папскій хлѣбъ, а папѣ противится.

Греческій царь помогалъ папѣ, сколько могъ; не велѣлъ Марку Ефесскому вести съ латинами спора; другому митрополиту пожаловалъ землю, которой тотъ давно добивался. Но совѣсть не давала царю покоя; въ глубинѣ души его словно боролись двѣ силы: одна тянула его къ папѣ, чтобы спасти царство; другая грозила гнѣвомъ Божіимъ и людскимъ укоромъ за измѣну вѣрѣ дѣдовъ и прадѣдовъ. То онъ говорилъ, что греки уступили латинамъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, то гнѣвался на своихъ за проволочки и упорство. Патріархъ Іосифъ сначала держался противъ латинъ, но потомъ отъ царскихъ и папскихъ настояній поколебался: былъ онъ человѣкъ шаткій, слабодушный. Пошатнулись и другіе; съ самаго начала собора было видно, что не всѣ къ дѣлу прилежны и въ вѣрѣ ревностны: встала между многими вражда, раздулась зависть, доходило дѣло до ссорныхъ рѣчей, до словъ бранныхъ. Сошлись греки на соединеніе съ латинами, а сами раздѣлились; любочестіе, корысть и мірскіе расчеты покончили остальное.

Мало-по-малу почти всѣ на соборѣ бывшіе пристали къ соединенію церквей, и 5 іюля 1439 года подписали соборное постановленіе, кто волей, а кто и неволей, уступая настоянію латинскихъ сторонниковъ и убоясь царскаго гнѣва. Не подписали только тѣ, кому не привелъ Богъ дожить до конца собора, да тѣ, которымъ удалось тайкомъ уѣхать во-свояси. Не подписалъ также и Маркъ Ефесскій; его и не просили: всѣмъ и каждому было вѣдомо, что Маркъ отъ своего слова не отступится. Между подписавшими соборную грамоту былъ и русскій архіерей, Авраамій Суздальскій; сдѣлалъ онъ это противъ совѣсти и воли, уступая Исидорову насилію, ибо за упорство былъ имъ заточенъ.

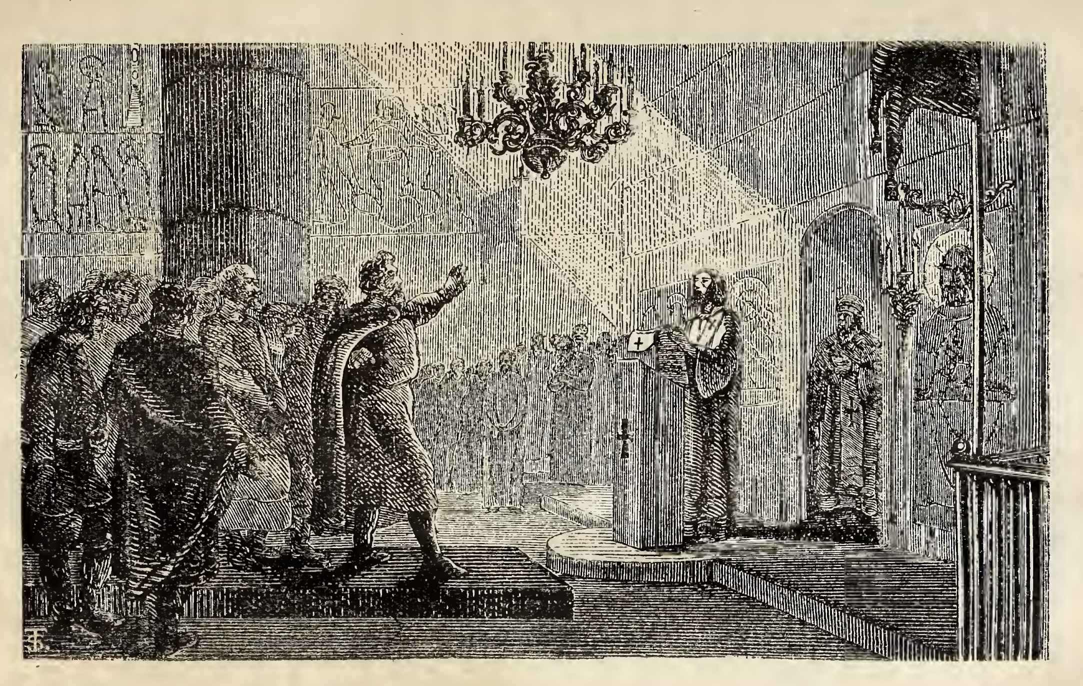
Флорентійская соборная грамота постановила, чтобы папѣ быть во всей христіанской Церкви верховнымъ властителемъ, подвела подъ его руку восточныхъ право-

славныхъ патріарховъ, вводила въ православіе все то, чѣмъ разнилось отъ него латинство; только и осталась нетронутою Божественная служба по-гречески и по-русски. Грамоту эту прочитали всенародно, на греческомъ и на латинскомъ языкѣ, и въ каѳедральномъ соборѣ флорентійскомъ отслужили обѣдню по латинскому обряду. Во время службы русскій посолъ, бояринъ, по приказанію Исидора подавалъ воду умывать папѣ руки, чтò считалось за великую честь. Упрашивалъ папа грековъ, чтобы они служили вмѣстѣ съ латинами, но не могъ уговорить ни одного, даже никто изъ православныхъ не захотѣлъ причащаться.

Въ воздаяніе за послуги папа Евгеній возвелъ Исидора и одного греческаго архіерея въ высшій духовный санъ кардинальскій и сверхъ того наименовалъ Исидора легатомъ (посланникомъ) отъ ребра апостольскаго въ Польшѣ, Литвѣ, Ливонской землѣ и на Руси.

Едва ступили греки на родную землю, вернувшись изъ Италіи, какъ многіе изъ нихъ стали каяться и скорбѣть о своемъ окаянствѣ. Православные не хотѣли входить въ общеніе съ отметниками; священники отказывались служить даже съ тѣми, которые покаялись и отстали отъ флорентійскаго соединенія. Долгое время, страха ради народнаго, не смѣли объявить соборную флорентійскую грамоту и даже не возносили имени папы при богослуженіи. Патріархи Антіохійскій, Александрійскій и Іерусалимскій соборнѣ осудили флорентійскую ересь; одинъ изъ нихъ грозилъ императору не только не поминать его въ молитвахъ, но и наложить тяжкую епитимію. Іоаннъ Палеологъ, не взирая ни на что, держался за флорентійское соединеніе, какъ за спасеніе своего царства. Упованіе его не сбылось; папѣ удалось поднять на турокъ только польскаго короля, да и тотъ кончилъ неудачей: былъ побитъ и сложилъ свою голову.

Къ стран. 109.

Василій Темный не принимаетъ флорентійскаго соединенія

Изъ Флорентійскаго собора вышли не покой и единеніе, а раздоры и рознь. Больше десяти лѣтъ раздирала смута Церковь греческую и кончилась только тогда, когда турки, взявши Византію, положили конецъ Греческому царству.

На Руси дѣло обошлось иначе. Отправившись послѣ Флорентійскаго собора домой, Исидоръ разослалъ дорогой грамоты въ земли литовскія, ливонскія и русскія о церковномъ соединеніи и весной 1441 года пріѣхалъ въ Москву съ дружеской грамотой отъ папы къ великому князю. Духовенство и народъ собрались во множествѣ въ Успенскомъ соборѣ и съ нетерпѣніемъ ожидали архипастыря. Исидоръ прибылъ въ соборъ; передъ нимъ несли латинскій крестъ. Стали отправлять Божественную службу; вмѣсто патріарховъ вселенскихъ помянули папу Евгенія. Предстоящіе дивились и недоумѣвали; но когда послѣ обѣдни архидіаконъ Исидора прочиталъ съ амвона флорентійскую соборную грамоту, всѣ пришли въ ужасъ. Великій князь въ сильномъ гнѣвѣ сказалъ: „не бывало этого ни при отцахъ, ни при дѣдахъ нашихъ“, обозвалъ Исидора латинскимъ ереснымъ прелестникомъ, волкомъ, велѣлъ свести его съ митрополичьяго престола и заточить въ монастырѣ Чудовомъ. По волѣ великокняжеской многіе архіереи, архимандриты, игумены и иноки сошлись соборнѣ, разсмотрѣли флорентійскую грамоту, разспросили Авраамія Суздальскаго, какъ очевидца, и постановили, что привезенная Исидоромъ новизна не согласна съ Божественными правилами и древними преданіями, что все это дѣло есть папскій подвохъ. Великій князь велѣлъ усовѣщевать Исидора, чтобы покаялся, отсталъ отъ папской ереси и вернулся къ древнему благочестію, но Исидоръ упорствовалъ. Все лѣто просидѣлъ онъ въ заточеніи, а на осень бѣжалъ; великій князь не велѣлъ его догонять. Исидоръ прибѣжалъ въ Тверь, но и тутъ

ему не посчастливилось: великій князь Тверской засадилъ его подъ стражу. Удалось Исидору бѣжать и отсюда: черезъ Литву и многія другія земли пробрался онъ къ папѣ въ Римъ и тамъ остался.

Великій князь созвалъ русскихъ архіереевъ и велѣлъ имъ по апостольскимъ правиламъ поставить митрополитомъ давно нареченнаго Іону Рязанскаго. Потомъ послалъ онъ грамоту въ Царьградъ; писалъ, что Іона посвященъ своими архіереями по великой нуждѣ, а не по гордости, что и прежде такъ дѣлывалось; обѣщалъ, что Церковь русская до скончанія вѣка пребудетъ въ православіи, всегда будетъ искать благословенія Церкви цареградской и во всемъ ей по древнему благочестію повиноваться. Съ той поры московскіе митрополиты поставлялись уже своими, русскими архіереями и въ Царьградъ не ѣздили. Съ этого же времени исполнилась давнишняя дума литовскихъ князей: русская митрополія раздѣлилась безповоротно, въ Москвѣ сталъ святительствовать одинъ митрополитъ, въ Кіевѣ — другой.

Флорентійская затѣя не породила въ русской православной Церкви ни раздоровъ, ни розни; все осталось такъ, какъ издревле повелось. Церковь русская не только съ латинскою не соединилась, но стала пуще прежняго блюсти свою святыню, зорче прежняго смотрѣть за папскими происками. Однако не пустымъ дѣломъ было для Руси флорентійское соединеніе, а великимъ знаменіемъ будущаго. Выказанная въ Москвѣ вѣрность древнему благочестію показала, что не можетъ Русская земля и впередъ вынести владычества латинянъ; что русскія области, которыя притянула къ себѣ иновѣрная Польша, рано или поздно отобьются отъ нея и пристанутъ къ родному корню; что какія бы невзгоды ни пришлось терпѣть Русскому государству въ будущемъ, оно вынесетъ ихъ и, придя въ возрастъ, набравшись силы, не отвернется отъ своихъ дальнихъ единовѣрцевъ, раздѣ-

ленныхъ, удрученныхъ судьбой, а станетъ пособлять имъ словомъ и дѣломъ.

Многое изъ этого уже сбылось, другое воочію совершается, остальное волею Вышняго Промысла завѣщано вѣкамъ грядущимъ.

XI.

Иванъ III Васильевичъ.

Послѣ Димитрія Донского московскіе князья продолжали собирать Русскую землю. Ханамъ они уже перестали кланяться, въ Орду ѣздили рѣдко, дань давали только временами, какую сами хотѣли, а часто не давали ничего, отговариваясь, что земля оскудѣла. Орда захирѣла, обезсилѣла; татары уже не громили попрежнему Русскую землю, не шли грозно напроломъ, а наѣзжали урывками, нежданно, по-разбойничьи. Однако Русская земля все-таки не мало терпѣла отъ нихъ зла, не давала ей покоя также и Литва, а при Василіи Темномъ вздулась въ первый и послѣдній разъ усобица между потомками Ивана Калиты. Но великому князю Московскому усердно помогали духовенство, бояре, даже татары; на его же сторонѣ былъ и народъ московскій, который не хотѣлъ неурядицы и сталъ за новый порядокъ, за переходъ княжества отъ отца къ сыну. Усобица не ослабила Москву, и когда Василій Темный умеръ въ 1462 г., то старшему его сыну, Ивану, досталась въ наслѣдіе область большая и сильная. Князья, какіе еще оставались, были ему во всемъ покорны и послушны, только Великій Новгородъ не хотѣлъ знать, что времена наступили иныя. Одинъ онъ стоялъ особнякомъ, не счи-

талъ Ивана III государемъ Новгородской земли и давалъ у себя прiютъ его недругамъ, какъ прежде принималъ всѣхъ безъ разбора.

Пока на Руси стояли усобица и вражда, пока сосѣди были мелки и безсильны, Новгороду нечего было бояться за свою вольность; но совсѣмъ другое пошло дѣло, когда Москва стала собирать восточную половину Руси, а Литва захватила западную. Новгородъ попалъ между двухъ огней; пришлось отбиваться то отъ Москвы или Твери, то отъ Литвы. Особенно доставалось Новгороду отъ Москвы. Своей силы у него на отпоръ не хватало, надо было отплачиваться деньгами и что дальше, то платить больше и больше. Иногда и до рати дѣло не доходило, а Новгородъ подписывалъ уже мирное докончанiе и платилъ деньги. Такъ больше 150 лѣтъ спасалъ Новгородъ свою вольность, но напослѣдокъ долженъ былъ поплатиться и ею.

Въ большей части Руси про вѣчевые обычаи уже и помину не было, а Новгородъ еще держался за нихъ неотступно. Но въ новгородскомъ вѣчевомъ устроенiи не прибавилось съ годами порядка. Почти во всѣхъ вѣчевыхъ смутахъ новгородскихъ тайными заводчиками и головами были бояре. На посадничество и въ иныя высокiя общественныя должности искони выбирали людей именитыхъ, богатыхъ. Почесть эта была такъ велика, что до нея добивались многiе, и между боярами кипѣла неустанная вражда. Чтобы одолѣть своихъ супротивниковъ, они задаривали народныя толпы и напускали вѣче на своихъ недруговъ. Сдѣлать это было легко, потому что въ Новгородѣ черный людъ издавна смотрѣлъ завистливо на людей переднихъ, богатыхъ и враждовалъ съ ними до послѣднихъ дней новгородской вольности. Въ голодное время бѣдные грабили богатыхъ; бывало и такъ, что злые люди ни съ того, ни съ сего подымались на посадника и на всѣ власти, сгоняли ихъ

и грабили. Отъ такихъ безпорядковъ въ Новгородѣ развелось много лихихъ людей, ябедниковъ и возмутителей, падкихъ на чужое добро. Когда въ городѣ было тихо и поживиться было негдѣ, они собирали толпу худыхъ мужиковъ, звонили на вѣче, облыгали богатыхъ людей, которыхъ народъ почему-нибудь не долюбливалъ, а потомъ и грабили. Пуще же всего любили они пожары, гдѣ нажива была легкая, и коли пожаровъ не было, то поджигали сами. Оттого въ Новгородѣ горѣло часто и выгорало много; городъ былъ деревянный, огню было гдѣ разгуляться, а лиходѣямъ гдѣ пограбить. Зная это, народъ при большихъ пожарахъ приходилъ въ остервенѣніе, хваталъ подозрительныхъ людей и безъ допроса бросалъ ихъ въ Волховъ, а чаще всего тутъ же въ огонь. Отъ такой скорой расправы нерѣдко гибли люди ничѣмъ не виноватые, и судъ выходилъ не лучше безсудья. Это худо водилось за новгородцами не на однихъ пожарахъ. Съ сердцовъ да сгоряча, по наукѣ злыхъ людей или просто по невѣжеству своему, народъ творилъ много непригожихъ дѣлъ. Такъ взбрело разъ чернымъ людямъ въ голову, будто зима долго не становилась по винѣ владыки, оттого-де, что онъ не по правдѣ въ новгородскіе архіереи попалъ, и владыку согнали съ безчестьемъ.

Новгородскимъ забубеннымъ головушкамъ часто дома казалось тѣсно, и они шли искать простора и раздолья въ другія мѣста, больше всего на Волгу. По Волгѣ они ходили въ лодкахъ — ушкуяхъ, потому и звались ушкуйниками. Въ разбойничьи походы ушкуйники хаживали по своей волѣ, безъ новгородскаго слова; пограбить и пожечь басурманъ не считалось въ то время дѣломъ зазорнымъ. Однако отъ ушкуйниковъ доставалось не однимъ басурманамъ; они нападали также на русскихъ купцовъ, грабили и жгли русскія села и даже большіе города. За это Великій Новгородъ накликалъ на себя

нелюбье всей Низовской земли; великій князь Димитрій Донской съ большимъ ополченіемъ подходилъ подъ Новгородъ и взялъ съ него большой окупъ.

А между тѣмъ власть московскихъ князей все крѣпла, земли ихъ увеличивались, сила пріумножалась. Многіе лучшіе люди новгородскіе разумѣли, что Москва доберется и до Великаго Новгорода, что рано или поздно не избыть ему бѣды; особенно поняли они это, когда Московскимъ великимъ княземъ сдѣлался Иванъ III Васильевичъ. Онъ былъ государь разумный, съ настойчивымъ, твердымъ нравомъ: задумавъ какое-нибудь дѣло, онъ до него доходилъ непремѣнно, только осторожно, не торопясь, чтобы спѣхомъ не попортить. Очертя голову онъ ничего не дѣлалъ, все выжидалъ случая, да втихомолку самъ подводилъ этотъ случай. Какъ и прежніе московскіе князья, онъ любилъ власть крѣпкую, твердую и не хотѣлъ ею поступиться ни въ какомъ дѣлѣ; больше чѣмъ отъ прежнихъ московскихъ князей, отъ него надо было ждать худа всему тому, что̀ подъ московскіе порядки не подходило, что̀ становилось поперекъ задуманнаго его дѣдами государственнаго устроенія.

Главнымъ человѣкомъ между новгородцами, которые не любили и боялись Москвы, была Марѳа, вдова посадника Борецкаго. Въ это время умеръ архіепископъ Іона, по старому обычаю надо было выбрать новаго владыку. Жребій выпалъ Ѳеофилу. По наущенію и подкупу Марѳы толпы чернаго народа зазвонили на вѣче и стали кричать, чтобы Ѳеофилъ ѣхалъ на поставленіе къ Кіевскому митрополиту, а не къ Московскому, и чтобы Новгородъ отдался подъ защиту Литвы. Люди степенные, старые и богатые не соглашались; поднялся на вѣчѣ шумъ, вѣчники взялись за каменья и застращали противниковъ Литвы такъ, что они изъ дому не смѣли показываться. Послѣ этого вѣче составило и послало договорную грамоту къ Казимиру, ко-

ролю Польскому и великому князю Литовскому. Иванъ Васильевичъ, узнавъ про все это, отправилъ въ Новгородъ пословъ, велѣлъ уговаривать новгородцевъ, чтобы держали старину и не рушили крестнаго цѣлованія. Вѣче раздѣлилось, встала смута, звонили въ колокола, кричали: „Великій Новгородъ — вольная отъ вѣки земля, самъ себѣ господинъ, а не отчина Московскаго князя! Хотимъ за короля Казимира!“

Великій князь Иванъ не разсердился и тутъ: послалъ снова уговаривать новгородцевъ, чтобы исправились и били ему челомъ, а онъ обѣщалъ ихъ жаловать и въ старинѣ держать. Послалъ увѣщаніе и митрополитъ Московскій, чтобы новгородцы не отступали отъ православія, не приставали къ латинству. Ничего не помогло. Новгородцы не думали отходить отъ православія, но стояли на своемъ. Тогда Иванъ III собралъ рать и въ іюлѣ 1471 г. вошелъ въ Новгородскую землю. Къ сторонѣ его пристали многіе новгородскіе города.

Въ Новгородѣ готовились къ отпору со смутами и раздоромъ. Одни шли на рать по охотѣ, другихъ пришлось подгонять кулаками и палками, а были и такіе, что̀ не хотѣли итти совсѣмъ; многихъ изъ нихъ народъ побросалъ въ Волховъ. Наконецъ, новгородское ополченіе отправилось и на берегу рѣки Шелони увидѣло московское войско. Москвичей было мало, но зато у нихъ былъ порядокъ: шли они на новгородцевъ, какъ одинъ человѣкъ. А въ новгородскомъ станѣ поднялся обычный раздоръ, большіе люди не ладили съ меньшими, какъ не ладили всегда на улицахъ и на вѣчѣ Великаго Новгорода. Нельзя было ждать путнаго дѣла отъ такой неурядицы. Москвичи перебрались черезъ рѣчку Шелонь, новгородцы ударили на нихъ и стали-было прогонять ихъ назадъ за рѣку, какъ въ тылу нежданно появился засадный татарскій полкъ. Новгородцы смѣшались; народъ былъ къ бою непривычный: плотники,

горшечники, гончары, кожевники, на коняхъ отъ роду не сиживали, пороху не нюхивали. Поднялась давка, сумятица, тѣснили одни другихъ; кони, взятые отъ сохи, не слушались, сбивали съ себя всадниковъ. Новгородцы побросали на землю оружіе и доспѣхи и пустились въ бѣгъ вразсыпную. Москвичи били ихъ вдогонку, татары ловили арканами, весь берегъ рѣки усѣялся новгородскими трупами; воеводы, знамена и больше полуторы тысячи простыхъ ратниковъ попали въ плѣнъ.

Великому Новгороду приходилось худо. Подмога изъ Литвы не являлась; хоть и посланъ былъ туда гонецъ, но вернулся безъ успѣха: ливонскіе нѣмцы не пропустили его въ Литву чрезъ свою землю. Въ городѣ собралось много сельскихъ жителей, стало не хватать ржаного хлѣба, начались смуты и нестроенія, бѣдные поднялись на богатыхъ, житники на пшеничниковъ. Напослѣдокъ московская сторона перемогла: владыку со священниками и выборными людьми послали бить челомъ Ивану Васильевичу, слезно молить его о мирѣ.

Великій князь смиловался, остановилъ грабежъ и убійства и отпустилъ безъ окупа новгородскій полонъ. За то Новгородъ обѣщалъ отстать отъ Литвы, не принимать къ себѣ враговъ и лиходѣевъ великаго князя, владыку посылать на поставленіе въ Москву, да вдобавокъ заплатить Ивану Васильевичу большія деньги.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Противники Москвы, защитники новгородской вольности, опять вошли въ силу. Начались ссоры, драки, грабежъ; московскіе доброхоты не могли нигдѣ найти управы и послали къ великому князю просить защиты. Великій князь пріѣхалъ, позвалъ къ себѣ на судъ и жалобщиковъ, и отвѣтчиковъ, разспросилъ ихъ, жалобщиковъ оправилъ, отвѣтчиковъ осудилъ. А тѣмъ временемъ пиръ шелъ за пиромъ; великаго князя дарили виномъ, поставами сукна, золотыми

ковшами, соболями, золотой монетой. Иванъ Васильевичъ и самъ на пиры ѣздилъ, и къ себѣ звалъ, и подарками отдаривалъ. Такъ прошло три мѣсяца, и великій князь поднялся домой.

Давно уже люди бѣдные терпѣли въ Новгородѣ большую нужду и тяготу отъ сильныхъ и богатыхъ, а подъ конецъ новгородской вольности на богачей вовсе не стало ни суда, ни управы. Поэтому съѣздилъ великій князь въ Новгородъ не спроста, а съ расчетомъ: онъ зналъ, что послѣ его суда въ Новгородѣ жалобщики будутъ пріѣзжать къ нему за судомъ въ Москву. Такъ и случилось; челобитчики, особенно изъ сторонниковъ московскихъ, стали одинъ за другимъ ѣздить въ Москву судиться. Между такими челобитчиками прибыли въ началѣ 1477 года два посла отъ Новгорода, Назаръ и Захаръ, и въ челобитной своей назвали Ивана Васильевича государемъ. Дѣло статочное, что они говорили не отъ самихъ себя, а по наукѣ сторонниковъ московскихъ. Но этого никогда еще не бывало: новгородцы всегда величали великаго князя не государемъ, а только господиномъ. Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Новгородъ пословъ и велѣлъ спросить, какого государства хотятъ отъ него новгородцы? Послы пріѣхали, стали на вѣчѣ и едва сказали, за чѣмъ присланы, какъ поднялся страшный гамъ. „Вѣче никогда и никого за этимъ дѣломъ не посылало“, кричалъ народъ: „отъ вѣка этого не бывало, чтобы мы князя называли государемъ. Это ложь!“

Назаръ и Захаръ знали, что имъ не сдобровать въ Новгородѣ, и потому остались въ Москвѣ. Вѣчники однако нашли еще другихъ виноватыхъ, притащили ихъ на вѣче и убили. Благопріятели Москвы увидѣли надъ собой бѣду и дали тягу. Прибѣжавъ въ Москву, они тамъ наговорили, что Новгородъ взбунтовался и опять хочетъ задаться за короля Казимира. Вернулись и московскіе послы съ отвѣтомъ: они сказали Ивану Васильевичу,

что новгородцы хотятъ жить по старинѣ и что никакого государства у него, великаго князя, не просили. Иванъ Васильевичъ сталъ собирать рать и въ октябрѣ двинулся изъ Москвы. Опустошивъ до тла Новгородскую землю, московское ополченіе подошло къ Новгороду и окружило его со всѣхъ сторонъ. Въ городѣ было смутно, неспокойно: одни хотѣли обороняться до послѣдняго дыханія, другіе посылали къ великому князю пословъ за миромъ. Послы ворочались домой безъ всякаго толка, время уходило, хлѣбный запасъ въ Новгородѣ весь вышелъ, начался голодъ, отъ тѣсноты и голода открылся моръ. Черный народъ поднялся на бояръ, бояре на чернь, принялись корить другъ друга въ общей бѣдѣ. Въ одномъ мѣстѣ слышались плачъ и стенанія — то люди умирали отъ голода; въ другомъ раздавались крики и ругательства, шла драка, лилась кровь, валялись размозженные трупы... Великій Новгородъ кончался, наступалъ его послѣдній часъ.

Прошло еще немного времени, и Великій Новгородъ отдался на всю волю Ивана Васильевича. А воля великокняжеская была такова: вѣчу и колоколу не быть, посаднику не быть; Новгородомъ, всѣми его городами и селами и всею землей Новгородской владѣть великому князю, какъ владѣетъ Москвою.

15 января 1478 года Новгородъ цѣловалъ крестъ великому князю. Послѣ того москвичи отправились на Ярославово дворище, сняли вѣчевой колоколъ и повезли его въ московскій станъ.

По приказу Ивана Васильевича схватили Марѳу Борецкую, забрали и еще нѣсколько человѣкъ, злыхъ недруговъ московскихъ, заковали и отправили въ Москву. Простоявъ подъ Новгородомъ еще мѣсяцъ, Иванъ Васильевичъ тронулся во-свояси. За нимъ повезли вѣчевой колоколъ и въ Москвѣ повѣсили на колокольню звонить съ другими колоколами.

Послѣдняя война была хуже прошлой: тогда стояло лѣто, люди прятались въ лѣсахъ, а теперь негдѣ было укрыться; народъ толпами умиралъ отъ голода и стужи. Новгородская земля почти совсѣмъ обезлюдѣла.

Но Великій Новгородъ не могъ сразу забыть своей старинной воли. Прошло немного времени, и въ немъ опять закопошились московскіе недруги; опять стали пересылаться съ Литвой и съ ливонскими нѣмцами. Иванъ Васильевичъ узналъ про это въ пору и усмирилъ бунтъ въ самомъ началѣ. Многихъ казнили смертью, тысячами переселяли новгородцевъ въ другіе города и села русскіе, а вмѣсто нихъ селили москвичей. На Новгородской землѣ и въ самомъ Новгородѣ зажили другіе люди, съ другимъ обычаемъ, завелись другіе распорядки, пошло все новое, не похожее на старое.

Такъ вошелъ Великій Новгородъ въ Московское государство.

Покончивъ съ Новгородомъ, Иванъ Васильевичъ рѣшился покончить и съ татарами. Еще при отцѣ его Татарское царство распалось на три отдѣльныя орды: Золотую, Крымскую и Казанскую. Иванъ III всю силу свою прилагалъ, чтобы жить съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ въ мирѣ и согласіи; угождалъ ему, назывался его братомъ, посылалъ ему богатые подарки. Добывъ такимъ способомъ сильнаго себѣ пособника, Иванъ III пересталъ чиниться съ Золотой Ордой, отказался давать ей дань и съ безчестіемъ выгналъ татарскихъ пословъ изъ Москвы. Ханъ Золотой Орды, Ахматъ, не стерпѣлъ такой обиды, вспомнилъ Батыево время и рѣшилъ привести Московскаго князя въ свою волю. Чтобы дѣло было вѣрнѣе, онъ сговорился съ Литвой напасть на Русь съ двухъ сторонъ и, поднявъ на ноги всю свою Орду, въ 1480 году пошелъ къ русскимъ рубежамъ. Свѣдавъ про это, Иванъ Васильевичъ послалъ навстрѣчу татарамъ сильныя рати, а чтобы избавиться

Къ стран. 120.

Иванъ III выгоняетъ татарскихъ пословъ.

отъ Литвы́, напустилъ на нее Менгли-Гирея съ крымцами.

Татары пошли по русскому рубежу, высматривая, гдѣ бы имъ пробраться къ Москвѣ; но на рубежѣ всюду сторожили русскіе полки, и татары шли дальше. Такъ они дошли до рѣки Угры и тутъ разбили свой станъ. На другомъ берегу стояли русскіе, перенявъ броды и перевозы. Боя никто не начиналъ: стояли, смотрѣли другъ на друга да грозились и перебранивались черезъ рѣку. Ахматъ поджидалъ Литву, а Иванъ Васильевичъ зналъ, что Литва не придетъ, что ее оттянулъ на себя Менгли-Гирей, и потому держался своего обычая — не торопился. Его брало раздумье, онъ любилъ всякое дѣло дѣлать навѣрняка, а бой съ татарами было дѣло невѣрное. Онъ боялся однимъ разомъ потерять то, надъ чѣмъ такъ долго и копотливо работали прежніе князья московскіе и онъ самъ. А тутъ стали еще его смущать нѣкоторые бояре, которые помышляли только о своемъ богатствѣ, о женахъ да о дѣтяхъ, и смертнаго боя боялись пуще всего. Великій князь, послѣ долгаго раздумья, оставилъ войско на сына и воеводъ и вернулся въ Москву; однако, сдавшись потомъ на мольбы и просьбы владыки и народа, поѣхалъ опять къ войску. На бой онъ впрочемъ не рѣшился, а отправилъ къ хану посла съ дарами, чтобы отступилъ прочь и не разорялъ земли. Пошли переговоры, но ничѣмъ путнымъ не кончились. Такъ наступила осень, потомъ настали морозы, рѣка Угра стала. Слабодушные бояре, богатые и брюхастые сребролюбцы, опять принялись смущать великаго князя; пораздумавши, онъ велѣлъ отвести рать назадъ отъ Угры. Войско этого не ожидало: на него напалъ страхъ, и оно пустилось бѣжать въ безпорядкѣ. Татарамъ открылся чистый путь, но Ахматъ боялся не меньше русскихъ; можетъ, его взяло сомнѣніе — не лукавятъ ли враги, не готовятъ ли ему засаду. Такъ Ахматъ упу-

стилъ случай и время, а потомъ стало ему уже не до боя: пошли такіе лютые морозы, что глаза рѣзало, а татары были наги и босы. Къ тому же литовская подмога не приходила, да́ и дома у Ахмата было не спокойно. Поэтому въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ тронулся въ обратный путь, а чтобы не прійти домой съ пустыми руками, пограбилъ дорогой Литовскую землю. Великій князь вернулся въ Москву съ торжествомъ, не проливъ ни одной капли крови, и съ этой поры Русская земля вышла изъ-подъ татарской неволи.

Съ Литвой Иванъ Васильевичъ также не чинился: онъ говорилъ прямо, что русскія области, которыя въ разное время Литва захватила, должны отойти къ Московскому государству, подъ руку князя Владимирова рода. Связывая слово съ дѣломъ, Иванъ Васильевичъ сумѣлъ привлечь на свою сторону мелкихъ порубежныхъ князей Черниговско-Сѣверской области: терпя притѣсненіе за православіе, они стали переходить въ подданство князя Московскаго вмѣстѣ со своими городами. Изъ-за этого завязалась между Москвой и Литвой война. Литвѣ помогали ливонскіе нѣмцы: однако и на этотъ разъ была Ивану III удача: Сѣверская область отошла къ его государству.

Много и другихъ областей промыслилъ Иванъ III: покорилъ Вятку, завоевалъ Пермь, земли Югорскую и Печерскую, завладѣлъ Тверью безъ кровопролитія, получилъ по наслѣдству часть Рязанскаго княжества. Собираніе восточной Руси приходило къ концу.

Иванъ Васильевичъ былъ женатъ два раза. Когда турки взяли Царьградъ, братъ послѣдняго греческаго императора бѣжалъ въ Италію и нашелъ прибѣжище у римскаго папы. При немъ была малолѣтняя дочь Софья; когда она выросла, папа сталъ пріискивать ей жениха и въ мысляхъ остановился на Московскомъ великомъ князѣ. Папа надѣялся, что Софья подыметъ своего мужа

на невѣрныхъ турокъ, которые грозили прійти въ Римъ, и, можетъ-статься, уговоритъ его на соединеніе православной Церкви съ латинскою. Иванъ Васильевичъ въ то время вдовѣлъ; онъ съ радостью согласился повѣнчаться съ царевной такого знаменитаго рода, разсчитывая этимъ способомъ еще больше возвеличить свою власть. Иванъ Васильевичъ, какъ и всегда, разсчиталъ вѣрно, а дума римскаго папы не сбылась. Софья не только не уговаривала своего мужа отступить отъ православія и сдаться на папскіе посулы, но и сама блюла вѣру нерушимо. Мужу своему она была во многомъ совѣтницей и пособницей. По ея совѣту Иванъ Васильевичъ оставилъ прежнюю простоту княжеской жизни, окружилъ себя величіемъ и богатствомъ, завелъ весь придворный обиходъ на царскую стать; иноземныхъ пословъ принималъ торжественно, сидя на тронѣ; велѣлъ вырѣзать на государственной печати гербъ Греческой имперіи — двуглаваго орла. Софьинъ же совѣтъ, надо думать, укрѣпилъ въ великомъ князѣ замыселъ — порвать неволю татарскую. Но пока Иванъ Васильевичъ выжидалъ удобнаго на это времени, Софья ухитрилась вывести татарскихъ пословъ изъ московскаго Кремля, гдѣ они проживали, поселила ихъ въ другомъ мѣстѣ и послѣ того въ Кремль не пускала.

Когда Иванъ III сѣлъ на государство, Москва была городъ деревянный; каменныхъ построекъ въ ней насчитывалось очень мало, да и тѣ валились, потому что въ каменной работѣ русскіе люди были неискусны. Иванъ Васильевичъ вызвалъ свѣдущихъ мастеровъ иноземныхъ, выстроилъ три собора, дворецъ, кремлевскія стѣны; глядя на него, люди богатые тоже стали строить себѣ каменныя палаты. По зову великаго князя пріѣхали изъ-за моря и другіе досужіе люди: лѣкаря, серебренники, литейщики. Радѣя о судѣ правомъ, великій князь велѣлъ составить Судебникъ — уставъ судный, гдѣ

указалъ кому и какъ судить, кому на судѣ быть; за лихія дѣла установилъ казнить виновныхъ смертью. Въ его же княженіе появилась на Руси злая ересь жидовствующихъ; жидъ Схарія занесъ ее въ Новгородъ, а потомъ перешла она и въ Москву. Еретики говорили, что Троицы Святой нѣтъ, что Іисусъ Христосъ былъ не Богъ, а человѣкъ; учили, что не надо почитать угодниковъ Божіихъ, ни иконъ святыхъ и многое другое. Ересь росла и пробиралась между священствомъ и людьми именитыми; пала въ ересь невѣстка великаго князя; въ митрополиты попалъ тайный соумышленникъ еретиковъ, Зосима. Въ домахъ, на дорогахъ, на базарѣ иноки и міряне стали съ сомнѣніемъ разсуждать о вѣрѣ. Противъ еретиковъ воздвигся преподобный Іосифъ Волоколамскій, неутомимый въ подвигахъ христіанскихъ, мужъ строгій, съ нравомъ крутымъ, неподатливымъ. Онъ писалъ противъ еретиковъ обличенія, заставилъ Зосиму сойти съ митрополіи и уговорилъ великаго князя созвать соборъ, чтобы судить еретиковъ. Соборнымъ постановленіемъ еретическихъ большаковъ казнили, а остальныхъ отослали въ заточеніе.

Умирая послѣ долгаго государствованія, Иванъ Васильевичъ оставлялъ своему наслѣднику крѣпкую власть, богатую казну и землю съ далеко раздвинутыми рубежами. Почти вся Русская земля, кромѣ областей подъ Литвою, собралась; татарская неволя, тянувшаяся безъ малаго 250 лѣтъ, кончилась безповоротно; государство послѣ долгой болѣзни встало на ноги. Но минувшія бѣды оставили по себѣ на Руси долгую память; татарщина и княжескія усобицы сдѣлали изъ русскаго человѣка не то, чѣмъ онъ былъ при Владимірѣ Святомъ и первыхъ князьяхъ. Татары грабили русскихъ людей, били и всячески поносили. Чего не успѣвали взять татары, то зачастую забирали себѣ князья. Русскій человѣкъ претерпѣлся къ обидамъ, къ насиліямъ; потерялъ

стыдъ человѣка вольнаго. Доля его была горькая, безотвѣтная: пришлось ему хитрить, лукавить; иной, не могши уберечь своего, сталъ брать чужое; развелось воровство, разбои. Въ законъ, въ правду вѣрить перестали; стали кланяться не правдѣ, а силѣ. Въ русскій прямой нравъ много прибавилось лукавства, увертливости, низкопоклонства. Мало-по-малу дошло до того, что всѣ, даже князья и именитые бояре, стали зваться холопами великаго князя; вмѣсто Ѳедоръ, Василій, въ челобитныхъ, по холопскому униженію, стали писаться: „Ѳедька", „Васька". Такой перемѣнѣ много помогла Софья, которая привыкла къ греческимъ рабскимъ обычаямъ. Въ прежнее время русскій свободный человѣкъ зналъ побои развѣ только въ дракѣ и никакихъ тѣлесныхъ наказаній не вѣдалъ. Подъ татарщиной перемѣнилось и это: за первое воровство стали клеймить, за вины важныя сѣчь кнутомъ, съ должниковъ править долги палками; появились разныя мучительныя пытки и смертная казнь. Правды отъ этого, разумѣется, не прибавилось. Судъ сталъ хуже прежняго; великокняжескіе намѣстники и судьи рѣшали дѣла не по правдѣ, а по мздѣ; брали взятки безъ стыда, ибо и сами боялись не стыда, а палки.

Татарщина забралась даже въ домашнюю жизнь русскихъ людей. У татаръ, какъ у всѣхъ народовъ магометанской вѣры, женщины жили взаперти, особнякомъ, и чужимъ мужчинамъ не показывались съ открытымъ лицомъ. Этотъ дикій обычай перешелъ и въ Русь. Знатные и богатые люди стали запирать своихъ женъ въ терема, не показывали ихъ не только чужимъ, но иногда и близкой роднѣ. Родители выдавали замужъ или женили своихъ дѣтей, не спросясь ихъ самихъ; женихъ и невѣста видѣлись первый разъ на сговорѣ, когда дѣло ужъ было слажено, а не то и подъ вѣнцомъ. Оттого зачастую въ семьяхъ не было ладу, совѣта и любви, оттого на Руси до сей поры поется много пѣсенъ о

немиломъ и постыломъ мужѣ и женѣ. Одна пѣсня начинается такъ:

> Въ воскресеньице матушка замужъ отдала,
> Къ понедѣльничку горе привязалося.

Въ другой пѣснѣ поется:

> А немилый мужъ все журитъ-бранитъ,
> Все журитъ-бранитъ, постричься велитъ:
> „Постригися, моя жена немилая,
> „Постригися, моя жена постылая.
> „За постриженье тебѣ дамъ сто рублей,
> „За посхименье дамъ тебѣ тысячу;
> „Я построю тебѣ новую келейку,
> „Обобью ее чернымъ бархатомъ.
> „Ты въ ней будешь жить да спасатися,
> „Что спасатися — Богу молитися“.

Неволя — худая школа: хорошему не выучитъ, добромъ не вспомянется. И до сей поры въ нашемъ житьѣ-бытьѣ, въ нашемъ правѣ и обычаѣ вымерло не все зло отъ времени татарскаго. Было бы еще хуже, если бы не выручила добрая русская натура да святая вѣра Христова.

XII.

Великій московскій пожаръ.

Ханъ Золотой Орды Ахматъ, послѣ бѣгства съ Угры, былъ убитъ однимъ изъ своихъ недруговъ; Золотая Орда обезсилѣла совсѣмъ и скоро разсыпалась. Но еще оставались двѣ другія орды: Казанская и Крымская; долго онѣ не давали Русской землѣ покоя, особенно Крымъ. Иванъ Васильевичъ ладилъ съ Крымской Ордой, но послѣ него шло иначе. Крымцы стали давать клятву и Москвѣ и Литвѣ, брали деньги и съ той и другой, зато грабили также и ту и другую. Иные набѣги были такъ злы, что оставляли по себѣ долгую память. Такъ при Василіи III, сынѣ Ивана III, крымцы дошли до самой Москвы, страшно пограбили окрестности московскія и увели съ собой не одну сотню тысячъ людей полону.

Этотъ князь окончилъ собраніе восточной и сѣверной Руси и оставилъ по себѣ государство крѣпкое, неразрозненное. Старшему сыну Василія, Ивану, было всего три года отъ роду, когда умеръ его отецъ. Государствомъ стала править великая княгиня Елена, но чрезъ пять лѣтъ умерла. Великій князь былъ еще малъ, не могъ промыслить ни о себѣ самомъ, ни о землѣ Русской; поэтому принялись править бояре. Между ними встала смута, пошли раздоры и подвохи; бояре ссорились и враждовали,

и подкапывались другъ подъ друга за первое мѣсто, за власть. Верхъ надъ всѣми взяли князья Шуйскіе; однихъ изъ своихъ сопротивниковъ казнили, другихъ заковали и засадили въ тюрьму. Великаго князя они не ставили ни въ грошъ, народъ тѣснили и угнетали. Потомъ Шуйскихъ пересилилъ Бѣльскій, правилъ землею милостиво, оберегалъ народъ отъ неправды, только удержался не долго: Шуйскіе опять осилили. Ночью схватили они Бѣльскаго; въ келью митрополита, который Бѣльскому дружилъ, стали швырять каменьями. Митрополитъ съ перепуга бросился въ хоромы великаго князя, бояре кинулись за нимъ, съ шумомъ и ругательствами ворвались въ опочивальню государеву, куда спрятался владыка; великій князь отъ шума проснулся и страшно перепугался. Митрополитъ, видя, что и тутъ ему не безопасно, ушелъ на подворье; бояре прислали сюда людей новгородскихъ; тѣ принялись обзывать его непристойными словами, грозились и чуть-было не убили. Въ Москвѣ поднялась тревога; никто не зналъ, чтò за дѣло затѣяли бояре въ ночное время, но смутно понимали, что дѣло не доброе. Самъ великій князь дрожалъ и плакалъ отъ страха, а такой перепугъ въ ребячьихъ лѣтахъ рѣдко забывается и въ возрастѣ.

Захвативъ первыя мѣста при государѣ, Шуйскіе казнили Бѣльскаго, митрополита сослали въ монастырь, выбрали вмѣсто него другого и стали зорко смотрѣть, чтобы помимо ихъ никто не втерся къ великому князю въ милость. Замѣтивши этотъ замыселъ за Воронцовымъ, Шуйскіе и ихъ благопріятели схватили Воронцова въ столовой избѣ государя, на совѣтѣ, били его по щекамъ, оборвали платье и съ позоромъ вытолкали вонъ. Великій князь послалъ митрополита упрашивать Шуйскихъ, чтобы помиловали Воронцова, и коли не можно оставить его въ Москвѣ, то пусть бы сослали его, только недалеко. Но бояре не уважили просьбу государеву: шумѣли,

кричали точно пьяные, наступили митрополиту на мантію и оборвали ее, а Воронцова отправили въ дальнюю ссылку.

Ивану Васильевичу было тогда 13 лѣтъ отъ роду. Много безчинствъ и насилій боярскихъ видѣлъ ужъ онъ на своемъ короткомъ вѣку, однако терпѣлъ. Но воронцовское дѣло легло у него на сердцѣ тяжелѣе всего прочаго, терпѣніе его лопнуло, а можетъ и недруги Шуйскихъ тутъ помогли. Три мѣсяца собирался онъ, не говоря ни слова, и вдругъ поднялся на самаго большого боярина, Андрея Шуйскаго, велѣлъ его схватить и отдалъ псарямъ; псари поволокли его къ тюрьмамъ и на дорогѣ забили до смерти.

Гнѣвъ великаго князя упалъ на строптивыхъ бояръ нежданно-негаданно; они стихли, присмирѣли и съ той поры начали имѣть къ государю страхъ и послушаніе. А Иванъ Васильевичъ принялся разсчитываться съ ними за долгую неволю: на однихъ клалъ опалу, т.-е. немилость, другимъ вырѣзывалъ языкъ, третьихъ казнилъ смертію. Доставалось тутъ не однимъ крамольникамъ,— гибли тоже люди невиноватые, даже малолѣтки.

Такъ кончилось правленіе бояръ. Они мало радѣли о дѣлахъ государскихъ и земскихъ, а больше о своемъ родѣ да корысти; на большія мѣста сажали людей не по уму, а по родству; служня ихъ тѣснила и обижала народъ безъ совѣсти. Но самымъ большимъ худомъ было то, что насилія и своевольства боярскія совсѣмъ испортили молодого государя. Иванъ Васильевичъ былъ разума большого, но нравъ имѣлъ горячій, крутой, неровный; отъ радости къ гнѣву переходилъ скоро и веселье и кручину принималъ къ сердцу близко. За такимъ ребенкомъ надо было смотрѣть зорко, чтобы учился добру, не видалъ худа и не перенималъ бы его на свою и на людскую пагубу. Такъ и было бы, если бы не умеръ рано его отецъ. Жилъ бы тогда ребенокъ, до

поры до времени, между няньками и пѣстунами, подъ родительскимъ глазомъ; не видалъ и не слыхалъ бы ничего, что̀ къ ребячьему возрасту не подходитъ. Надежные люди укрѣпили бы его нравъ и наладили бы въ немъ обычай человѣческій. Не то выпало на долю Ивана Васильевича. Дѣла государственныя шли у него на виду, все творилось его именемъ. Когда принимали иноземныхъ пословъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, онъ стоялъ на первомъ мѣстѣ, всѣ ему кланялись, оказывали всякую почесть и смиреніе и послушаніе. Между тѣмъ, въ дѣлахъ государственныхъ совѣта его не спрашивали, бояре государились сами, какъ хотѣли, приказовъ его не исполняли, просьбъ не слушали. Мало того, они нисколько не чинились передъ нимъ: врывались въ ночное время въ его покои, отнимали у него людей ему дорогихъ, били ихъ, ссылали, казнили. Иванъ Васильевичъ зналъ, что онъ государь, что въ его рукахъ должна быть вся власть и вся сила, а между тѣмъ не могъ защитить близкихъ людей отъ безчестія, себя самого отъ докуки. Досада, гнѣвъ, злоба все чаще и больше стали мучить его сердце. Въ голову его запала мысль — добравшись до государства, власть свою поставить такъ высоко и такъ грозно, чтобы не могло пошевельнуться непокорное боярство.

Нравъ Ивана Васильевича портили еще другимъ способомъ. Бояре, недруги Шуйскихъ, подлаживались къ его дурнымъ причудамъ, и что̀ онъ дѣлалъ худого, то похваляли, лишь бы добыть себѣ въ немъ впереди милостивца. Когда государь подросъ, былъ лѣтъ 12-ти, близкіе бояре, да и сами правители, стали давать ему еще больше поблажки, только бы не мѣшать имъ править государствомъ. Иванъ Васильевичъ спихивалъ собакъ и кошекъ съ высокаго терема наземь, съ ватагою буяновъ и головорѣзовъ рыскалъ по улицамъ и площадямъ, билъ и грабилъ встрѣчныхъ людей, топталъ ихъ конями. Бояре не только

не мѣшали такой злой потѣхѣ, а еще похваливали его и натравляли на новыя безчинства, говоря: „храбрый будетъ этотъ государь“. Не размыслили бояре, что готовятъ сами себѣ неминучую бѣду на долгіе годы.

Ивану Васильевичу исполнилось 16 лѣтъ. Онъ задумалъ жениться, принять царскій титулъ и всенародно вѣнчаться на царство. По старому обычаю собрали въ Москву множество дѣвицъ на смотрины; Иванъ Васильевичъ выбралъ Анастасію, дочь умершаго боярина Захарьина-Кошкина. Свадьбу положено было сыграть, когда великій князь надѣнетъ на себя царскій вѣнецъ. До того времени государи московскіе назывались великими князьями и садились на престолъ безъ вѣнчанія. Но Ивану IV Васильевичу было этого мало. Наслушавшись о бывшихъ греческихъ царяхъ, о большой ихъ власти и волѣ на государствѣ, онъ захотѣлъ сдѣлаться такимъ же, какъ были они. Вѣнчаніе происходило въ 1547 году съ большимъ торжествомъ; послѣ ектеніи провозгласили Ивану Васильевичу многая лѣта, и митрополитъ поздравилъ его, назвавши православнымъ царемъ, всея Россіи самодержцемъ. Скоро послѣ вѣнчанія была и царская свадьба. Митрополитъ говорилъ молодымъ поученіе, чтобы любили судъ и правду, защищали сиротъ, помогали убогимъ, а пуще всего не давали бы вѣры навѣтамъ злыхъ людей да жаловали и берегли бояръ по ихъ отечеству.

Однако, ни отъ принятія государемъ царскаго титула ни отъ женитьбы дѣла не пошли лучше прежняго. Шуйскіе, правда, присмирѣли, но зато вошли въ силу Глинскіе; опять поднялась между боярами разладица, вздулась вражда, и народъ хуже прежняго терпѣлъ отъ бояръ и ихъ слугъ. Въ это время въ Москвѣ начались пожары. Въ первый разъ загорѣлось 12 апрѣля, потомъ 20 апрѣля; оба раза сгорѣло много, но этимъ не кончилось. Въ іюлѣ, 3 числа, случилось дурное знаменіе: во время вечерняго благовѣста колоколъ-благовѣстникъ сорвался и упалъ

съ колокольни. Въ народѣ говорили недобрыя рѣчи, всѣ ждали какого-то худа. Такъ прошло нѣсколько дней. Іюля 20-го юродивый Василій Блаженный остановился передъ церковью Воздвиженскаго монастыря и, глядя на нее, горько заплакалъ. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по городу, стали ждать близкой бѣды. Случилось такъ, что бѣда въ самомъ дѣлѣ нагрянула. На другой день, съ утра, поднялась сильная буря; отъ молніи или отъ чего другого загорѣлась церковь Воздвиженья. Огонь пошелъ гулять по ближнимъ деревяннымъ постройкамъ и въ короткое время спалилъ всю часть города, вплоть до Москвы-рѣки. Буря выла страшно, вырывала деревья, сносила кровли, валила строенія, словно огромнымъ горномъ вздувала огонь и разбрасывала его во всѣ стороны. Вѣтеръ повернулъ на Кремль, пламя перекинулось на Успенскій соборъ, потомъ на царскія палаты; запылали церкви, монастыри, царскія хоромы, службы, погреба и великое множество домовъ и избъ боярскихъ, купеческихъ и простого народа. Никто не спасалъ своего добра, каждый думалъ только, какъ бы унести душу. Нигдѣ не было безопаснаго мѣста; пламя кидалось въ разныя стороны и слизывало все, что̀ могло горѣть; забиралось въ погреба, гдѣ держали порохъ, взрывало ихъ съ страшнымъ громомъ. Желѣзо текло огненными струями, камни трескались и разваливались. Весь оружейный снарядъ царскій, вся казна, все прародительское, вѣками скопленное, добро погорѣло до тла. Только въ Успенскомъ соборѣ какимъ-то чудомъ уцѣлѣли иконостасъ и утварь церковная. Во всѣхъ прочихъ церквахъ, захваченныхъ огнемъ, сгорѣло все, въ томъ числѣ и людское добро, которое по старинному обычаю люди зажиточные сохраняли въ подвалахъ храмовъ Божіихъ. Такъ безъ слѣда сгинули многія старинныя иконы и священныя книги, мощи угодниковъ Божіихъ, груды золота, серебра, жемчуга и камней многоцѣнныхъ, разныя узорочья, доро-

гія одежды и иныя вещи, сохранившіяся отъ древнихъ лѣтъ.

Бывали въ Москвѣ пожары частые и большіе, но такого не бывало еще ни разу. Тысячи людей потеряли все свое добро, до послѣдней копейки, и остались подъ чистымъ небомъ безъ крова, безъ куска хлѣба. Болѣе 1700 человѣкъ сгорѣло, самъ митрополитъ едва спасся: въ началѣ пожара онъ молился въ Успенскомъ соборѣ, но чутъ не задохся отъ дыма и нестерпимаго жара и съ трудомъ добрался до тайника на Москвѣ-рѣкѣ. Тутъ его на веревкѣ стали спускать къ рѣкѣ: веревка оборвалась, владыка упалъ и сильно расшибся, такъ что его увезли безъ памяти.

Царь съ царицей, братомъ и многими боярами, съ пожара уѣхали на Воробьевы горы. На другой день онъ отправился провѣдать больного митрополита. Тутъ дошла до него людская молва, будто Москва сгорѣла отъ злого волшебства. А въ волшебство въ то время вѣрили почти всѣ. Царь велѣлъ разыскать дѣло. Бояре поѣхали въ Кремль, на площадь къ Успенскому собору, собрали черный народъ и стали спрашивать, кто поджигалъ Москву. Въ народѣ отвѣчали, что пожаръ напустили на Москву князья Глинскіе; что княгиня Анна Глинская, съ дѣтьми и своими людьми, вынимала человѣческія сердца и клала ихъ въ воду, а тою водою, ѣздя по Москвѣ, кропила, оттого и пожаръ пошелъ. Неизвѣстно, откуда зародился этотъ слухъ, но народъ повѣрилъ ему, потому что отъ челяди Глинскихъ терпѣлъ большое насильство и за это на Глинскихъ злобился. Между боярами, которые разспрашивали народъ, стоялъ и одинъ изъ князей Глинскихъ; услыхавъ про своихъ такія рѣчи, онъ почуялъ недоброе и ушелъ въ Успенскій соборъ. Бояре тоже не любили Глинскихъ за то, что тѣ были у царя въ большой силѣ, а потому натравили на князя народъ. Толпа съ ревомъ бросилась

въ соборъ и убила Глинскаго, выволокла его трупъ на площадь, потащила по улицамъ и бросила на торгу, гдѣ казнили преступниковъ. Съ торга толпа кинулась на хоромы Глинскихъ, растаскала все ихъ добро, перебила служню, сгубила и многихъ чужихъ, принявъ ихъ за челядь княжескую. Прошло послѣ того два дня: заводчиковъ убійства не разыскивали и не хватали. Это придало народу смѣлости: толпы повалили на Воробьевы горы, къ царскому двору, и съ громкими криками стали требовать, чтобы царь выдалъ Глинскихъ. Царь велѣлъ хватать и казнить самыхъ бойкихъ крикуновъ; на остальныхъ напалъ страхъ, и они разбѣжались.

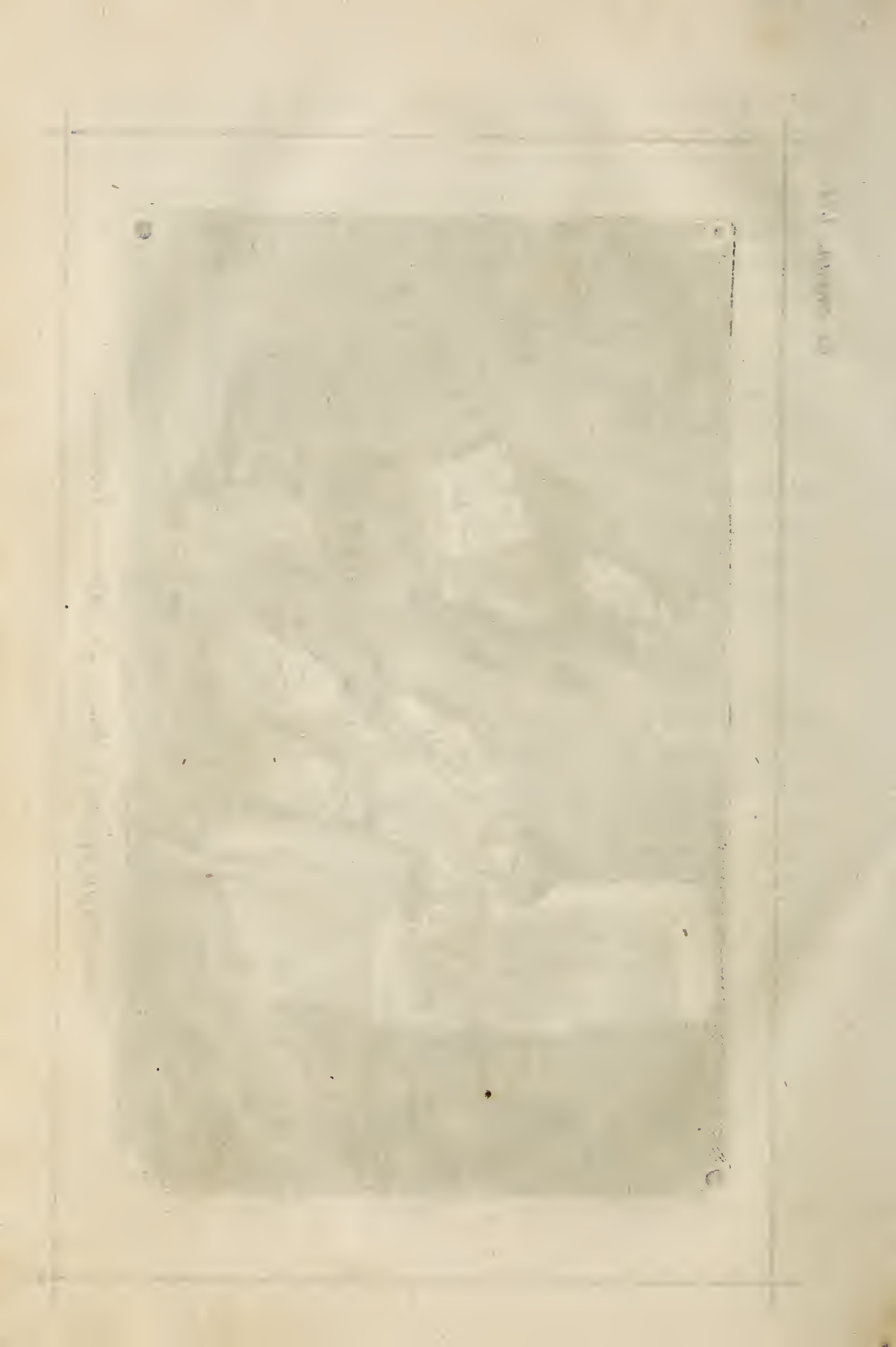
Великій московскій пожаръ не прошелъ для Ивана Васильевича безъ слѣда. Когда съ Воробьевыхъ горъ онъ смотрѣлъ на Москву и видѣлъ, какъ огонь пожиралъ церкви Божіи, палаты царскія и все достояніе его предковъ, страхъ вошелъ къ нему въ душу и трепетъ въ кости. Онъ припомнилъ все зло, которое дѣлалъ людямъ безвиннымъ, припомнилъ, какъ угнеталъ бѣдный народъ всякимъ насиліемъ, и пожаръ московскій принялъ за великую, но праведную казнь, посланную на него гнѣвомъ Божіимъ. Въ это время явился къ нему одинъ священникъ, именемъ Сильвестръ, и сталъ говорить ему словами священнаго писанія, строго заклиная его страшнымъ именемъ Божіимъ. Какъ отецъ грозитъ дѣтямъ, чтобы удержать ихъ отъ злыхъ забавъ, такъ Сильвестръ грозилъ Ивану Васильевичу, чтобы усмирить его неистовый нравъ. Иванъ Васильевичъ слушалъ суровую рѣчь съ трепетомъ и боязнію. Сердце его, уже открытое на добро, смягчилось, гордый разумъ смирился, и въ мысляхъ своихъ царь крѣпко положилъ: держать впередъ государство праведно и милостиво.

Съ той поры Сильвестръ сдѣлался первымъ совѣтникомъ царя. Онъ былъ человѣкъ твердый, суровый, съ холоднымъ разумомъ: всякій обрядъ и обычай исполнялъ

Къ стран. 134.

Сильвестръ грозитъ Ивану IV гнѣвомъ Божіимъ.

строго, благочиніе и порядокъ соблюдалъ во всемъ, даже въ самомъ маломъ дѣлѣ. Разумѣя, что чѣмъ больше будетъ у него благопріятелей, тѣмъ крѣпче будетъ его сила при царѣ, Сильвестръ старался всѣмъ оказывать добро и ласку и никогда не заводилъ смутъ или козней. Кромѣ его государь сталъ также оказывать особенную милость своему спальнику, Адашеву. Адашевъ былъ рода незнатнаго, нравъ имѣлъ мягкій, ласковый; въ дѣлахъ былъ свѣдущъ, ловокъ и изворотливъ, къ людямъ всякаго чина и званія милостивъ и доброхотенъ.

Взявши себѣ такихъ совѣтниковъ, Иванъ Васильевичъ, волей-неволей, долженъ былъ оставить бояръ въ покоѣ, не класть на нихъ гнѣвъ свой за старые грѣхи. Но чтобы оправить себя предъ народомъ въ прежнихъ неправдахъ, онъ замыслилъ созвать земскій соборъ, т.-е. выборныхъ людей изъ всѣхъ городовъ Русской земли. Когда выборные съѣхались въ Москву, царь въ воскресный день вышелъ съ крестами на Лобное мѣсто, слушалъ молебенъ и потомъ повелъ къ митрополиту рѣчь. Царь просилъ владыку быть его помощникомъ, вспомянулъ про свои дѣтскіе годы, про безчиніе и насилія бояръ и сложилъ съ себя на нихъ всякій отвѣтъ за столько пролитыхъ слезъ и невинной крови христіанской. Послѣ этого царь поклонился на всѣ стороны и сталъ говорить выборнымъ. Онъ сказалъ имъ, что ужъ нельзя исправить всѣхъ обидъ, разореній и налоговъ, которые народились во время его безпомощной юности отъ неправдъ бояръ и властей, отъ безсудства, лихоимства и сребролюбія. Онъ просилъ народъ простить другъ друга во враждахъ и тягостяхъ, кромѣ развѣ большихъ дѣлъ; въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ царь самъ обѣщалъ быть всѣмъ судьей и обороной. Съ радостью и веселіемъ слушали выборные всенародную исповѣдь царя и, съ благодарною молитвой къ Господу, поѣхали домой передавать землякамъ добрыя вѣсти.

Царь Иванъ IV промолвилъ на земскомъ соборѣ не пустое слово: онъ въ самомъ дѣлѣ принялся, вмѣстѣ съ Сильвестромъ и Адашевымъ, вводить порядокъ въ своемъ государствѣ. Сильвестръ и Адашевъ, собравъ вокругъ него своихъ доброхотовъ и благопріятелей, повели дѣло такъ, что Иванъ Васильевичъ слушалъ ихъ почти во всемъ. Люди, которыхъ они поставили вокругъ него, были разумны, храбры и добры, искусны въ дѣлѣ ратномъ, свѣдущи въ дѣлѣ земскомъ. Такихъ людей, умѣлыхъ, на дѣло годныхъ, Сильвестръ и Адашевъ надѣлили помѣстьями и дарами, чтобы къ службѣ пріохотить и за службу наградить, а дармоѣдовъ, блюдолизовъ, скомороховъ гнали прочь, на глаза къ царю не пускали. При Сильвестрѣ и Адашевѣ царь велѣлъ собрать всѣ законы и написать ихъ въ порядкѣ, въ одной книгѣ, и назвалъ ее Судебникомъ. Такая книга была составлена еще при великомъ князѣ Иванѣ III, но въ ней не хватало законовъ противъ лихоимства и неправды судей и воеводъ; въ Судебникѣ же царя Ивана IV за такія вины назначены строгія наказанія. Въ Судебникѣ этомъ царь также постановилъ, чтобы во всѣхъ волостяхъ народъ самъ избиралъ себѣ старостъ и цѣловальниковъ (докладчиковъ на судѣ), и чтобы царскіе намѣстники и судьи никого не судили безъ тѣхъ старостъ и цѣловальниковъ. Послѣ того государь созвалъ соборъ изъ людей разнаго духовнаго чина и велѣлъ ему устроить благочиніе церковное и строгій порядокъ монастырскаго житія. Все, что̀ постановилъ этотъ соборъ, было объявлено подъ именемъ Стоглава, ибо состояло изъ ста разныхъ статей, или главъ. Будучи самъ разуменъ и, по тогдашнему времени, очень свѣдущъ, Иванъ Васильевичъ захотѣлъ также поискать иноземной науки. Для этого онъ пытался вызвать изъ-за моря лѣкарей, толмачей, рудокоповъ, каменщиковъ и иныхъ людей, свѣдущихъ въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ. Попытка

эта не удалась: ливонскіе нѣмцы помѣшали; но она не пропала безъ слѣда: начиная съ того времени, иноземцы чаще прежняго стали ѣздить въ Россію.

Въ такихъ благихъ дѣлахъ прошло 13 лѣтъ послѣ великаго пожара московскаго.

XIII.

Взятіе Казани.

Высвободившись изъ-подъ неволи татарской, московская Русь все еще не избавилась отъ татарскаго зла и долгое время терпѣла отъ крымцевъ и казанцевъ. Крымъ былъ силенъ, лежалъ далеко отъ русскаго рубежа, а потому воевать его было трудно. Надо было усмирить другого врага, Казань, сосѣда близкаго и несильнаго, но назойливаго и безотвязнаго. Русскіе не разъ ходили ратью подъ этотъ городъ; царь Иванъ IV Васильевичъ, придя въ возрастъ, воевалъ Казанскую землю два раза, но изъ-за ненастья и бездорожья была ему неудача. Возвращаясь изъ второго похода, онъ однако выбралъ на Казанской землѣ мѣсто и велѣлъ выстроить тутъ городъ Свіяжскъ.

Тогда Казань жила съ Крымомъ въ любви и согласіи; крымскіе доброхоты въ ней были сильны. Но какъ только Иванъ Васильевичъ забралъ изрядный кусокъ Казанской земли и выстроилъ на немъ русскій городъ, казанцы начали разниться съ крымцами и стали пересылаться съ Москвой. Иванъ Васильевичъ далъ Казани царя Шигъ-Алея, казанскаго царевича, который до того жилъ въ Русской землѣ, и взялъ съ него клятву — отпустить изъ

Казани русскій полонъ, забранный въ разное время татарами. Казанцы освободили и отпустили только 60 тысячъ русскаго народа, остальныхъ скрывали и отдавать не хотѣли. Новый царь Шигъ-Алей хотя и дружилъ Ивану Васильевичу, да не могъ этому дѣлу помочь, боясь народнаго бунта. Скоро Шигъ-Алея въ Казани не возлюбили за его суровый обычай, за многія казни и за то, что не выпросилъ у русскаго царя земли, забранной подъ Свіяжскъ. Татарскіе князья отправили въ Москву пословъ, бить государю челомъ, чтобы свелъ царя Шигъ-Алея, взялъ бы Казань подъ свою высокую руку и прислалъ бы изъ Москвы намѣстника. Иванъ Васильевичъ согласился: свелъ Шигъ-Алея и отправилъ въ Казань воеводу. Но казанцы лукавили, выгадывали время и воеводу въ городъ не пускали. Видя, что добромъ съ ними ничего не сдѣлать, Иванъ Васильевичъ сталъ собираться въ походъ.

Въ іюнѣ 1552 года государь простился съ женою, наказалъ ей молиться, подавать бѣднымъ милостыню, прощать опальныхъ; потомъ помолился въ Успенскомъ соборѣ, принялъ благословеніе отъ митрополита и съ раскаяніемъ вспоминалъ про свои прежніе грѣхи.

Послѣ долгаго похода русская рать благополучно прибыла къ Казани. Про этотъ походъ такъ поется въ пѣснѣ:

Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
Какъ бы сизый орлище встрепенулся,
Какъ бы грозная туча подымалась,
На Казанское царство наплывала.
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь Московскій,
А Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
Съ тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками,

Полтораста тысячъ русскаго войска обложили Казань; въ городѣ, за деревянными стѣнами, засѣло 30 тысячъ

отборныхъ татарскихъ ратниковъ вмѣстѣ съ царемъ, котораго казанцы себѣ выбрали. Иванъ Васильевичъ велѣлъ припасать стѣнобитные приступы и плести туры, т.-е. коробья, за которыми, насыпавши ихъ землей, хоронились стрѣльцы отъ вражьихъ стрѣлъ и огненнаго боя и ставились пушки. Работа шла скоро; вокругъ всей Казани наставили туры и нагородили тынъ, такъ что ни изъ города ни въ городъ не было входа. Покончивъ это дѣло, царь призвалъ къ себѣ нѣмецкаго мастера, искуснаго въ покоренiи городовъ, и велѣлъ ему подвести подъ Казань подкопъ. Пока нѣмецъ работалъ, царь принялся развѣдывать — откуда казанцы берутъ воду; рѣка Казанка давно ужъ была отъ нихъ отнята. Къ этому времени въ русскомъ станѣ набралось не мало русскихъ плѣнныхъ, которымъ удалось убѣжать изъ Казани; они сказали царю, что на берегу рѣки Казанки есть тайникъ, ключъ, а ходятъ къ нему изъ города подземельемъ. Царь велѣлъ ученикамъ нѣмецкаго мастера подкапываться подъ тайникъ. Стали рыть подземный ходъ: рыли 10 сутокъ, день и ночь; напослѣдокъ услышали надъ собою голоса: то казанцы шли за водой. Сказали царю; онъ велѣлъ вкатить подъ тайникъ 11 бочекъ пороху и взорвать. Подкопъ взлетѣлъ съ громомъ, разметалъ по воздуху камни и бревна и обвалилъ по сосѣдству городскую стѣну. Русскiе удальцы кинулись въ городъ, многихъ татаръ перебили, другихъ забрали въ полонъ и вернулись по-здорову. Въ пѣснѣ про взрывъ поется:

Какъ онъ, грозенъ царь, подъ Казань подступилъ,
Подъ рѣчку подъ Казанку подкопъ подводилъ,
Подъ другую сторону — подъ Сулай-рѣку
Сорокъ бочекъ закатилъ со лютымъ зельемъ,
Со лютымъ зельемъ, со порохомъ,
Зажигали мы на бочкахъ свѣчи воску яраго,
Зажжемши свѣчи, сами прочь отошли.
А злые татарченки по стѣночкѣ похаживаютъ,
Нашего Царя Бѣлаго, Ивана Васильевича, подражниваютъ:

„Ты не городъ пришелъ брать, пришелъ тылъ казать!“
На то грозный царь Иванъ Васильевичъ осердился:
„Подавай мнѣ пушкаревъ казнить-вѣшати!“
Какъ и выбрался изъ нихъ молодой пушкарь:
„Не изволь, государь, насъ вѣшать, казнить,
„Дай ты намъ, государь, рѣчи говорить:
„Наружи-то свѣчи онѣ скоро горятъ,
„Въ подземельи не скоро горятъ“.
Не успѣлъ слова сказать — стало бочки рвать,
Стало бочки рвать — землю на-розно метать,
Какъ стѣны бросило за Сулай-рѣку,
И побило всѣхъ татаръ каменничкомъ.

Послѣ взрыва тайника казанцы стали брать воду, по нуждѣ, изъ малаго смраднаго потока; вода эта была порченая, гнилая; отъ нея люди пухли и умирали.

Между тѣмъ осадныя работы шли своимъ чередомъ. Противъ однихъ воротъ русскіе поставили деревянную башню въ 6 саженъ вышиной и насажали туда стрѣльцовъ. Стрѣльцы палили съ башни въ городъ и побивали много народа. Казанцы укрывались въ ямахъ, копали рвы подъ воротами, рыли норы подъ тарасами, которыя у нихъ были насыпаны передъ каждыми воротами, за рвомъ. Выползая изъ норъ какъ змѣи, они бились съ русскими день и ночь. Царь велѣлъ подкопаться подъ тарасы и взорвать ихъ. Тарасы взлетѣли на воздухъ; отъ взрыва многихъ татаръ искалѣчило, многихъ до смерти зашибло; казанцы отъ страха до того обезумѣли, что перестали обороняться. Не теряя времени, воеводы взобрались на стѣны, втѣснились въ городъ. Но полки не были еще готовы къ приступу, и потому царь велѣлъ воеводамъ изъ города выходить; русскіе люди остались только въ башнѣ. На утро послали казанцамъ сказать, чтобы покорились, били бы государю челомъ, а онъ ихъ пожалуетъ. Казанцы отвѣчали: „не бьемъ челомъ; на стѣнахъ русь, на башнѣ русь; ничего: мы другую стѣну поставимъ и всѣ помремъ или отсидимся“. Дѣлать было

нечего, приходилось брать городъ приступомъ. По совѣту съ воеводами, царь назначилъ приступъ на другой день, расписалъ полки — кому гдѣ стать и куда итти на приступъ, кому сторожить позади, чтобы не было нападенія съ поля, кому оберегать здоровье государя.

Въ воскресенье 2 октября, за два часа до свѣта, полки изрядились къ бою. Одинъ изъ главныхъ воеводъ прислалъ сказать государю, что нѣмецъ-мастеръ уже вкатилъ 48 бочекъ пороху въ подкопъ подъ городскую стѣну, что татары это замѣтили и ждать больше нельзя. Царь надѣлъ доспѣхъ и пошелъ въ свою походную церковь. Солнце ужъ всходило, когда шла обѣдня; діаконъ кончалъ евангеліе и едва провозгласилъ: „и будетъ едино стадо и единъ пастырь“, какъ раздался сильный громъ; земля дрогнула и зашаталась подъ ногами: то нѣмецъ взорвалъ подкопъ. Городская земля обвалилась; люди, бревна, каменья летѣли по воздуху. Царь выглянулъ изъ церкви, но опять вернулся и принялся класть земные поклоны усерднѣе прежняго. Подошла ектенія; только успѣлъ діаконъ вымолвить слова: „еже покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“, раздался взрывъ второго подкопа, еще сильнѣе прежняго. Землю подкинуло высоко кверху и разнесло по сторонамъ, такъ что городъ накрылся словно тучей; каменья, бревна падали наземь съ великой высоты, людей раскидало, Богъ вѣсть куда, у однихъ оторвало ногу либо руку, другихъ порвало пополамъ. Русское войско крикнуло: „съ нами Богъ“, и разомъ ринулось на приступъ.

Обѣдня еще не отошла, царь изъ церкви еще не выходилъ. Одинъ изъ бояръ вошелъ въ церковь и сказалъ ему: „Государь, время тебѣ ѣхать; войско твое ужъ бьется съ невѣрными“. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что хочетъ отслушать службу до конца, чтобы получить полную милость отъ Христа-Бога. Мало времени спустя, примчалъ новый гонецъ и сталъ опять звать царя. Иванъ

Къ стран. 142.

Иванъ Васильевичъ подъ Казанью.

Васильевичъ ничего не отвѣчалъ, а только вздохнулъ глубоко, заплакалъ и сталъ молиться: „не остави меня, Господи, Боже мой, не отступи отъ меня, вонми въ помощь мою“. Онъ причастился св. Таинъ, достоялъ до конца обѣдни, принялъ благословеніе своего духовника, просилъ священство молиться Богу о побѣдѣ, вышелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и поскакалъ къ своему полку.

Русскіе въ это время были уже въ городѣ, но подвигались впередъ тихо. Татары не уступали пяди земли безъ боя. Въ узкихъ улицахъ обѣ стороны какъ при встрѣчѣ ударили въ копья, такъ и стояли на мѣстѣ, не трогаясь ни взадъ ни впередъ, ибо не могли осилить другъ друга. Но скоро число русскихъ ратниковъ уменьшилось: многіе не утерпѣли, бросились на грабежъ. Къ нимъ пристали и другіе; тѣ, которые, идя на приступъ, попадали наземь и лежали въ полѣ будто раненые, пустились теперь въ городъ со всѣхъ ногъ; ожили и многіе мертвецы, которые передъ тѣмъ прикинулись убитыми и смирно лежали, не ворохнувъ ни рукой ни ногой. Набѣжало много разной челяди и изъ стана русскаго, всякій норовилъ промыслить что-нибудь на свою долю. Грабители по два, по три раза ходили въ станъ припрятывать награбленное добро, и только малое число людей отважныхъ продолжали биться съ татарами.

Казанцы скоро это замѣтили, налегли на русскихъ со всей силы и стали осаживать ихъ назадъ. Добычники струсили и бросились наутекъ; съ перепуга и съ великаго поспѣха многіе не попали въ ворота, а полѣзли съ добычей на стѣну; другіе покидали награбленное и стали вопить: „бьютъ, бьютъ!“ Поднялась въ городѣ сумятица, татары ломили все сильнѣе и сильнѣе. Послали сказать объ этомъ царю; Иванъ Васильевичъ отправилъ на подмогу свѣжій полкъ, а грабителей велѣлъ бить безъ пощады. Подмога поправила дѣло, татары опять попятились. Такъ добрались они до воротъ, тѣснимые

и спереди, и съ тыла. Тутъ была страшная тѣснота; груды татарскихъ мервыхъ тѣлъ навалило наравнѣ со стѣной, и казанцы по нимъ взбирались на стѣну и въ башню. Отсюда они стали кричать, что хотятъ вести переговоры. Русскіе остановились, перестали биться. Казанцы кричали: „Пока стоялъ нашъ городъ съ царскимъ престоломъ, мы бились до смерти; теперь же отдаемъ вамъ нашего царя живого и здороваго, ведите его къ вашему; а мы выйдемъ въ чистое поле, перевѣдаемся съ вами въ послѣдній разъ“. Татары бросились внизъ со стѣны, съ трудомъ добрались до рѣки Казанки и перешли ее въ бродъ. На другомъ берегу ихъ встрѣтили русскіе воеводы и побили такъ, что почти никого не осталось.

Казань была взята; не осталось въ ней ни одного живого татарскаго ратника: по приказу царскому побивали всѣхъ, а въ полонъ брали только женщинъ и ребятъ. По всему городу, на стѣнахъ, во рву, на рѣкѣ Казанкѣ и дальше по лугу грудами валялись мертвыя тѣла татарскія; по многимъ улицамъ не было проѣзда. Про это кровопролитіе такъ поется:

Казань-то городъ во крови стоитъ,
Казанка-то рѣчка кровью протекла,
Мелкіе ручьи горючими слезами;
По лугамъ-лугамъ да все волосы,
По горамъ-горамъ да все головы,
Да все головы разноличныя.

Царь велѣлъ очистить одну улицу, и пока ее очищали, слушалъ молебенъ; потомъ своими руками поставилъ крестъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло знамя во время приступа, и указалъ построить тутъ церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго. Послѣ этого онъ поѣхалъ городомъ по расчищенной улицѣ ко дворцу царя казанскаго. Тутъ его встрѣтили многія тысячи русскихъ отполоненныхъ;

они плакали отъ радости, кланялись царю въ землю и называли его своимъ избавителемъ. Всѣ богатства казанскія, весь полонъ татарскій Иванъ Васильевичъ отдалъ войску, а себѣ взялъ только царя, знамена царскія и пушки.

Посадивъ въ Казани намѣстника, Иванъ Васильевичъ вернулся въ Москву. На пути его встрѣчали всюду съ крестами, служили молебны, народъ плакалъ съ радости, что побитъ лютый врагъ. Подъ Москвой, по обѣ стороны царскаго пути, столпилось народу столько, что нигдѣ не было порожняго мѣста; всѣ кричали многая лѣта царю-побѣдителю. Митрополитъ встрѣтилъ царя и благословилъ его. Государь благодарилъ митрополита за его усердныя молитвы, кланялся ему въ землю, обѣщалъ радѣть о земскихъ дѣлахъ. Митрополитъ прославлялъ милость Божію и подвиги царя православнаго, благодарилъ государя за понесенные имъ великіе труды и тоже кланялся ему въ землю. Иванъ Васильевичъ надѣлъ царскую одежду и пошелъ вслѣдъ за крестами въ Успенскій соборъ пѣшкомъ. Три дня послѣ того шли пиры у государя; три дня Иванъ Васильевичъ жаловалъ митрополита, владыкъ, воеводъ, ратниковъ помѣстьями, шубами, доспѣхами, золотыми ковшами, деньгами и разными другими богатыми дарами.

Не даромъ царь не скупился на награды, не попусту веселился и радовался народъ. Для русскихъ людей того времени Казанское взятіе было самымъ большимъ земскимъ дѣломъ Ивана Васильевича. Татары все еще были для Россіи народомъ самымъ страшнымъ и самымъ грознымъ. Забирая Новгородъ, Псковъ, Тверь, Рязань, Русское государство брало только свое, что̀ издавна было русскимъ; о томъ же, чтобы добывать чужія земли, оно и не помышляло. А тутъ вдругъ появляется молодой русскій царь и покоряетъ чужое царство, да еще царство татарское! Было чему радоваться, было за что про-

славлять царя, и не мудрено, что пѣсни объ этомъ великомъ дѣлѣ дошли до нашихъ временъ.

Покоривъ Казань, царь рѣшилъ забрать и Астрахань. Этотъ городъ стоялъ въ небольшомъ татарскомъ царствѣ; такихъ царствъ выросло много изъ разсыпавшейся Золотой Орды. Астрахань взяли царскіе воеводы безъ труда, и она стала русскимъ городомъ.

Грозенъ былъ воинъ-царь нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ:
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ-силою
Онъ прошелъ страну татарскую,
Сіе царство взялъ Казанское,
Господарство Астраханское.

Въ тѣ давнія времена татары уже звали русскаго государя Бѣлымъ Царемъ и говорили, будто въ ихъ книгахъ написано, что всѣ басурманскіе цари Бѣлому Царю поработаютъ. Сбылось это слово при Иванѣ Васильевичѣ и надъ Казанью, и надъ Астраханью; остался одинъ Крымъ ждать своего череда.

XVI.

Грозное время.

Царь Иванъ IV, взявши себѣ въ совѣтники Сильвестра и Адашева, измѣнился много въ дѣлахъ своихъ. Но нравъ его былъ ужъ такъ испорченъ, что передѣлаться не могъ; совѣтники только сдерживали его. Ненависть Ивана Васильевича къ боярамъ тоже не пропала, а затаилась въ самой глубинѣ сердца и тлѣла тамъ, какъ искра подъ пепломъ. Царь слушалъ Сильвестра и Адашева несвободнымъ сердцемъ; онъ заставлялъ себя поступать противъ своего хотѣнія, противъ своего обычая. Такое принужденіе могло удержаться только до случая; эти случаи скоро подошли.

Покоривъ Казанское царство и вернувшись въ Москву, Иванъ Васильевичъ сильно занемогъ. Разсуждая, что въ животѣ и смерти Богъ воленъ, онъ пожелалъ, чтобы двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ и всѣ бояре цѣловали крестъ на вѣрность сыну его Димитрію. Царевичу не было еще года, и бояре боялись, что ими завладѣютъ Захарьины, ближняя царицына родня. Поэтому многіе изъ бояръ думали посадить на царство Владиміра Андреевича и не хотѣли цѣловать крестъ Димитрію, князь Владиміръ Андреевичъ тоже. Поднялся шумъ, крики, укорительныя рѣчи, посыпались бранныя

слова. Царь все это слышалъ, скорбѣлъ душой; но дѣлу помочь не могъ, потому что лежалъ какъ пластъ и едва говорилъ. Послѣ многаго смятенія бояре однако надумались, убоялись царя и въ два дня присягнули царевичу Димитрію всѣ, а князя Владимира Андреевича заставили цѣловать крестъ силой.

Сильвестръ и Адашевъ хоть и не буянили и не упирались вмѣстѣ съ боярами противъ воли царской, однако исполнили ее неохотно и сердцемъ были за князя Владимира Андреевича. Они крѣпко недолюбливали царицу, а пуще ея братьевъ, которые имъ никогда не дружили, а гдѣ можно, то и досаждали. Изъ всего этого добра не вышло: царь выздоровѣлъ, и ненависть къ боярамъ еще больше укрѣпилась въ его сердцѣ, а на Сильвестра съ Адашевымъ появилась горькая досада.

Выздоровѣвъ, Иванъ Васильевичъ отправился по монастырямъ на богомолье. Въ одномъ онъ нашелъ инока Вассіана, стараго доброхота своего отца. Царь зашелъ къ нему въ келью, сталъ съ нимъ говорить и въ разговорѣ спросилъ: „Какъ мнѣ царствовать, чтобы великихъ и сильныхъ держать въ послушаніи?“ Вассіанъ по своей старинной злобѣ къ боярамъ отвѣчалъ, что если царь хочетъ быть самодержавцемъ, то не бралъ бы ни одного совѣтника мудрѣе себя. Это злое слово пришлось царю по душѣ тѣмъ паче, что Сильвестръ и Адашевъ уже прискучили ему порядкомъ. Иванъ Васильевичъ былъ человѣкъ подозрительный, разумомъ гордый, власть свою оберегалъ для себя всю и ни съ кѣмъ дѣлиться ею не хотѣлъ. Совѣты такому государю надо было давать бережно, со сноровкой, а Сильвестръ и Адашевъ, особенно первый, видно, поступали твердо, назойливо. Сильвестръ, кромѣ того, совался иногда въ такія малыя дѣла, про которыя ему и говорить не слѣдовало. Оттого хоть и оставались они при царѣ еще многіе годы, но сила ихъ все слабѣла да слабѣла, а

къ 1560 году и совсѣмъ пропала. Замѣтивъ это, Сильвестръ по своей волѣ оставилъ царя и ушелъ въ монастырь, а Адашева государь послалъ на воеводство въ Ливонскую землю. Вслѣдъ за тѣмъ умерла царица Анастасія.

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядючись-смотрючись со черныхъ кораблей.
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя,
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ.
Преставляется царица благовѣрная;
Въ головахъ стоятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ двѣ млады царевны,
Супротивъ стоитъ самъ грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Говоритъ царица таковы рѣчи:
„Ужъ ты слушай, царь, послушай-ка,
„Что я тебѣ царица повыскажу:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ до младыхъ двухъ царевичей;
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ князей, до своихъ думныхъ бояръ;
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ солдатушекъ служащіихъ,
„И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До всего народа православнаго“.

Царица Анастасія была женщина добрая, кроткая и богобоязненная; царь скорбѣлъ по ней сильно. Но она не любила Сильвестра и Адашева. Злые люди, ласкатели и шептуны схватились за это и наговорили царю, что Сильвестръ и Адашевъ извели нарицу волшебствомъ. Собрали соборъ; соборъ заочно судилъ и обвинялъ прежнихъ совѣтниковъ царскихъ. Сильвестра перевели въ дальній монастырь, а Адашева засадили подъ стражу. Тамъ они и умерли.

Какъ только отошли отъ царя Сильвестръ и Адашевъ, и умерла царица, Иванъ Васильевичъ словно вырвался на волю. Пошли пиры непристойные, съ пирами на-

чались опалы и казни. Иванъ Васильевичъ принялся отправлять въ ссылку и казнить смертью благопріятелей Сильвестра и Адашева. Такъ погибли многіе со всей ближней родней, даже съ малыми дѣтьми. Были и такіе, что сложили свои головы невѣдомо за что, ради одного своего богатства: добромъ ихъ хотѣли поживиться новые любимцы царскіе и не задумались обнести передъ царемъ ни въ чемъ неповинныхъ.

Какъ во теремѣ живетъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ:
Онъ грозенъ, батюшка, и милостивъ,
Онъ за правду жалуетъ, за неправду вѣшаетъ.
Ужъ настали годы злые на московскій народъ,
Какъ и сталъ православный царь грознѣй прежняго:
Онъ за правды, за неправды дѣлалъ казни лютыя.

Въ это время шла война съ ливонскими нѣмцами. Началась она изъ-за того, что нѣмцы мѣшали русскимъ купцамъ вести торгъ съ иноземными гостями и не пропускали иноземныхъ разнаго дѣла мастеровъ въ Московское государство. Ливонскіе нѣмцы боялись, что отъ иноземной науки Россія сдѣлается еще сильнѣе и грознѣе и тогда заберетъ ихъ землю. Иванъ Васильевичъ послалъ противъ нѣмцевъ князя Курбскаго, воеводу храбраго и искуснаго, который ужъ много послужилъ царю, бившись съ крымцами и казанцами. Но Курбскій былъ сторонникъ Сильвестра и когда услыхалъ про немилость царя къ Сильвестру и Адашеву, про многія опалы и казни, то сталъ бояться и за себя самого. Въ ту пору за ливонцевъ вступилась Польша, и Курбскій въ одной битвѣ не могъ одолѣть враговъ. Государь вымолвилъ про него гнѣвное слово; Курбскій, боясь бѣды, бѣжалъ къ полякамъ, а къ царю послалъ досадительную грамоту, въ которой укорялъ его въ лютости и кровопійствѣ и грозилъ карою небесною.

Измѣна Курбскаго сняла съ Ивана Васильевича по-

слѣднюю узду, которою онъ себя сдерживалъ. Царь думалъ, что если бѣжалъ одинъ Курбскій, то это потому, что другимъ изъ Москвы бѣжать неспособно, а добра отъ нихъ ужъ ждать нельзя. Иванъ Васильевичъ увѣрилъ себя, что всѣ бояре замышляютъ измѣну, и, чтобы казнить ихъ безъ помѣхи, замыслилъ необычное дѣло.

Въ началѣ декабря 1564 года царь вдругъ поднялся изъ Москвы съ семьею, со всѣмъ дворомъ, и уѣхалъ въ слободу Александровскую. Прошелъ мѣсяцъ, про царя и слуху не было, точно онъ сошелъ съ государства. Наконецъ, 3 января 1565 года прискакалъ въ Москву гонецъ съ царскими грамотами къ митрополиту и народу. Въ грамотахъ царь обвинялъ бояръ въ разныхъ измѣнныхъ и лихихъ дѣлахъ, говорилъ, что не хочетъ терпѣть больше и ѣдетъ съ государства, куда Богъ на сердце положитъ, а на народъ опалы не кладетъ, и чтобы гости, купцы и весь христіанскій людъ не боялись ничего. Народъ заволновался, послышались рыданія и вопли. Шла война съ Польшей, грозили крымцы, такъ какъ же быть безъ государя? Стали умолять митрополита, чтобы ѣхалъ къ царю, просилъ бы его не оставлять государство, не отдавать народъ на расхищеніе волкамъ; а за государевыхъ лиходѣевъ и измѣнниковъ никто не стоитъ — пускай себѣ казнитъ, какъ хочетъ. Митрополитъ съ епископами, архимандритами и боярами пріѣхалъ къ царю. Государь допустилъ ихъ къ себѣ, выслушалъ и согласился остаться на государствѣ, коли не будетъ ему отъ духовенства докуки ни въ чемъ, что̀ бы онъ ни дѣлалъ. Москва успокоилась, а государь принялся за задуманное дѣло. Дворъ свой и свой обиходъ онъ сдѣлалъ особый; бояръ, дворянъ, приказныхъ и иныхъ служилыхъ людей назначилъ къ себѣ особыхъ; стрѣльцовъ, т.-е. ратныхъ людей, тоже. Кромѣ того, онъ взялъ на себя и на свой государскій обиходъ нѣсколько городовъ и волостей, роздалъ въ нихъ помѣстья своимъ особымъ

князьямъ и боярамъ, а прежнихъ вывелъ и поселилъ въ другихъ волостяхъ. Даже въ Москвѣ онъ назначилъ на себя улицы и слободы и велѣлъ тамъ жить своимъ людямъ, а прежнихъ жителей перемѣстилъ въ другія улицы. Всю эту особую государеву часть Иванъ Васильевичъ назвалъ опричниной (отъ слова опричь, кромѣ), а земщину, т.-е. остальную землю, воинство, судъ, управу и всякія земскія дѣла велѣлъ вѣдать боярской думѣ. Такъ Иванъ Васильевичъ думалъ укрѣпить свою власть. Онъ не могъ прогнать отъ себя все старинное боярство, такъ задумалъ самъ отъ него уйти и окружилъ себя людьми новыми, младшими, изъ поповичей и простого всенародства.

Государь установилъ опричню на то, чтобы опричники грызли измѣнниковъ и выметали ихъ изъ Русской земли; оттого у каждаго кромѣшника къ сѣдлу были привязаны собачья голова и метла. Они цѣловали крестъ на службу государеву, отрекаясь отъ отца и матери. Нѣтъ той неправды и злого дѣла, на которое бы не пошли опричники. Они облыгали земскихъ, ложно доносили на нихъ въ измѣнѣ, въ недобрыхъ замыслахъ, грабили ихъ безъ совѣсти, безъ страха Божія. Опричня не знала надъ собой никакого суда, кромѣ гнѣва царскаго; никто изъ земскихъ, кому дорога была своя голова, не смѣлъ и помыслить жаловаться на опричника суду. Опричня охраняла Александровскую слободу, какъ крѣпость, и никого не впускала и не выпускала безъ приказа царскаго. Иванъ Васильевичъ велъ тутъ житье себѣ по сердцу: безчиннымъ пирамъ и разнымъ утѣхамъ не было конца. Набравъ 300 молодыхъ кромѣшниковъ, онъ назначилъ ихъ монахами, а себя игуменомъ; пѣлъ и читалъ въ церкви, отслуживая заутреню, обѣдню и вечерню. Но Богъ не посылалъ мира въ его сердце: пытки и казни шли своимъ чередомъ. Иванъ Васильевичъ молился горячо, клалъ земные поклоны такъ крѣпко и часто,

что на лбу у него оставались кровавыя пятна, а потомъ шелъ пытать и мучить людей.

Такъ шелъ годъ за годомъ. Въ 1568 году король польскій и великій князь литовскій подослалъ ко многимъ боярамъ грамоты, переманивая ихъ къ себѣ на службу. Пошли пытки и казни пуще прежнихъ. Опричники рыскали по улицамъ московскимъ, всенародно убивали опальныхъ людей и не давали ихъ хоронить. Митрополитомъ былъ тогда св. Филиппъ. По просьбѣ бояръ и народа онъ вступился въ дѣло и, по старинному обычаю митрополитовъ, умолялъ царя смилостивиться, не давать воли кромѣшникамъ. Иванъ Васильевичъ приходилъ въ ярость, грозилъ ему, но ничего не помогало: Филиппъ все говорилъ свое. Разъ, въ воскресный день, государь съ толпою опричниковъ прибылъ въ Успенскій соборъ; всѣ они были одѣты въ черныя рясы, съ высокими шлыками на головахъ. Шла обѣдня, митрополитъ былъ въ церкви. Царь три раза подходилъ къ нему подъ благословеніе, но Филиппъ стоялъ неподвижно, какъ вкопанный, на царя не смотрѣлъ и благословенія не давалъ. Бояре, думая, что митрополитъ царя не видитъ, сказали ему, что государь тутъ и ждетъ благословенія. Тогда Филиппъ взглянулъ на Ивана Васильевича и сталъ укорять его въ неправдѣ, въ лютыхъ казняхъ, въ невинной крови, имъ проливаемой. Иванъ Васильевичъ съ гнѣвомъ ударилъ костылемъ въ полъ и вышелъ вонъ, грозясь и сверкая глазами. На другой день перехватали родню митрополита, его ближнихъ людей и принялись пытать, выспрашивая про какіе-то его замыслы.

Спустя нѣкоторое время, въ день свв. Прохора и Никанора, былъ крестный ходъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; тутъ находился и царь. Митрополитъ, обходя со крестами стѣну, остановился читать Евангеліе предъ главными воротами и, оглянувшись, увидѣлъ, что одинъ опричникъ надѣлъ себѣ на голову тафью, т.-е. скуфейку.

Митрополитъ сталъ жаловаться царю на такое безчиніе; царь глянулъ на всѣхъ, но ничего не увидалъ: опричникъ успѣлъ спрятать тафью. Опричники давно уже замышляли на Филиппа недоброе, а потому своего не выдали и на всѣ государевы спросы отвѣчали, что никакого безчинія не было и что митрополитъ выдумалъ небывальщину по своей на нихъ злобѣ. Иванъ Васильевичъ пришелъ въ ярость и сталъ всенародно позорить митрополита разной бранью, а вернувшись домой, рѣшилъ избавиться отъ него. Для этого онъ созвалъ соборъ изъ святителей и именитыхъ людей. Нашелся человѣкъ, соловецкій игуменъ Паисій, который изъ подслуги царю взвелъ на митрополита напраслину въ разныхъ беззаконныхъ дѣлахъ за то время, когда Филиппъ былъ игуменомъ въ Соловкахъ. Митрополитъ не хотѣлъ оправдываться; онъ зналъ, что осужденъ впередъ. Чрезъ нѣсколько дней, 8 ноября, когда онъ служилъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, опричники толпою ворвались въ церковь; прочитавъ приговоръ суда, которымъ снимался съ Филиппа святительскій чинъ, они сорвали съ митрополита ризы, надѣли на него рваную монашескую рясу и, выгнавъ изъ церкви метлами, повезли на дровняхъ вонъ изъ Кремля. Народъ толпой бѣжалъ за дровнями и плакалъ, Филиппъ благословлялъ всѣхъ и приказывалъ молиться. Филиппа сослали въ монастырь. На другой годъ Иванъ Васильевичъ, на походѣ въ Новгородъ, послалъ къ св. Филиппу перваго своего любимца, самаго лютаго опричника — Малюту Скуратова, за благословеніемъ. Св. Филиппъ благословенія не далъ, сказалъ, что благословляетъ только добрыхъ и на доброе. Малюта бросился на него и задушилъ.

Скоро стало еще хуже. Одинъ бродяга былъ наказанъ за что-то новгородцами и задумалъ на нихъ злую месть. Онъ донесъ, будто новгородцы передались польскому королю и грамоту объ этомъ положили въ Софійскомъ

соборѣ, за иконою Божіей Матери. Царь послалъ въ Новгородъ вѣрнаго человѣка; тотъ нашелъ грамоту на указанномъ мѣстѣ; на грамотѣ были подписи архіепископа Пимена и лучшихъ людей новгородскихъ. Подписи были на видъ вѣрны: бродяга поддѣлалъ ихъ умѣючи. Иванъ Васильевичъ рѣшилъ оставить по себѣ новгородцамъ долгую память, казнить ихъ за измѣну такъ, какъ еще русская земля не видывала.

Не сине-то море колыхается,
Не сырой-то боръ разгорается:
Воспылалъ-то грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Что надо казнить Новгородъ да Псковъ.

Онъ поднялся въ походъ и въ январѣ дошелъ до Новгорода. На третій день въѣхалъ онъ въ городъ, слушалъ въ Софійскомъ соборѣ обѣдню и потомъ пошелъ обѣдать въ столовую палату къ архіепископу. Поѣвъ немного, Иванъ Васильевичъ вдругъ крикнулъ страшнымъ крикомъ. Это былъ знакъ: опричники бросились грабить казну Пименову, всѣ его палаты и клѣти, а самого архіепископа засадили подъ крѣпкую стражу.

Начался судъ. Къ царю приводили бояръ, служилыхъ и другихъ людей новгородскихъ съ женами и дѣтьми; ихъ пытали, а потомъ кидали съ моста въ Волховъ. Ратные люди ѣздили по Волхову, и кто всплывалъ, того прихватывали рогатинами, кололи копьями, рубили топорами. Эта кровавая расправа тянулась цѣлыхъ пять недѣль. Послѣ этого государь сталъ объѣзжать подгородные монастыри; опричники грабили ихъ, жгли хлѣбъ въ скирдахъ, избивали скотъ, а царскіе полки пустошили усадьбы и помѣстья верстъ на 200, на 300 вокругъ Новгорода. Вернувшись въ городъ, Иванъ Васильевичъ Грозный велѣлъ рубить и грабить дворы и хоромы безъ остатка, побивать людей безъ разбора. Наконецъ, въ половинѣ февраля, онъ приказалъ собрать изъ оставшихся въ живыхъ новгородцевъ по одному человѣку съ каждой

улицы. Они пришли блѣдные, исхудалые отъ долгой тревоги; стоя предъ царемъ, дрожали всѣмъ тѣломъ и съ тоскою ждали своего послѣдняго часа. Но, видно, Ивану Грозному было уже довольно того, что̀ сдѣлано. Онъ взглянулъ на нихъ милостиво, велѣлъ молиться Богу за царя, за его дѣтей и за все христолюбивое воинство; весь грѣхъ за пролитую кровь сложилъ съ себя на владыку Пимена и его совѣтчиковъ и отпустилъ новгородцевъ съ миромъ. Пимена сослалъ онъ въ заточенье; многихъ священниковъ, діаконовъ и опальныхъ новгородцевъ отправилъ въ Москву. Туда же потянулись подводы съ иконами, колоколами, дорогою церковною утварью и казною, со всѣмъ добромъ, которое было забрано изъ церквей и монастырей новгородскихъ.

Долго жила въ Новгородѣ память объ этомъ страшномъ времени. Однажды, спустя годъ, собралось много народа въ церковь св. Параскевы. Когда отошла обѣдня и стали звонить въ колокола, по какой-то смутной молвѣ на всѣхъ напалъ такой страхъ, что народъ бросился со всѣхъ ногъ въ разныя стороны. Мужчины, женщины, дѣти тѣснились, толкались, давили другъ друга, всякій спѣшилъ, самъ не зная куда. Купцы побросали лавки незапертыми, раздавали товаръ первому встрѣчному. Такой переполохъ былъ передъ тѣмъ въ Новгородѣ одинъ только разъ, именно послѣ Батыева погрома.

Изъ-подъ Новгорода Иванъ Грозный двинулся ко Пскову и въѣхалъ въ городъ Великимъ постомъ; всѣ горожане, съ женами и дѣтьми, стояли передъ воротами своихъ домовъ, держали хлѣбъ-соль и кланялись царю въ землю. Покорность эта умилостивила Ивана Васильевича, онъ отслушалъ молебенъ въ соборной церкви и зашелъ къ юродивому Николѣ. Никола положилъ передъ нимъ на столъ кусокъ сырого мяса. „Я христіанинъ", сказалъ ему царь: „и въ постъ мясного не ѣмъ".—„А кровь христіанскую пьешь?" возразилъ ему Никола и

такъ устрашилъ его предсказаніями гнѣва небеснаго, что Иванъ Васильевичъ не медля выбрался изъ города. Псковъ спасся отъ пытокъ, казней и разгрома; Иванъ Васильевичъ велѣлъ только пограбить имѣніе зажиточныхъ горожанъ да забрать изъ церквей и монастырей денежную казну, иконы, колокола, книги, — все это онъ взялъ съ собою въ Москву.

Но не кончились еще всѣ бѣды отъ доноса подлаго бродяги. Иванъ Васильевичъ принялся допрашивать людей, привезенныхъ изъ Новгорода, и разыскивать въ Москвѣ виноватыхъ, которые будто были съ ними заодно. Это сыскное дѣло тянулось нѣсколько мѣсяцевъ; многіе не выдержали пытокъ и клепали на себя и на другихъ. Число осужденныхъ росло съ каждымъ днемъ; сюда попали и нѣкоторые изъ любимцевъ царскихъ, опричниковъ: до того Ивану Грозному чудилась вездѣ измѣна. Наконецъ, 25 іюля, осужденныхъ казнили: одного рубили топорами, другого жгли, третьяго обливали вперемежку то кипяткомъ, то студеной водой. Четыре часа тянулось кровавое зрѣлище; казнено болѣе 150 человѣкъ.

Этотъ годъ былъ самымъ лютымъ временемъ. Послѣ стало легче; но Иванъ Васильевичъ не измѣнился до конца жизни: такъ же былъ скоръ на гнѣвъ, такъ же чутокъ на доносы. Все ему мерещилось, что бояре замышляютъ измѣну, что хотятъ извести своего государя. Мысль эта не давала ему покоя ни днемъ ни ночью, ни въ храмѣ Божіемъ ни на разгульномъ пиру. Оберегая свою власть пуще зеницы ока, Иванъ Васильевичъ то и дѣло выискивалъ своихъ ослушниковъ и лиходѣевъ. Безъ пытокъ и казней онъ жить не могъ, становился сумраченъ, угрюмъ. Каковъ онъ былъ въ большихъ дѣлахъ, таковъ и въ забавахъ. Одному боярину онъ отрѣзалъ ухо потѣхи ради; любимому своему шуту опрокинулъ на голову миску горячихъ щей, и когда шутъ

завопилъ отъ боли и побѣжалъ, то ударилъ его ножомъ и положилъ мертвымъ. Глядя изъ дворца на гуляющій народъ, Иванъ Васильевичъ иногда спускалъ на него медвѣдей и забавлялся, когда толпа въ страхѣ разбѣгалась, а медвѣди догоняли и уродовали людей. Наконецъ, онъ дошелъ до того, что въ гнѣвѣ самъ себя не помнилъ. Года за два до своей смерти, осердившись за что-то на своего старшаго сына, царевича Ивана Ивановича, онъ въ ярости ударилъ его желѣзнымъ костылемъ прямо въ високъ и убилъ на мѣстѣ.

Въ это грозное время обрушились на Московское государство и другія бѣды. Крымскіе татары сожгли въ 1571 году Москву и болѣе 100 тысячъ народа отвели въ неволю. Польскій король Стефанъ Баторій всюду разбивалъ русскихъ и забиралъ земли; только Псковъ не поддался: далъ сильный отпоръ и отстоялся. Шведы тоже напали на русскій рубежъ и извоевали всю порубежную землю.

Временами Иванъ Грозный приходилъ въ себя, особенно при большихъ бѣдахъ. Тогда совѣсть грызла его, душа изнывала отъ скорби, отъ тоски, и онъ усердно каялся въ злыхъ дѣлахъ. Но такое покаяніе не вело къ добру: послѣ того онъ ожесточался еще больше и въ пирахъ да въ новыхъ казняхъ топилъ свою совѣсть.

Сильнѣе всего скорбѣлъ Иванъ Грозный, убивши своего сына; каялся, служилъ панихиды, тысячами посылалъ деньги на поминанье во святыя мѣста.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Схватился за своего сына за любимаго:
Не стало его сына любимаго.
Онъ дѣлалъ повелѣніе въ каменной Москвѣ
И во всемъ царствѣ Московскомъ,
Чтобы народъ-люди постилися
И ходили бы въ матушку Божью церкву
Господу Богу молитися
И носили бы одежды опальныя.

Къ стран. 158.

Иванъ Грозный у гроба своего сына.

Тяжкая тоска одолѣвала Ивана Васильевича, онъ не могъ найти себѣ мѣста: по ночамъ вскакивалъ съ постели, съ крикомъ бросался на полъ и лежалъ безъ движенія, въ тяжеломъ забытьи. Скоро показалась въ немъ смертная болѣзнь: изнутри онъ сталъ гнить, снаружи пухнуть. Онъ разослалъ по монастырямъ грамоты, просилъ, чтобы все иноческое братство о его окаянствѣ Богу молилось, и если онъ, государь, въ чемъ предъ ними виноватъ, то бы пожаловали, простили бы. Лежа на смертномъ одрѣ, царь былъ очень ласковъ съ боярами, наказывалъ сыну Ѳедору царствовать благочестиво, съ милостью и любовью, и въ забытьи все звалъ убитаго сына Ивана... 18-го марта 1584 года Иванъ Васильевичъ Грозный отдалъ Богу свою грѣшную душу.

На святой Руси — въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ — въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было у Великаго,
У Михайла у Архангела,
У собора у Успенскаго,
Ударяли въ большой колоколъ.
Въ соборѣ-то во Успенскомъ,
Тутъ стоялъ новъ кипарисовъ гробъ,
Въ гробу-то лежитъ православный царь,
Православный царь Иванъ Грозный Васильевичъ.
Въ головахъ у него стоитъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
На ногахъ его вострый грозный мечъ.
Животворящему кресту всякій молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозенъ мечъ взглянетъ всякъ — ужаснется.
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ все попы, патріархи:
Они служатъ, читаютъ, память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память царю православному,
Царю грозному Ивану Васильевичу.

XV.

Ермакъ Тимоѳеевичъ.

Усобицы князей, татарскія насилія, разныя неурядицы и неправды издавна развели на Руси много народа, который, не уживаясь у себя дома, уходилъ за рубежъ, особенно за южный, и тамъ селился. Одни изъ такихъ людей садились по самому рубежу, другіе шли дальше, въ привольныя степи. Покоя имъ, правда, тутъ тоже не было отъ татарскихъ наѣздовъ, но зато жилось вольнѣе и нечего было бояться ни воеводъ княжескихъ ни податей тяжкихъ. Широкая степь тянулась передъ глазами безъ конца, и путь въ нее лежалъ свободный, незаказанный. Всѣ эти выходцы были большею частію люди бездомовные, безсемейные, удалые и отважные; назывались они казаками. Тѣ изъ нихъ, которые населяли порубежные города, назывались казаками городовыми, а тѣ, которые ушли за рубежъ, въ степь, назывались степными или вольными. Сначала вольныхъ казаковъ было мало, и уходили они не далеко; но съ той поры, какъ татарскія орды стали слабѣть, степное казачество росло больше и больше, уходило въ степи дальше и дальше. За прибывавшимъ народомъ дѣло не ставало: уходя въ казаки, русскій человѣкъ шелъ не въ чужую сторону, а къ своимъ же русскимъ православнымъ людямъ. Оттого всѣ, кому плохо было жить на родинѣ, бѣглые холопы,

смертоубійцы уходили въ казаки. Вольные казаки селились по берегамъ рыбныхъ рѣкъ; они мало-по-малу сошлись въ большія общества, рѣшали свои дѣла вѣчемъ, или кругомъ, и сами выбирали себѣ атамановъ, т.-е. начальниковъ. Эти казачьи общества то воевали съ сосѣдними татарами, то входили съ ними въ дружбу и союзъ и сообща набѣгали на русскіе и литовскіе рубежи или грабили въ степи проѣзжихъ купцовъ и всякаго, кто подъ руку попадался. При Иванѣ Грозномъ казаки занимали уже всѣ южныя степи и населяли берега всѣхъ большихъ рѣкъ. По рѣкѣ Дону жили казаки, бѣжавшіе изъ московской Руси, а по Днѣпру тѣ, которые ушли изъ южной части литовской Руси.

Донскіе казаки разбойничали больше всего по рѣкѣ Волгѣ, такъ какъ здѣсь былъ большой торговый путь. Царь Иванъ Грозный не разъ посылалъ противъ нихъ своихъ воеводъ; воеводы ловили и казнили казаковъ, но разбой и грабежъ все-таки не переводились.

Что сверху-то было Волги-матушки.
Выплывала-то легка лодочка,
Ужъ и всѣмъ лодка изукрашена,
Парусами она изувѣшена,
Ружьецами изуставлена,
У ней носъ, корма раззолочены.
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ
На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры молодцы;
Среди лодки бѣлъ-тонкой шатеръ.
Во шатрѣ лежитъ шелковой коверъ,
Подъ ковромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица.
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Въ возрыданьи слово молвила:
„Не хорошъ то мнѣ сонъ привидѣлся!
„Ужъ какъ бы у меня, красной дѣвицы,
„Распаялся мой золотой перстень,
„Выкатился дорогой камень ,
„Расплелась моя коса русая.

„Выплеталась лента алая,
„Лента алая, ярославская.
„Атаману быть разстрѣляну,
„Есаулу быть повѣшену,
„Добрымъ молодцамъ срубятъ головы,
„А мнѣ, дѣвушкѣ, во тюрьмѣ сидѣть!“

Въ одной изъ такихъ разбойничьихъ шаекъ атаманомъ былъ казакъ, именемъ Ермакъ Тимоѳеевичъ. Роду былъ онъ простого, разумъ имѣлъ большой, удаль великую, духомъ и тѣломъ былъ крѣпокъ, лицомъ пригожъ, осанкой сановитъ. Сначала онъ былъ въ бурлацкой артели кашеваромъ, тутъ и прозвали его Ермакомъ, потому что артельный таганъ назывался ермакъ; а настоящее, крещеное имя Ермака Тимоѳеевича было Василій. Работа бурлацкая Ермаку скоро прискучила; затосковалъ онъ по вольной жизни и ушелъ къ донскимъ казакамъ. Скоро за удаль, за смѣлый нравъ и за великую его силу выбрали его старшиной одной станицы (казачьяго селенія). Но Ермаку и тутъ было мало раздолья: все его тянуло туда, гдѣ гуляютъ забубенныя головы на всей своей волѣ. Не вытерпѣлъ Ермакъ, набралъ себѣ шайку молодцовъ и ушелъ съ ними на Волгу разбойничать. Никому не давалъ онъ спуску: ни царскимъ людямъ, ни посламъ иноземнымъ, ни купцамъ русскимъ и басурманскимъ. Имя Ермака наводило на всѣхъ такой страхъ, что скоро вѣсть о его воровскихъ дѣлахъ донеслась до Москвы. Царь Иванъ Грозный присудилъ Ермака и четырехъ его подручныхъ атамановъ казнить смертію. Но Ермакъ не убоялся и гнѣва царскаго: грабилъ и разбойничалъ попрежнему. Кромѣ Ермаковой шайки гуляло по Волгѣ еще много другихъ; купцамъ, наконецъ, совсѣмъ не стало проѣзда, мирнымъ жителямъ житья. Царь выслалъ сильную рать унимать казаковъ. Царское войско побило, половило и перевѣшало много душегубцевъ, но Ермакъ съ своей шайкой

увернулся и пошелъ наутекъ вверхъ по Волгѣ, къ Камѣ-рѣкѣ, въ Пермскій край.

Атаманъ говорилъ донскимъ казакамъ,
По имени Ермакъ Тимоѳеевичъ:
„А и вы гой еси, братцы, атаманы казачіе!
„Не корыстна у насъ шутка зашучена,
„И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?
„Въ Астрахани жить нельзя,
„На Волгѣ жить — ворами слыть,
„На Яикъ итти — переходъ великъ
„Въ Казань итти — грозенъ царь стоитъ,
„Грозный царь-государь Иванъ Васильевичъ;
„Въ Москву итти — перехватаннымъ быть,
„По разнымъ городамъ разосланнымъ,
„По темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ.
„Пойдемте мы въ усолья къ Строгановымъ,
„Къ тому Григорью Григорьевичу“.

Въ томъ далекомъ краю, куда плылъ Ермакъ, уже издавна жили русскіе люди. Самые богатые между ними были купцы Строгановы: они владѣли большой землей, держали большой промыселъ, варили соль, пахали пашню, вели торгъ. Чтобъ поселенцамъ не было обиды отъ дикихъ окольныхъ народовъ, Строгановы срубили два городка, накупили пушекъ и всякаго воинскаго снаряда, пріискали ратныхъ людей и велѣли имъ оборонять землю.

Недалеко отъ строгановской земли тянулись Уральскія горы, а за горами лежала страна, которая зовется теперь Сибирью. Землю эту русскіе промышленники знали давно: лѣтъ за 300, за 400 до Ермака хаживали туда смѣлые новгородскіе купцы за дорогими мѣхами. Тамъ, на рѣкѣ Иртышѣ, лежало особое татарское царство, и главный его городъ назывался Искеръ, или Сибирь. Отъ этого города русскіе и называли всю землю за Ураломъ Сибирью, и послѣ того, какъ Иванъ Грозный взялъ Казань, сибирскій царь самъ напросился платить ему дань собольими шкурками, только бы рус-

скій государь оборонялъ его отъ недруговъ. Но скоро этого сибирскаго царя выгналъ другой басурманскій царь, Кучумъ; завладѣлъ его землею, пересталъ давать дань и даже убилъ посла, который пріѣхалъ за данью отъ Ивана Грознаго. Какъ только Строгановы поставили на своей землѣ городки, Кучумъ сталъ творить имъ всякое зло. Тогда Строгановымъ вспало на мысль — прибрать къ своимъ рукамъ и Сибирскую землю. Къ тому же Сибирь была сторона богатая: въ ней было вдоволь и земли хорошей, и луговъ, и лѣсовъ; пушной звѣрь водился тамъ безъ счета; въ рѣкахъ было много рыбы, въ горахъ золота, серебра, желѣза, камней самоцвѣтныхъ. Послали Строгановы къ Ивану Грозному просить, чтобы, ради обороны отъ сибирскаго царя и русскимъ людямъ на прибытокъ, дозволилъ имъ воевать Сибирскую землю. Государь дозволилъ, прислалъ Строгановымъ жалованную грамоту и освободилъ ихъ будущія сибирскія земли отъ податей, повинностей и всякихъ поборовъ на 20 лѣтъ.

Добывъ царскую грамоту, Строгановы стали придумывать — откуда достать ратныхъ людей: своей рати у нихъ на это дѣло было мало. Прослышали они про Ермака, про его удаль и отвагу, и отправили къ нему пословъ — звать къ себѣ на службу. Въ это время Ермакъ бѣжалъ отъ царскихъ воеводъ вверхъ по Волгѣ; Строгановскій зовъ пришелся ему какъ разъ по сердцу. Со всей своей шайкой (въ ней было 540 казаковъ) Ермакъ приплылъ по Камѣ и Чусовой къ поселку Строгановыхъ и былъ принятъ съ честью, съ привѣтомъ, со многими подарками.

Два года прожилъ Ермакъ у Строгановыхъ, оборонялъ землю отъ сосѣднихъ народовъ и ходилъ ихъ воевать въ ихъ же земляхъ. Когда стало вокругъ строгановскихъ поселеній мирно и покойно, Строгановы снарядили Ермака въ Сибирь. Въ помощь его казакамъ они снарядили

300 человѣкъ изъ русскихъ, татаръ, плѣнныхъ нѣмцевъ и литовцевъ; дали всѣмъ имъ жалованье, съѣстного запаса, пушекъ легкихъ, разнаго огнестрѣльнаго оружія и снаряда. Ермакъ взялъ вожатыхъ и толмачей, отстоялъ молебенъ и 1 сентября 1581 года пустился въ путь.

Четыре дня плылъ Ермакъ на стругахъ и плотахъ по рѣкѣ Чусовой. Рѣка была быстрая, каменистая; казаки уставали и часто останавливались на отдыхъ. Разъ пристали они къ большому камню, саженей 25 въ вышину и 30 въ длину; въ камнѣ было отверстіе въ ростъ человѣка. Казаки полѣзли въ отверстіе: видятъ — большая пещера и въ ней множество самодѣльныхъ покоевъ. Казаки отдохнули и поплыли дальше. Въ пѣснѣ поется, что они тутъ и зимовали:

И нашли они пещеру каменну
На той на Чусовой-рѣкѣ, на висячемъ большомъ каменю.
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ ту пещеру казаки,
Много не мало двѣсти человѣкъ;
А которыя осталися люди похужѣе,
На другой сторонѣ въ такую же пещеру убиралися, —
И тутъ имъ было хорошо зиму зимовать.

Камень этотъ по сю пору называется Ермаковымъ камнемъ. Когда добрались казаки до верховьевъ Чусовой-рѣки, стало мѣстами такъ мелко, что вода струговъ не подымала. Ермакъ ухитрился: снялъ паруса и растянулъ ихъ поперекъ рѣки; вода поднялась, и струги, одинъ за другимъ, прошли всѣ черезъ мель. Изъ Чусовой поплылъ онъ по Серебряной-рѣкѣ, отсюда переволокся посуху въ другую рѣку и такъ доплылъ до рѣки Туры.

Здѣсь начиналось Сибирское царство. До этого мѣста казаковъ никто не задиралъ, людей встрѣчали они мало, да и тѣ были бродячіе, кочевые; только глазѣли на казаковъ и уходили прочь. А съ рѣки Туры пошелъ народъ осѣдлый, пахотный, надо было ждать отъ нихъ

отпора. Такъ и случилось. Сибирскіе князьки стали нападать на Ермака. Бились они храбро, но выстаивать стойко не могли, потому что бились стрѣлами и огненнаго боя никогда не видали. На рѣкѣ Тоболѣ татары попытались остановить Ермака, протянувъ поперекъ рѣки желѣзныя цѣпи. Ермакъ придумалъ хитрое дѣло: онъ велѣлъ навязать пучковъ изъ хвороста, напялилъ на эти пуки казацкое платье и разставилъ ихъ въ лодкахъ, а самъ высадился на берегъ съ казаками и напалъ на татаръ съ тыла. Увидѣвъ, что и въ лодкахъ казаки, и на берегу казаки, татары ударились бѣжать, а Ермакъ, снявши цѣпи, поплылъ дальше.

Тѣмъ временемъ прибѣжалъ къ Кучуму одинъ татаринъ, котораго Ермакъ захватилъ-было въ плѣнъ, да потомъ выпустилъ, разспросивъ, что̀ нужно. Татаринъ этотъ сталъ разсказывать Кучуму про казаковъ разные страхи. Онъ говорилъ, что русскіе люди сильны, что когда стрѣляютъ изъ луковъ, то огонь пышетъ, дымъ валитъ и громъ гремитъ, что стрѣлъ хоть и не видать, но онѣ всякій доспѣхъ насквозь пробиваютъ. Кучумъ очень опечалился и заскорбѣлъ, но все-таки не захотѣлъ отдать Ермаку свое царство безъ боя; разослалъ гонцовъ и велѣлъ всему народу собираться на войну. Когда рати набралось довольно, Кучумъ послалъ противъ Ермака своего племянника, Маметкула, съ 10 тысячами конныхъ людей, а самъ окопался на берегу рѣки Иртыша, подъ горой. Маметкулъ напалъ на Ермака яростно, бился съ нимъ долго, цѣлыхъ пять дней; но одолѣть не могъ и побѣжалъ, сгубивъ много своего народа. Казаки поплыли дальше. Татары однако не отвязались; ѣхали берегомъ да пускали въ нихъ стрѣлы. Въ одномъ мѣстѣ собралось татаръ такое множество, что отъ стрѣлъ ихъ проѣзду не было. Ермакъ причалилъ къ берегу, кинулся на татаръ и побилъ ихъ крѣпко, но зато казаки были переранены всѣ до единаго.

Такъ добрался Ермакъ до горы на Иртышѣ, подъ которою окопался Кучумъ. Солнце садилось, биться съ Кучумомъ было уже поздно, да и устали казаки — надо было отдохнуть. А отдыхать на открытомъ мѣстѣ нельзя: Кучумово войско могло нагрянуть среди ночи. Осмотрѣвшись кругомъ, Ермакъ замѣтилъ на берегу городокъ, взялъ его съ бою и засѣлъ тамъ со своими казаками. Стояла ужъ ночь, осенняя, темная; подъ горою горѣли огни, копошились татары, изготовляясь къ завтрашнему бою; шумъ и гулъ отъ ихъ становища несся по рѣкѣ. Не до сна было казакамъ: сердце у нихъ щемило отъ тревоги. Собрались они въ кругъ совѣтъ держать. Одни кричали, что надо уходить домой, что разнаго добра ужъ набрано вдоволь, что итти на Кучума — значитъ лѣзть на вѣрную смерть; отъ труднаго похода и частаго боя у нихъ и 500 человѣкъ въ живыхъ не осталось, а у Кучума ратныхъ людей многія тысячи. Другіе, что̀ были посмѣлѣе, стояли заодно съ Ермакомъ и хотѣли итти впередъ. Они говорили: „Уходить поздно, рѣки ужъ мерзнутъ; а что татаръ много, такъ это ничего: били ихъ доселѣ, отчего не побить впередъ? Коли побѣжимъ, то худую славу заслужимъ; не такое дѣло обѣщали мы честнымъ людямъ, Строгановымъ. Пойдемъ впередъ. Господь намъ поможетъ, и память наша вѣчно жить будетъ“. Эта разумная и честная рѣчь ободрила всѣхъ, даже самыхъ робкихъ, и казаки въ одинъ голосъ положили биться съ Кучумомъ.

На утро 23-го октября, еле забрезжилъ свѣтъ, Ермакъ съ товарищами былъ уже на ногахъ. Казаки усердно помолились и смѣло пошли къ горѣ, гдѣ Кучумово войско окопалось и огородилось засѣкой. Стрѣлы сибиряковъ посыпались какъ частый градъ, и чѣмъ ближе подходили казаки, тѣмъ больше валилось у нихъ убитыхъ и пораненныхъ. Видя, что казаковъ мало, сибиряки смекнули, что въ чистомъ полѣ одолѣть ихъ будетъ легче;

прорвали въ трехъ мѣстахъ свою засѣку и схватились съ казаками въ рукопашную. Пошла сѣча: рубились саблями, кололись копьями, бились, схватившись за руки. Казаки стояли крѣпко, но и сибиряки не сдавали. Съ великимъ трудомъ казаки сомкнулись твердою стѣной, зарядили ружья и стали стрѣлять въ толпы. Сибиряки бросились назадъ въ засѣку, туда же вломились за ними казаки, а впереди всѣхъ Ермакъ и атаманъ Кольцо.

Не ясенъ-то соколъ по небу разлетываетъ,
Младъ Ермакъ на добромъ конѣ разъѣзживаетъ
По тыя по силы по татарскія;
Куда махнетъ палицей — туда улица,
Перемахнетъ — переулочекъ.

Наконецъ, казаки ранили Маметкула. Сибиряки выволокли его изъ боя и бросились бѣжать во всѣ стороны. Кучумъ до того времени стоялъ на горѣ и вмѣстѣ съ муллами (магометанскими священниками) молился Богу. Увидѣвъ, что рать его побита, онъ горько заплакалъ и побѣжалъ вслѣдъ за другими.

Казаки отдыхали трое сутокъ послѣ этой упорной битвы и хоронили своихъ мертвыхъ: ихъ набралось больше 100 человѣкъ. Напослѣдокъ, 26 октября, тронулись они къ городу Сибири. Тутъ не нашли они ни одной живой души, весь городъ былъ пустъ, словно вымеръ: жители разбѣжались невѣдомо куда. Многое множество золота, серебра, мѣховъ и разныхъ другихъ дорогихъ вещей нашли тутъ казаки и все по-братски подѣлили между собой.

Окольные сибирскіе народы теперь увидѣли, что имъ не подъ силу стоять противъ казаковъ. Они стали приходить къ Ермаку на поклонъ и просили у него мира. Ермакъ ласкалъ ихъ, обѣщалъ не обижать и отъ Кучумовыхъ обидъ оборонять. Окрестъ города Сибири все успокоилось, затихло, и такъ было всю зиму; одинъ

только разъ невѣдомо откуда, появился Маметкулъ и перебилъ двадцать казаковъ, накрывъ ихъ на рыбной ловлѣ. Пришла весна, стаяли снѣга, разлились рѣки; Ермакъ сталъ готовиться къ новымъ походамъ. Прежде всего полонилъ онъ Маметкула, потомъ по рѣкамъ Оби и Иртышу пошелъ воевать дальнихъ татаръ, остяковъ, вогуличей. Вездѣ Ермаку была удача, вездѣ добывалъ онъ русскому царю новыхъ данниковъ. Но зато число Ермаковыхъ товарищей все убывало: въ Сибирскую землю пришло ихъ 840, а теперь оставалось всего 300 человѣкъ. Съ такой малой силой нельзя было держаться въ далекомъ краю противъ великаго множества враговъ, и Ермакъ рѣшилъ послать о себѣ вѣсть къ царю Ивану Васильевичу, къ Строгановымъ, и просить подмоги.

Проявился въ Сибири славный, крѣпкій казакъ,
Славный, крѣпкій казакъ, по прозванью Ермакъ.
Ужъ какъ этотъ-то Ермакъ онъ сражался, не робѣлъ,
Онъ сражался, не робѣлъ, всей Сибирью завладѣлъ.
Завладѣвши всей Сибирью, онъ царю послалъ поклонъ:
„Ой ты гой еси, надежда-православный царь!
„Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
„Какъ и я-то Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
„Какъ и я-то, воровской донской атаманушка.
„Какъ и я-то гулялъ по синю морю,
„Что по синю морю по Хвалынскому,
„Какъ и я-то разбивалъ всѣ бусы-корабли,
„Какъ и тѣ-то корабли все не орленые;
„А теперича, надежда-православный царь,
„Приношу тебѣ буйную головушку
„И съ буйной головой царство Сибирское!“

Посломъ въ Москву поѣхалъ атаманъ Кольцо, который вмѣстѣ съ Ермакомъ за воровскія и разбойныя дѣла на Волгѣ былъ приговоренъ къ смертной казни. Прочитавъ присланную грамоту, царь сильно обрадовался, простилъ казакамъ всѣ ихъ прежнія провинности, хвалилъ Ермака и всѣхъ его людей и велѣлъ по церквамъ

служить молебны. Радостная новинка живо облетѣла Москву; народъ толпился въ церквахъ, на площадяхъ, на улицахъ; разсказывали и слушали про Ермака такія чудеса, какихъ и не бывало. Кольцо и его товарищей Иванъ Васильевичъ пожаловалъ деньгами, суконами, указалъ послать казакамъ въ Сибирь большое жалованье, а Ермаку — богатую шубу съ своего царскаго плеча, серебряный ковшъ и два дорогихъ доспѣха. Еще велѣлъ Иванъ Васильевичъ написать къ Ермаку милостивую грамоту и величалъ его въ грамотѣ княземъ Сибирскимъ, а въ помощь къ казакамъ снарядилъ двухъ воеводъ съ пятью сотнями стрѣльцовъ.

Атаманъ Кольцо съ воеводами и ратными людьми вернулся въ городъ Сибирь 1 марта 1583 года. Воеводы объявили Ермаку и казакамъ государеву милость, отдали имъ государево жалованье. Атаманъ и казаки много радовались и веселились, что государь не только имъ прежнія вины простилъ, но и за новую службу своею царскою милостію не обнесъ. Стали они дарить царскихъ воеводъ, кто чѣмъ могъ: соболями, лисицами и другимъ дорогимъ мѣхомъ, а Ермакъ на радости задалъ большой пиръ всѣмъ ратнымъ людямъ.

У казаковъ и стрѣльцовъ шло веселье, а бѣда ужъ въ дверь стучалась. Зима стояла суровая, сибирская, — носа нельзя было высунуть изъ избы; казаки не могли ни звѣря стрѣлять, ни рыбу ловить. Отъ недостатка свѣжаго корма пошли болѣзни, потомъ голодъ; перемерло много людей, умеръ и одинъ царскій воевода. А тутъ приспѣло и другое худо. Одинъ сибирскій князекъ, Карача, обманомъ заманилъ къ себѣ атамана Кольцо съ 40 товарищами и всѣхъ до одного перерѣзалъ. Узнавъ про это, окрестные народы поднялись на казаковъ и облегли городъ Сибирь, гдѣ засѣлъ Ермакъ. Казаковъ и стрѣльцовъ было мало, но они отсиживались долго и крѣпко. Наступилъ іюнь; съѣстной запасъ у Ермака

сталъ выходить, и онъ рѣшился на отчаянное дѣло. Ночью, когда татары спали, казаки большой толпой вышли изъ города, тихо подкрались къ становищу Карачи, кинулись на татаръ и принялись ихъ рѣзать. Заметались татары спросонокъ; слышатъ стоны и крики, а ничего впотьмахъ не видятъ. Когда занялась заря, татары пріободрились, но и казаки не сробѣли — забрались въ обозъ Карачи и стали оттуда отстрѣливаться. Напослѣдокъ, около полуденъ, татары не выстояли, побѣжали вмѣстѣ съ Карачею. Ермакъ вышелъ изъ города и бросился ихъ бить вдогонку. Миновала бѣда Ермака, но ужъ въ послѣдній разъ.

Стояло лѣто; изъ одной далекой басурманской стороны ждали въ городъ Сибирь купцовъ на ярмарку. Купцы эти два года прихаживали къ урочному времени, а теперь что-то запоздали. Ермакъ сталъ развѣдывать и узналъ, будто купцовъ не пропускаетъ царь Кучумъ. Ермакъ сейчасъ же отобралъ 50 человѣкъ самыхъ отважныхъ казаковъ и 5 августа 1584 г. пустился съ ними на поискъ вверхъ по Иртышу. Плыли цѣлый день, исходили не мало и береговъ, но ни купцовъ ни Кучумовыхъ людей не встрѣтили. Солнце стало садиться, приходилось ворочаться домой. Но отъ гребли противъ воды и отъ ходьбы казаки такъ утомились, что надо было дать имъ отдыхъ. Ермакъ повернулъ назадъ, причалилъ къ острову, велѣлъ привязать лодки и выходить на ночлегъ. Казаки вышли на островъ, разбили шатры и съ большой усталости завалились спать всѣ до единаго, даже сторожей не выставили. Ермакъ всегда былъ очень остороженъ, а на этотъ разъ оплошалъ.

Ночь была темная, ненастная; дождь лилъ ливмя; крѣпкій вѣтеръ свистѣлъ и вылъ; по рѣкѣ съ шумомъ ходили волны. Послѣ трудового дня казаки заснули, какъ убитые, и про татаръ забыли. А татары были близко: Кучумъ цѣлый день не терялъ Ермакова слѣда. Когда

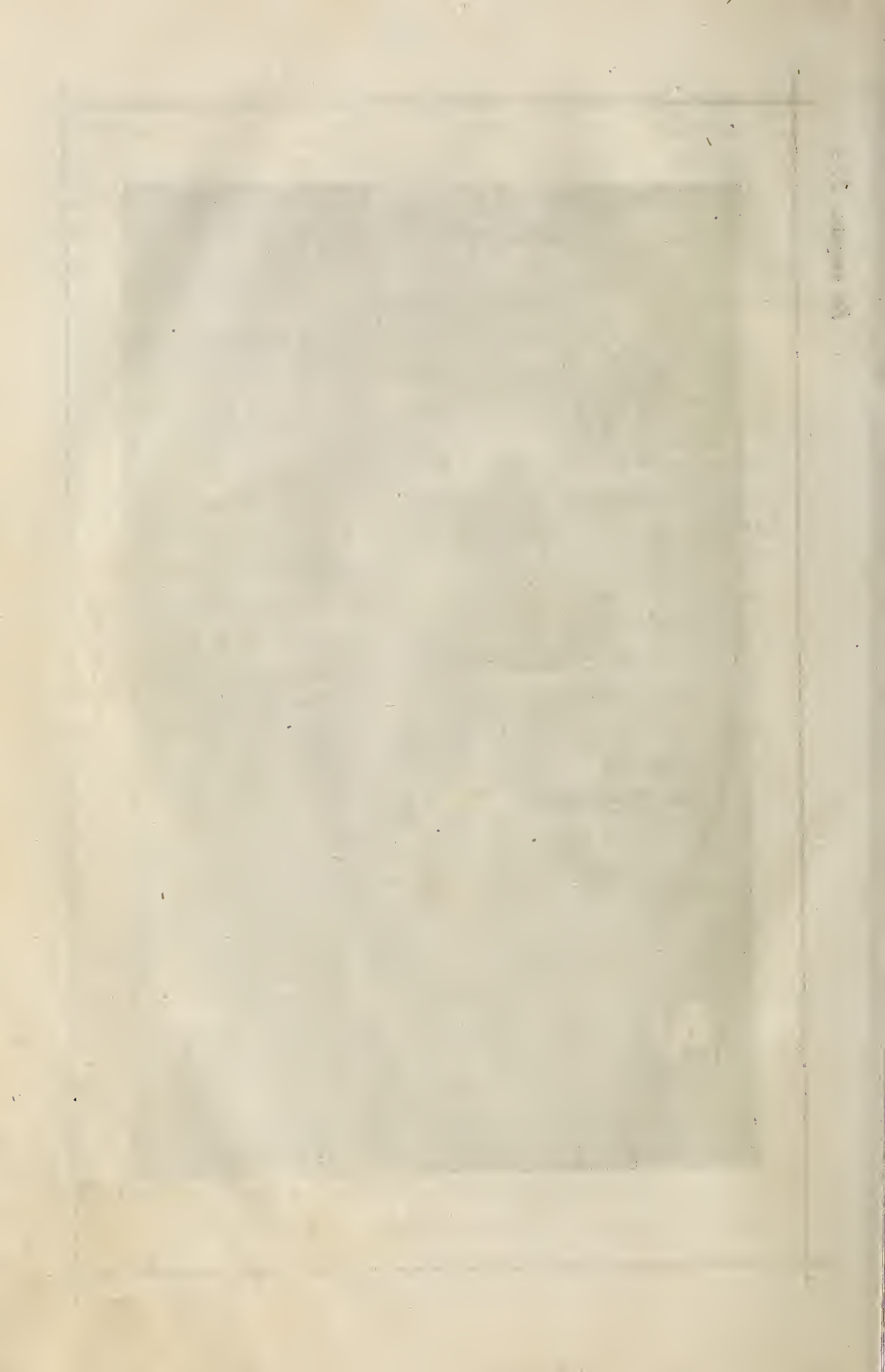
стала глухая ночь, онъ послалъ одного татарина искать къ острову бродъ; лодокъ у татаръ не было. Татаринъ этотъ былъ за что-то приговоренъ къ смерти; Кучумъ обѣщалъ его помиловать, если онъ доберется до казаковъ, не переполошивши ихъ. Татаринъ поѣхалъ, нащупалъ бродъ, высмотрѣлъ казаковъ и вернулся къ Кучуму. Услыхавъ, что казаки всѣ спятъ и сторожей не выставили, Кучумъ не хотѣлъ вѣрить такимъ словамъ, приказалъ татарину опять пробраться къ казакамъ и стащить у нихъ, что подъ руку попадетъ. Татаринъ отправился снова, перебрелъ рѣку и, какъ кошка, подползъ къ одному изъ шатровъ. Онъ просунулъ подъ шатеръ руку, вытащилъ три ружья, ползкомъ добрался до берега и принесъ ихъ къ Кучуму. Заиграло тогда сердце Кучумово. Онъ подъѣхалъ къ рѣкѣ, татары большой толпой, но тихо, съ опаской, стали переправляться. Казаки спали крѣпко и за воемъ вѣтра, за шумомъ волнъ не слыхали ничего. Татары перебрались на островъ благополучно, подкрались къ казакамъ, бросились на нихъ разомъ и стали рѣзать ихъ, какъ телятъ. Такъ погибли казаки; только два человѣка ушли отъ ножа татарскаго: одинъ добрался до гор. Сибири и принесъ товарищамъ вѣсть про гибель своихъ, другой былъ самъ Ермакъ. Услыхавъ суматоху и рѣзню, онъ вскочилъ на ноги и съ саблей бросился на татаръ, скликая товарищей. Но никто изъ казаковъ не подоспѣлъ на кличъ своего атамана; одни лежали зарѣзанные, другіе копошились подъ татарами. Увидѣлъ Ермакъ, что дѣло поправить нельзя, порубилъ нѣсколько татаръ и бросился къ лодкамъ; лодки отнесло на середину рѣки. Тогда Ермакъ кинулся въ воду и поплылъ къ лодкамъ, но тяжелый доспѣхъ такъ и тянулъ его ко дну. Бился, бился Ермакъ — и утонулъ.

Горько плакали казаки по своемъ удаломъ и разумномъ атаманѣ. Пропалъ Ермакъ, и имъ ужъ нечего было

Къ стран. 172.

Гибель Ермака.

дѣлать въ Сибири. Собрались они и вмѣстѣ съ царскимъ воеводой ушли на Русь. Въ гор. Сибирь опять вошелъ Кучумъ, опять пошло въ Сибирскомъ царствѣ все по-прежнему, какъ будто Ермакъ въ немъ и не бывалъ. Но не надолго заглохло великое Ермаково дѣло. Убѣжавъ изъ Сибири, казаки скоро вернулисъ съ новою ратной силой и покорили опять то, что̀ Ермакъ завоевалъ. А потомъ русскіе люди стали подвигаться все дальше, забирали земель все больше. Кончилось тѣмъ, что вся огромная страна, которая нынѣ зовется Сибирью, сдѣлалась русскою землею.

Память о Ермакѣ и его храбрыхъ товарищахъ не умерла и никогда не умретъ. Въ сибирскомъ городѣ Тобольскѣ выстроенъ покорителю Сибири большой памятникъ; въ тобольскихъ церквахъ до сихъ поръ поминаютъ убитыхъ казаковъ, и почти въ каждой сибирской избѣ красуется на стѣнѣ портретъ атамана-князя Ермака Тимоѳеевича.

XVI.

Царевичъ Димитрій.

Когда умеръ Иванъ Грозный, на московскій престолъ сѣлъ сынъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, государь кроткій, милостивый, богобоязненный. Начальные люди и все православное христіанство начали отъ бывшей скорби утѣшаться, отъ грознаго времени отдыхать. Но царь Ѳедоръ былъ умомъ и духомъ младенецъ, тѣломъ немощенъ и слабъ, а потому самъ править государствомъ не могъ, да и не хотѣлъ. Бояре закопошились, пошли между ними распри и споры за первое мѣсто при царѣ. Сначала самымъ сильнымъ человѣкомъ сдѣлался бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, а потомъ шуринъ царскій, умный и хитрый бояринъ Борисъ Годуновъ.

У покойнаго царя Ивана Васильевича Годуновъ былъ въ близкихъ людяхъ, но рукъ своихъ не кровавилъ, съ опричниками не злодѣйствовалъ. Онъ даже пытался защитить царевича Ивана Ивановича отъ руки государевой и за то вынесъ отъ царя тяжкіе побои и раны. Годуновъ былъ женатъ на дочери самаго злого опричника, Малюты Скуратова; этимъ, можетъ-быть, онъ и избылъ бѣду, остался цѣлъ, когда боярскія головы валились безъ счета. Сестра Бориса Годунова, Ирина, была замужемъ за царевичемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ. Когда грозный царь умиралъ, то Годуновъ былъ у него

въ такой милости, что одинъ изъ всѣхъ бояръ находился на исповѣди царской, и царь поручилъ ему своихъ дѣтей и царицу.

Новый царь, Θедоръ Ивановичъ, отдалъ Годунову почти всю свою власть, велѣлъ ему править Московскимъ государствомъ и о всякихъ дѣлахъ промышлять. Годуновъ не отказался отъ этой великой и тяжелой чести; показывалъ ко всему большую заботу и радѣніе, пытался вывести разбои, гналъ неправду, гдѣ его выгода не замѣшивалась. Въ его правленіе завязалась война со шведами и кончилась удачно; крымскій ханъ пытался напасть на Москву врасплохъ, но былъ отбитъ. Не забывалъ Годуновъ также дѣлъ иноземныхъ; онъ велъ переговоры съ Англіей, Австріей, Польшей, но велъ ихъ такъ, чтобы иноземные цари знали, какой онъ сильный человѣкъ: самъ пересылался съ ними грамотами и подарками, самъ принималъ пословъ. При немъ возвеличилась русская православная Церковь учрежденіемъ въ Москвѣ высокаго сана патріаршескаго; сдѣлалось это съ согласія и по благословенію Цареградскаго патріарха, который пріѣзжалъ въ Москву. Но хитрый Годуновъ и тутъ себѣ порадѣлъ: назначилъ патріархомъ Московскаго митрополита Іова, перваго своего благопріятеля и доброхота.

Забравъ въ свои руки царскую власть, Борисъ однако не былъ спокоенъ душой и съ тревогою думалъ, что̀ станется съ нимъ впереди. У царя Θедора дѣтей не было, да по недугамъ царя и ждать было нельзя, такъ что послѣ него приходилось сѣсть на царство малолѣтнему его брату, царевичу Димитрію. Димитрій родился незадолго до кончины Ивана Грознаго отъ пятой жены его Марьи, изъ рода Нагихъ. Какъ только Иванъ Грозный умеръ, начальные люди накинулись на Нагихъ за то будто бы, что тѣ замышляли посадить Димитрія на царство мимо старшаго его брата, Θедора. Всѣхъ На-

гихъ перехватали и послали на житье въ гор. Угличъ, давши царевичу и его матери полную царскую служню для почета. За это Нагіе ненавидѣли своихъ гонителей и тому же учили маленькаго царевича, такъ что послѣ смерти царя Ѳедора боярамъ нечего было ждать добра отъ Димитрія, а пуще всего несдобровать было Борису Годунову, главному виновнику въ этомъ дѣлѣ.

Слѣдовательно, Борису Годунову было о чемъ поразмыслить, пока время не ушло, пока царь Ѳедоръ живъ. Но не одна эта мысль не давала ему покоя. Онъ хотя и правилъ землей по своей волѣ, да не своимъ именемъ; хотя и стоялъ выше всѣхъ русскихъ людей, а все же билъ царю челомъ, какъ холопъ. Борисъ любилъ власть больше всего, но любилъ также и честь, которая власти воздается; былъ царемъ на самомъ дѣлѣ, но хотѣлъ быть имъ и по имени. Мысль о царскомъ престолѣ и о самодержавной власти закралась въ Борисову голову и засѣла въ ней крѣпко. Добраться до престола было дѣло не легкое, однако по времени не безумное. Царь Ѳедоръ былъ немощенъ, недолговѣченъ, бездѣтенъ, а царица была Борису сестра и много могла ему пособить. Дорога къ царскому престолу такъ и мерещилась Борису, такъ и манила его, и только одна стояла на ней большая помѣха — царевичъ Димитрій. Борисъ Годуновъ положилъ въ мысляхъ своихъ — избавиться отъ этой докучной помѣхи.

Прежде всего онъ не велѣлъ возглашать Димитрія на ектеніи, потому что Димитрій родился отъ пятой жены Ивана Грознаго и, значитъ, былъ незаконный сынъ. Но отъ этого запрета нечего было ждать большого толку: Димитрія всѣ называли царевичемъ, и весь народъ считалъ его наслѣдникомъ царскимъ, пока царь Ѳедоръ оставался бездѣтенъ. Сторонники Бориса стали распускать слухъ, будто Димитрій любитъ муки и кровь, будто своею рукой убиваетъ животныхъ, и выйдетъ изъ него

такой же лютый мучитель, какъ и его отецъ. Разсказывали, что царевичъ слѣпилъ изъ снѣга двадцать болвановъ, назвалъ ихъ именами начальныхъ бояръ и своею рукой отсѣкалъ имъ головы, руки или ноги, приговаривая: „такъ будетъ вамъ, когда я сдѣлаюсь царемъ“. Послѣ этого Годуновъ пошелъ къ дѣлу еще прямѣе — порѣшилъ извести Димитрія отравой. Мамка царевича, боярыня Василиса Волохова, и сынъ ея Осипъ взялись за это черное дѣло. Но, невѣдомо отчего, лихое зелье не вредило царевичу, онъ оставался живъ и здоровъ. Тогда Борисъ созвалъ всю родню и людей близкихъ и сталъ спрашивать у нихъ совѣта и помощи. Выискались люди, которые взялись покончить съ царевичемъ. Это были: Михайла Битяговскій, сынъ его Данила, племянникъ Никита Качаловъ и Осипъ Волоховъ. Борисъ наградилъ ихъ щедро, обѣщалъ еще больше и отправилъ въ Угличъ.

Люди эти, пріѣхавъ въ Угличъ, стали править тамъ всѣми земскими дѣлами и дворомъ царицы Марьи. Казалось бы, что свой злой замыселъ они исполнятъ скоро и легко, потому что могли бывать у царицы съ утра до вечера, смотрѣли за всѣмъ ея домашнимъ обиходомъ, за слугами, за стряпней. Однако вышло не такъ: добрый ли человѣкъ надоумилъ царицу, или сама она смекнула, только стала беречь свое дѣтище крѣпче прежняго. Ни днемъ ни ночью не спускала она его съ глазъ своихъ, никуда отъ себя не отпускала, никуда сама изъ хоромъ не выходила, развѣ въ церковь; изъ своихъ рукъ и кормила его, и поила. Битяговскій и его товарищи, видя, что имъ не удается извести царевича, тайкомъ, положили убить его явно; за себя они не боялись: знали, что Годуновъ выгородитъ. Въ субботу, 15 мая 1591 года, въ полдень, царица, вернувшись съ сыномъ отъ обѣдни, собиралась обѣдать; братья ея были на своихъ подворьяхъ, слуги готовили столъ. Зло-

дѣи ужъ обо всемъ между собой сговорились; заодно съ ними была мамка царевича, Василиса Волохова. Она позвала Димитрія выйти на дворъ погулять; кормилица стала-было ее уговаривать, чтобы не выводила ребенка изъ хоромъ, однако Василиса не послушалась, взяла Димитрія за руку и пошла; пошла съ ними и кормилица. Царица сказала, что тоже идетъ, но на бѣду замѣшкалась. Какъ только царевичъ вышелъ на крыльцо, къ нему подошли Данила Битяговскій, Качаловъ и Волоховъ. Волоховъ, взявши Димитрія за руку, сказалъ: „А у тебя, государь, новое ожерельице?“ Царевичъ улыбнулся и отвѣчалъ: „Нѣтъ, старое“. Въ эту минуту Волоховъ выхватилъ ножъ и ударилъ Димитрія. Ударъ былъ невѣрный, ножъ скользнулъ, не убилъ царевича, а только поранилъ ему шею. Волоховъ бросилъ ножъ и пустился бѣжать. Димитрій упалъ, кормилица повалилась на него, чтобы закрыть его отъ убійцъ, и стала кричать. Данила Битяговскій и Качаловъ кинулись на нее, избили до полусмерти и, вырвавъ царевича, зарѣзали его. Въ это время на крикъ кормилицы выбѣжала изъ дворца царица Марья и, увидѣвъ, что сынъ ея лежитъ весь въ крови и трепещетъ какъ голубь, упала безъ памяти.

На дворѣ не было ни души; только одинъ соборный понамарь, замѣшкавшись случаемъ на колокольнѣ, видѣлъ все, какъ было, заперъ дверь и ударилъ въ набатъ. Весь городъ переполошился, народъ мигомъ высыпалъ на улицу и побѣжалъ ко дворцу, высматривая дымъ и пламя. Добѣжавъ до дворца, толпа вломилась въ ворота и стала, какъ вкопанная: пожара не было, а на землѣ лежалъ зарѣзанный царевичъ, подлѣ него мать безъ памяти и избитая кормилица.

Михайла Битяговскій прибѣжалъ ко дворцу раньше другихъ, бросился прямо на колокольню и сталъ выламывать дверь, чтобы помѣшать звонарю полошить на-

Къ стран. 178.

Убіеніе царевича Димитрія.

родъ. Дверь однако не подалась, колоколъ гудѣлъ попрежнему, и на дворъ царицы все прибывали новыя толпы. Тогда Михайла Битяговскій смѣло пошелъ къ крыльцу, гдѣ лежалъ убитый царевичъ. Битяговскій сталъ уговаривать народъ не шумѣть и разойтись по домамъ: говорилъ, что въ смерти царевича ни на комъ вины нѣтъ, что онъ закололся самъ въ падучей болѣзни. Но народъ ужъ зналъ на комъ вина: царица Марья и кормилица сказали. Толпа завопила и стала швырять въ Битяговскаго каменьями; онъ убѣжалъ во дворецъ, толпа ворвалась за нимъ, выволокла его и убила. Потомъ народъ бросился въ городъ, отыскалъ Качалова и Данилу Битяговскаго и ихъ убилъ; Осипа Волохова искали долго и нашли уже тогда, когда царевичъ лежалъ въ гробу, въ соборѣ. Волохова привели въ соборъ и убили тамъ на глазахъ царицы, убили и еще 8 человѣкъ, которые будто были заодно съ злодѣями.

Расправившись съ убійцами, народъ утихъ, присмирѣлъ и съ тревогой ждалъ, чтò-то скажутъ въ Москвѣ. Начальные углицкіе люди не медля послали въ Москву гонца, доносили царю обо всемъ дѣлѣ безъ утайки. Но Борисъ Годуновъ разставилъ по углицкой дорогѣ своихъ людей: они останавливали и разспрашивали всѣхъ проѣзжихъ. Остановили и гонца, спросили, зачѣмъ и куда ѣдетъ, и привели къ Борису. Углицкую грамоту Борисъ утаилъ, а вмѣсто нея написалъ другую. Въ этой грамотѣ говорилось, что царевичъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, закололся ножомъ, что Нагіе не доглядѣли и, чтобы снять съ себя вину, напустили народъ на невиноватыхъ людей, и тѣ невиноватые люди народомъ перебиты. Грамоту эту снесъ Борисъ къ царю; царь горько заплакалъ, но всему повѣрилъ, сказавъ: „да будетъ воля Божія". Однако такое большое дѣло нельзя было оставить безъ сыска. Для сыска послали князя Василія Ивановича Шуйскаго съ другими именитыми людьми и

одного митрополита. Пріѣхавъ въ Угличъ 19-го мая, посланные отправились прямо въ соборъ, гдѣ стояло тѣло царевича, осмотрѣли его и похоронили. Потомъ стали спрашивать народъ, какъ случилось, что царевичъ себя закололъ? Всѣ отвѣчали, что царевичъ не самъ закололся, а зарѣзали его Битяговскіе съ товарищами, повинившись передъ смертью, что на то былъ приказъ Бориса Годунова. Послѣ этого перестали спрашивать міръ, а призывали людей къ допросу въ одиночку. Спрашивали, кого хотѣли и что̀ захотѣли, записывали тоже, что̀ хотѣли, и съ тѣмъ вернулись въ Москву. Тутъ они сказали царю, что Димитрій закололся самъ, въ припадкѣ чернаго недуга, въ то время, какъ игралъ съ малыми ребятали ножомъ въ тычку.

Нагіе вышли кругомъ виноваты; ихъ привезли въ Москву, судили соборомъ и крѣпко пытали; но они и съ пытки никакой вины на себя не приняли. Ихъ разослали по дальнимъ городамъ, царицу Марью постригли въ монахини. Тѣла Битяговскаго и его товарищей вынули изъ ямы, куда ихъ бросили угличане, отпѣли и похоронили съ честью. Угличанъ, человѣкъ 200, казнили смертію, другимъ отрѣзали языки, иныхъ засадили въ тюрьмы, а большую часть сослали въ Сибирь. Съ той поры городъ Угличъ запустѣлъ.

Неправый судъ не обманулъ народа. Народъ разумѣлъ, что царевича велѣлъ убить Борисъ, и не забылъ Борису этого злого дѣла. Съ той поры во всякой большой бѣдѣ народной сталъ Годуновъ безъ вины виноватъ. Москва погорѣла: Борисъ выстроилъ цѣлыя улицы, раздавалъ погорѣльцамъ деньги и льготныя грамоты, а народъ говорилъ, что Москву запалилъ Борисъ, чтобы потомъ милостями задобрить народъ и не пустить царя въ Угличъ доискиваться правды. Пришелъ крымскій ханъ подъ Москву: простые люди стали говорить, что подвелъ его Борисъ, боясь Русской земли за убійство царевича. У

царя родилась дочь, но черезъ годъ умерла: въ Москвѣ толковали, что уморилъ ее Борисъ. Наконецъ, занемогъ и умеръ самъ царь Ѳедоръ Ивановичъ, и тутъ не забыли Бориса: пронеслась смутная молва, что онъ извелъ царя.

XVII.

Крестьянская неволя.

Изстари, съ самаго начала Русской земли, крестьяне на Руси считались людьми вольными, назывались смердами, черными людьми и жили не только по деревнямъ, но и по городамъ. Были также на Руси и рабы, холопы, но они не считались крестьянами. Крестьяне могли владѣть землей, вести торгъ, рядиться съ кѣмъ угодно и на что угодно, даже могли владѣть холопями. А у холопа не было ничего своего; господинъ былъ воленъ безъ отвѣта не только надъ всѣмъ его добромъ, но и надъ его жизнію и смертію. Въ холопи попадали плѣнные, неисправные плательщики; въ холопи ину пору шли и вольные люди, которымъ и съ волей худо жилось. Подчасъ попадали въ холопи вольные люди и противъ своего хотѣнія, безъ вины, по суду неправому, по насиліямъ людей богатыхъ.

Пустопорожней земли на Руси лежало очень много, и занимать ее могъ всякій. Князья были рады, коли на гулящей землѣ садились люди, потому что съ обработанной земли шла въ княжескую казну подать, а съ души податей тогда не платили. Однако крестьянъ-собственниковъ было не много. Гулящую землю забирали подъ себя только тѣ, у кого хватало достатка поставить дворъ,

запастись рабочей скотиной, сѣменами на посѣвъ и вообще всѣмъ хозяйствомъ. Такіе люди садились на землѣ въ особину, т.-е. не обществами, а каждый со своей семьей; земля эта, хоть и не купленная, становилась ихъ вотчиной, пока они платили съ нея подати. Но были и другіе люди, у которыхъ не хватало достатка, чтобы обзавестись своей вотчиной. Такіе люди, собравшись вмѣстѣ, занимали дикую землю сообща, дѣлили ее на участки и обрабатывали, а потомъ обществомъ же и подати вносили. Наконецъ, много было народу совсѣмъ бѣднаго, неимущаго; такіе крестьяне шли на чужую землю и рядились съ вотчинникомъ. Вотчинникъ отводилъ имъ землю, давалъ рабочую скотину и все, что̀ нужно на хозяйство. За это крестьяне пахали на него пашню, косили лугъ, работали и всякую другую работу, которую по рядной записи порядились отбывать. Хоть и тяжело было крестьянину, а все же лучше, чѣмъ умирать съ голоду на даровой дикой землѣ. При счастіи онъ могъ тутъ разжиться и, разсчитавшись съ хозяиномъ по уговору, обзавестись гдѣ-нибудь своей вотчиной.

Крестьянъ, которые сидѣли на чужихъ вотчинахъ, съ годами все больше прибывало, особенно у богатыхъ и сильныхъ вотчинниковъ. Это оттого, что сильные и богатые люди сулили крестьянамъ разныя льготы; за такими хозяевами, кромѣ того, и жилось спокойнѣе: крестьянинъ не боялся тогда никакихъ властей. Потому и богатые крестьяне зачастую своей землей не обзаводились, а жили на чужихъ вотчинахъ. Хотя при этомъ и приходилось иному терпѣть отъ хозяина тяготу и притѣсненіе, но крестьянинъ разсчитывалъ, что отъ такого худа можно еще уйти, потому что онъ человѣкъ вольный, а въ рабочихъ людяхъ тогда нуждались всѣ. Сначала вольные люди переходили съ одной земли на другую, когда хотѣли, а потомъ на это установился срокъ, хотя и не для всѣхъ. Люди нетяглые, которые жили за

чужимъ тягломъ, т.-е. сыновья при отцѣ, братья при братѣ, племянники при дядѣ, могли уходить во всякое время; а крестьяне тяглые, т.-е. тѣ, что рядились тянуть тягло вотчиннику, могли уходить только около Юрьева осенняго дня, покончивъ съ хозяиномъ всѣ расчеты по уговору.

Къ концу царствованія Ивана Грознаго, крестьянъ-собственниковъ оставалось немного. Крестьянинъ только и глядѣлъ, какъ бы схорониться отъ властей и налоговъ за обществомъ, либо за богатымъ и сильнымъ вотчинникомъ. Въ эту пору въ Московскомъ государствѣ составлялись по временамъ писцовыя книги, и подати платились съ земли, которая въ эти книги была записана. Если въ крестьянскомъ обществѣ или какой-нибудь вотчинѣ жило, напримѣръ, 100 человѣкъ тяглыхъ, то подати такъ и сходили со 100 тяголъ до новыхъ книгъ, хоть бы въ это время 20, 30 тяглыхъ прибыло или убыло. Богатые вотчинники и помѣщики переманивали къ себѣ крестьянъ разными посулами послѣ того, какъ писцовыя книги были написаны. Чрезъ это другіе вотчинники или общества, отъ которыхъ крестьяне перебѣгали, должны были вносить подать въ казну и за тѣхъ, что тянули тягло, и за тѣхъ, которые съ тягловыхъ земель ушли. Подать, и безъ того большая, становилась еще тяжелѣе; отъ этой тяготы уходили другіе, остальнымъ приходилось уже невмочь: народъ разбѣгался, и земля ложилась пустою. А богатые вотчинники чрезъ это платили съ обработанной земли податей меньше, чѣмъ бы слѣдовало, хотя не всегда отъ этого было легче ихъ крестьянамъ. Залучивъ къ себѣ крестьянъ разными посулами, богатые вотчинники зачастую не держали своего слова и обижали ихъ такъ, что многіе убѣгали прочь. Голодъ, повальныя болѣзни, войны и военные грабежи мѣстами тоже пустошили землю; уцѣлѣвшіе крестьяне нищали, а поборы съ нихъ росли. Отъ та-

кого житья разбѣгались цѣлыя деревни; кто уходилъ въ батраки, кто въ казаки, кто отдавался въ холопи. Развелось пропасть бродячаго народу, пустующихъ земель все прибавлялось; напослѣдокъ огромныя мѣста дичали сплошь и лежали пустопорожнія, словно въ степи или дикой пустынѣ. Такъ, напримѣръ, при Ѳедорѣ Ивановичѣ по одной дорогѣ между Ярославлемъ и Вологдою стояло до полусотни деревень совсѣмъ пустыхъ; всѣ жители были въ бѣгахъ, не извѣстно гдѣ.

Хороша была воля крестьянская по закону, да не такъ хороша выходила на дѣлѣ. Эта воля только и отличалась отъ неволи что Юрьевымъ днемъ; а въ Юрьевомъ днѣ не всегда и не для всѣхъ былъ прокъ. Надо было разсчитываться съ хозяиномъ во всемъ, въ чемъ записью порядился; надо было и казенную подать внести безъ недоимокъ. Недобрый хозяинъ при этомъ насчитывалъ на крестьянина, Богъ знаетъ сколько, и даже просто не пускалъ его силой. Кромѣ того, крестьянину мало было уйти: надо было пріискать себѣ мѣсто на другой землѣ, чтобы не остаться безъ пропитанія, а на весь крестьянскій выходъ давалось только три недѣли сроку. Однако Юрьевъ день былъ все-таки большой праздникъ для крестьянъ: въ Юрьевомъ днѣ видѣли они хоть какую-нибудь волю.

Передъ Иваномъ Грознымъ, и особенно при немъ, очень много было роздано мелкихъ вотчинъ и помѣстьевъ служилымъ людямъ. Войны были частыя и тяжелыя; ратнымъ людямъ надо было дать достатокъ, чтобъ они могли нести государеву службу, иначе въ нужное время Русская земля могла остаться безъ рати и безъ обороны. Но одной земли было мало; земля одна ничего не стоила и дохода не давала; доходъ помѣщику давали тяглые люди, которые жили на его землѣ. Между тѣмъ, крестьяне на землѣ мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ жили неохотно и уходили больше къ богатымъ. Оттого

вотчины и помѣстья служилыхъ людей оставались безъ крестьянъ; земля ихъ пустовала, и государева ратная служба терпѣла изъянъ. Дѣло это задумалъ наладить Борисъ Годуновъ въ то время, когда при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ онъ правилъ государствомъ на всей своей волѣ.

Борисъ Годуновъ тогда уже положилъ въ своихъ мысляхъ — добраться до царскаго престола, а для этого ему нужно было набрать себѣ побольше сторонниковъ и доброхотовъ, чтобы при нуждѣ было кому за него стоять. На подмогу большихъ и знатныхъ бояръ надежды не было никакой: они смотрѣли на Бориса съ тайной злобой и завистью; каждый изъ нихъ былъ и самъ не прочь захватить высокое мѣсто Борисово и милость царскую. Самое прямое и выгодное для Бориса дѣло было притянуть на свою сторону мелкихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ. Въ нихъ была главная ратная сила, и Борисъ разсчитывалъ, что если они станутъ ему добра хотѣть, то большихъ бояръ нечего бояться. А чтобы добыть себѣ благопріятелей въ мелкихъ помѣщикахъ и вотчинникахъ, нужно было только не пускать съ ихъ земель тяглыхъ крестьянъ. Борисъ разсчитывалъ, что, помирволивши мелкопомѣстнымъ, онъ и ратную службу устроитъ, и царскую казну отъ недобора избавитъ. Тогда всякое тягло будетъ платить казенную подать за себя, и писцовыя книги не станутъ показывать податныхъ земель пустопорожними.

Ради такихъ выгодъ, въ 1592 году, по наговору Бориса Годунова, появился царскій указъ. Указъ этотъ заказалъ крестьянамъ выходъ въ Юрьевъ день и сдѣлалъ ихъ крѣпкими землѣ, на которой сидятъ. Черезъ пять лѣтъ вышелъ новый указъ: всѣхъ вольныхъ слугъ, которые служатъ господамъ съ полгода либо больше, велѣно записать за тѣми господами въ холопи.

Точно буря поднялась на Руси: пошли между людьми

побѣги, распри, раздоры; по дорогамъ умножились грабежи и душегубства; судамъ и тяжбамъ, обидамъ и притѣсненіямъ не было ни счету ни конца. Черезъ нѣсколько лѣтъ приспѣла новая бѣда — неурожай, а за нимъ голодъ. Чтобы народъ не перемеръ съ голоду, крестьянамъ опять дали выходъ въ Юрьевъ день, но только тѣмъ, которые жили на земляхъ мелкихъ владѣльцевъ. Богатые могли прокормить своихъ тяглыхъ людей, а потому у нихъ крестьянскій выходъ оставался попрежнему заказанъ. Но черезъ два года опять всѣхъ крестьянъ сдѣлали крѣпостными, и скоро про крестьянскіе переходы въ Юрьевъ день не стало ужъ ни рѣчи ни помину.

Борисъ Годуновъ прикрѣпилъ къ землѣ не всѣхъ крестьянъ, а только тяглыхъ; всѣ затяглые, гулящіе люди, братья при братьяхъ, племянники при дядяхъ, оставались на волѣ, пока не шли въ тягло. А какъ не всякій затяглый крестьянинъ могъ прокормиться безъ земли и, чтобы не помереть съ голоду, поневолѣ шелъ въ тягло, то поэтому крѣпостныхъ съ каждымъ годомъ все прибывало, а вольныхъ убывало. Крѣпостные люди однако еще не были на всей господской волѣ: господинъ не могъ владѣть крестьяниномъ, какъ владѣлъ холопомъ. Онъ продавалъ землю, а не крестьянъ; крестьяне переходили къ новому господину не потому, что ихъ продалъ старый, а потому, что продалъ землю, на которой они сидѣли. Но такъ шло не долго: помѣщики и вотчинники стали мало-по-малу забирать крестьянъ въ свои руки, мѣнялись ими промежъ собою, переводили ихъ съ одной земли на другую. Крестьянская неволя становилась все тѣснѣе и тяжелѣе; крестьяне бѣгали, помѣщики переманивали ихъ и укрывали, и такъ тянулось не годъ и не два, а больше ста лѣтъ.

Горе горемычное на гору идетъ,
Горе горемычное котомочку несетъ,

А въ той ли котомочкѣ все камешки.
Одежда на горюшкѣ изорванная,
Обувка на горюшкѣ истоптанная,
Веревочкой горе подпоясано.
Голова у горюшки повсклочена,
Брови-то у горя понасупились,
Щеки-то у горя понаморщились,
Головой-то горе покачиваетъ,
Ногами-то горе прихрамываетъ:
Знать, что тебѣ, горюшко, знакома печаль.

Сыщики ѣздили по волостямъ и селамъ, сыскивали бѣглыхъ, наказывали ихъ крѣпко и ворочали къ прежнимъ господамъ, на прежнія земли; но бѣгуны все не унимались. Тогда перевели тягло съ земли на людей, т.-е. подати стали сходить не съ земли, а съ душъ. Бѣглыхъ перестали ворочать на прежнія мѣста и правили подати съ каждаго, гдѣ бы кто ни жилъ. Господская воля надъ крестьянами выростала и крѣпла; помѣщики стали продавать ихъ безъ земли ужъ не тайкомъ, а по закону. Съ небольшимъ чрезъ сто лѣтъ послѣ Годунова, что крѣпостной крестьянинъ, что холопъ — сдѣлалось одно и то же.

Такъ дожила крестьянская неволя до нашего времени, до радостнаго дня 19-го февраля 1861 года, а съ нею дошла къ намъ и поговорка: „вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день“.

XVIII.

Гришка Отрепьевъ.

Въ 1598 году, когда кончался царь Ѳедоръ Ивановичъ, патріархъ и бояре спрашивали его, кому онъ приказываетъ царство. Царь отвѣчалъ: „Во всемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ; какъ Ему угодно, такъ и будетъ“. Какъ только умеръ царь, стали цѣловать крестъ на вѣрность женѣ его, царицѣ Иринѣ. Но Ирина уѣхала въ Новодѣвичій монастырь и постриглась въ монахини. Уѣхалъ за нею и братъ ея, Борисъ Годуновъ.

Ѳедоръ былъ послѣдній государь Рюрикова рода: приходилось выбирать царя. Собравъ духовенство, бояръ и многихъ людей, патріархъ Іовъ отправился въ Новодѣвичій монастырь умолять Годунова, чтобы пожаловалъ, сѣлъ бы на царство. Годуновъ отказался. Созвали земскій соборъ; патріархъ и Борисовы доброхоты заговорили о Годуновѣ съ похвалами, и соборъ выбралъ его въ цари. Но Борисъ хотѣлъ, чтобы его побольше упрашивали, и опять отказался. Патріархъ пошелъ въ Новодѣвичій монастырь въ третій разъ съ крестнымъ ходомъ. Стоя на колѣняхъ, всѣ плакали, кто по своей волѣ, а кто и по приказу, и просили царицу благословить Бориса на царство. Царица смилостивилась, благословила, и Борисъ больше не упрямился, согласился.

Царь Борисъ былъ милостивъ и нищелюбивъ, сбавилъ подати съ народа; попрежнему, какъ и при царѣ Ѳедорѣ, гналъ разбои, воровство и всякую неправду. Чтобы помѣщики и вотчинники не обижали крестьянъ, онъ установилъ, сколько крестьяне должны имъ платить за землю и какую отбывать на нихъ работу. Разумѣя, что для блага народнаго мало одного насущнаго хлѣба, Борисъ много заботился, чтобы русскіе люди перенимали иноземныя науки и чужіе языки. Вообще Годуновъ былъ государь очень разумный и свѣдущій; въ то время никто другой изъ знатныхъ русскихъ людей не былъ на государственное дѣло такъ годенъ и досужъ, какъ онъ. Можно было надѣяться, что Русская земля проживетъ подъ нимъ счастливо и покойно, что она отдохнетъ отъ прежнихъ своихъ бѣдъ и неустройствъ. Вѣрно оно такъ и вышло бы, если бы Борисъ былъ государь прирожденный. Онъ тогда правилъ бы землей со спокойной душой, не ждалъ бы себѣ ни отъ кого никакого зла, не боялся бы за свой царскій престолъ. Но Борисъ сѣлъ на царство хитростію и лукавствомъ и все думалъ, какъ бы на немъ удержаться; боялся бояръ, вездѣ чуялъ недобрые ихъ замыслы. Онъ сталъ вывѣдывать отъ холопей боярскихъ, не замышляютъ ли на него какого лиха ихъ господа. Людей, которые не хотѣли взводить на своихъ господъ напраслину, Годуновъ пыталъ, сажалъ по тюрьмамъ, рѣзалъ имъ языки, а злыхъ доносчиковъ жаловалъ деньгами и помѣстьями. Отъ этого развелись ложные доносы: доносили другъ на друга люди именитые, доносили священники, чернецы, жены на мужей, дѣти на отцовъ. Кровь неповинная лилась: люди невиноватые умирали отъ пытокъ, другихъ казнили, иныхъ разсылали въ дальнія мѣста и со всѣми домами разоряли. Такъ пострадали многіе, а въ числѣ ихъ и племянники царицы Анастасіи, Романовы. Старшаго Романова, Ѳедора Никитича, постригли въ мо-

нахи и нарекли Филаретомъ; постригли также и жену его. Къ бѣдамъ отъ доносовъ прибавились другія: неурожай, голодъ, моровое повѣтріе. Борисъ щедро раздавалъ милостыню, затѣвалъ разныя постройки, чтобы дать работу бѣднымъ людямъ, но всѣмъ бѣдствующимъ пособить не могъ. А потомъ приспѣло новое, небывалое зло: прошла молва, будто царевичъ Димитрій живъ и готовится согнать Бориса съ царства, а въ Угличѣ вмѣсто царевича былъ убитъ кто-то другой. Это была боярская выдумка; бояре ненавидѣли Бориса и подставили обманщика, чтобы надѣлать царю хлопотъ, а если удастся, то и свести его съ престола. Русскіе люди того времени говорили и въ лѣтописи записали, что царевичемъ Димитріемъ назвался чернецъ-разстрига, Гришка Отрепьевъ. Онъ былъ сынъ бѣднаго служилаго человѣка гор. Галича, на 15-мъ году постригся, бродилъ по разнымъ монастырямъ и наконецъ добрался до Чудовой обители въ Москвѣ. Здѣсь его увидѣлъ патріархъ Іовъ, посвятилъ въ діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго письма, ради того, что Отрепьевъ былъ грамотѣ гораздъ. Бывая съ патріархомъ у государя во дворцѣ, Отрепьевъ зорко присматривался ко всему обиходу царскому, прислушивался ко всѣмъ рѣчамъ, особенно къ тому, что̀ тайно говорилось про царевича Димитрія. Скоро сталъ онъ похваляться чудовскимъ монахамъ, что будетъ на Москвѣ царемъ. Слухъ объ этомъ дошелъ до царя Бориса, и онъ велѣлъ за вранье и пустыя рѣчи сослать Гришку въ дальній монастырь подъ крѣпкое начало. Но, видно, помогли сильные люди, Борисовы недруги: Отрепьевъ въ ссылку не пошелъ, а бѣжалъ изъ Москвы, бродилъ по разнымъ монастырямъ и потомъ ушелъ за литовскій рубежъ. Поживши тутъ въ разныхъ мѣстахъ и научившись латинскому и польскому языкамъ и ратному дѣлу, Отрепьевъ поступилъ слугой къ богатому и знатному князю Вишневецкому.

Здѣсь онъ прикинулся тяжело-больнымъ, призвалъ духовника и на духу сказался царевичемъ, но, пока не умретъ, просилъ никому объ этомъ не говорить. Священникъ не вытерпѣлъ, сказалъ князю Вишневецкому, а тотъ разгласилъ вездѣ по сосѣдству. Когда Отрепьевъ выздоровѣлъ, то Вишневецкій и всѣ сосѣдніе помѣщики стали оказывать ему большой почетъ, какъ царскому сыну. Узналъ и Сигизмундъ, король польскій и литовскій, пожелалъ видѣть русскаго царевича, принялъ его съ ласкою и велѣлъ давать ему большое жалованье на прожитокъ.

Такъ пошло въ ходъ дѣло, которое задумали бояре, Борисовы недруги. Но оно, можетъ, и не удалось бы, если бы не помогли Отрепьеву лукавые и безсовѣстные латинскіе монахи — іезуиты. Они готовы были накликать всякое зло на Россію, лишь бы подкопаться подъ православную вѣру и ввести свою, римскую. Они растолковали Отрепьеву, что не будетъ ему удачи и подмоги въ Польшѣ и Литвѣ, пока онъ не пообѣщается ввести въ Московскомъ государствѣ латинство. Отрепьевъ обѣщалъ и самъ принялъ тайкомъ римскую вѣру. А чтобы надежнѣе скрыть свое самозванство, онъ назвалъ Григорьемъ Отрепьевымъ одного пьянчугу-монаха, который при немъ проживалъ.

Послѣ этого іезуиты стали хлопотать, чтобы король далъ Отрепьеву рать. Сигизмундъ не хотѣлъ вплетаться въ войну съ Борисомъ, но не хотѣлъ и іезуитамъ отказать. Онъ призвалъ къ себѣ сендомирскаго воеводу, Юрія Мнишка, и дозволилъ ему, набравъ охочихъ людей, итти съ самозванцемъ въ Московское государство, будто по своей волѣ, безъ королевскаго слова. Этого Мнишка Отрепьевъ зналъ уже раньше; его красавица-дочь Марина сильно приглянулась и полюбилась самозванцу. Отрепьевъ посватался, Марина обѣщалась, но свадьбу отложила до того времени, когда женихъ сядетъ на московскомъ престолѣ.

Борисъ сильно перепугался, узнавъ, что дѣло завязалось не шуточное. Онъ послалъ въ Польшу и Литву грамоты, въ которыхъ писалъ, что царевичъ Димитрій давно умеръ, а теперь его именемъ назвался обманщикъ, бѣглый монахъ. Патріархъ Іовъ всенародно проклялъ Гришку; князь Василій Шуйскій объявилъ, что царевичъ закололся въ Угличѣ. Но все это не помогало; народъ толковалъ, что Шуйскій и патріархъ говорятъ такъ поневолѣ, царя боятся, а Борису другого и говорить нечего. Въ народѣ тишкомъ разсказывали, что царевичъ былъ спасенъ лѣкаремъ, который подмѣнилъ его поповичемъ, что этого-то поповича и зарѣзали въ Угличѣ. Эту басню сплелъ про себя въ Польшѣ Григорій Отрепьевъ, съ его словъ говорили и на Руси; толковали и многое другое про чудесное спасеніе царевича.

Мнишекъ собралъ небольшую рать изъ всякаго польскаго и литовскаго сброда; къ ней пристали многіе изъ московскихъ бѣглецовъ. Донскіе казаки тоже прислали къ самозванцу полкъ; они крѣпко не любили Бориса за то, что онъ ихъ тѣснилъ и не давалъ разбойничать. Всего набралось у Отрепьева 4000 ратнаго народа, и въ октябрѣ 1604 года онъ перешелъ рубежъ Мовсковскаго государства. Украинскіе города одинъ за другимъ стали отворять ему ворота; не поддавался только Новгородъ-Сѣверскій, въ которомъ засѣлъ воевода Басмановъ. Борисъ выслалъ на самозванца рать; Отрепьевъ ее разбилъ. Борисъ выслалъ новые полки; тѣмъ удалось побить самозванца, но отъ этого большой бѣды ему не вышло: казаки прислали подмогу. Къ тому же царскіе воеводы волочили дѣло, службу государеву несли лѣниво, точно сонные, да и простые ратники бились неохотно, не зная, на чьей сторонѣ правда.

Такъ прошло полгода. Въ 1605 году, 13 апрѣля, царь Борисъ, отобѣдавши, всталъ изъ-за стола, какъ

вдругъ кровь хлынула у него изо рта, ушей и носа. Черезъ два часа царя не стало; Москва спокойно цѣловала крестъ сыну его, Ѳедору. Противъ самозванца новый царь послалъ Басманова, того самаго храбраго воеводу, который оборонялъ Новгородъ-Сѣверскій. Пріѣхавъ къ войску, Басмановъ увидѣлъ, что воеводы и и ратные люди шатки и нестоятельны, что прямой и крѣпкой службы ждать отъ нихъ нельзя. Тогда онъ рѣшился на черное дѣло: объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій, и передался самозванцу. За нимъ потянулись почти всѣ, остальные побѣжали въ Москву.

Биться было не съ кѣмъ; Отрепьевъ пошелъ къ Москвѣ, а напередъ послалъ туда бояръ, своихъ доброхотовъ, и отправилъ вѣрныхъ людей къ инокинѣ Мароѣ, матери царевича Димитрія. Бояре-измѣнники взбунтовали народъ, свели Іова съ патріаршаго престола, а царя Ѳедора Борисовича и его мать убили. Инокиня Мароа была женщина слабодушная: самозванцевы посланцы застращали ее такъ, что она согласилась назвать обманщика своимъ сыномъ и про воровство его никому не объявлять. 20-го іюля Отрепьевъ въѣхалъ въ Москву. Духовенство встрѣтило его съ крестами, колокола звонили, народъ тѣснился на улицахъ, взбирался на кровли, на колокольни. Всѣ радовались и веселились, падали передъ самозванцемъ на колѣни и кричали: „Дай, Господи, тебѣ, государь, здоровья; ты наше солнышко праведное!“ Москва, а за нею и все государство цѣловали ему крестъ по охотѣ, безропотно. Скоро послѣ самозванецъ вѣнчался на царство.

Первымъ дѣломъ самозванца было поставить патріарха, который бы ему добра хотѣлъ: для этого онъ выбралъ рязанскаго архіерея Игнатія, лукаваго и изворотливаго грека. Романовыхъ, Нагихъ и другихъ бояръ, которые пострадали при Борисѣ, названный царь вернулъ изъ ссылки, осыпалъ милостями, честилъ какъ

своихъ сродниковъ, а Филарета Никитича сдѣлалъ даже митрополитомъ. Бояринъ Бѣльскій, который былъ пѣстуномъ царевича Димитрія, на лобномъ мѣстѣ всенародно цѣловалъ крестъ, что новый царь есть истинный Димитрій. Съ инокиней Мароой самозванецъ свидѣлся подъ Москвой; бывшая царица показала къ нему большую любовь и ласку, а самозванецъ, какъ почтительный сынъ, версты три шелъ съ непокрытой головой подлѣ царицыной колымаги.

Сдѣлалось дѣло, на Руси не виданное: бродяга-обманщикъ взобрался на царскій престолъ. Въ пѣснѣ поется:

На насъ, Господи, разгнѣвался,
На славное царство Россійское,
На Россійское царство, на Московское,
Далъ, Господи, царя нечестиваго;
Называется, собака, прямымъ царемъ,
Димитріемъ царевичемъ Московскіимъ.

Чтобы такъ обморочить Русскую землю, надо было много смѣлости и смышлености: и того и другого у самозванца было довольно. Онъ былъ ума остраго, быстраго, ни отъ чего не становился втупикъ, ни передъ чѣмъ не робѣлъ, все казалось ему нипочемъ. Забравшись на царство, онъ принялся судить и рядить, какъ будто это было для него дѣло обычное. Въ царской думѣ бояре толковали иногда по нѣскольку часовъ и все безъ толку; самозванецъ смѣялся надъ ними и сразу рѣшалъ дѣло прямо и вѣрно. Въ думѣ онъ бывалъ каждый день и два раза въ недѣлю самъ принималъ отъ народа челобитныя; римскую вѣру свою онъ таилъ отъ всѣхъ и вовсе не думалъ православныхъ поворачивать въ латинство. Онъ разумѣлъ, что это дѣло несбыточное, и взяться за него, значитъ наложить на себя руки. Однако, чтобы не поссориться съ іезуитами, онъ позволилъ имъ проживать въ Кремлѣ, завести тамъ свою церковь и служить въ ней латинскую обѣдню.

Такая новинка показалась народу дѣломъ непригожимъ и нечестивымъ. Нашлось и многое другое, что̀ названный царь дѣлалъ не по старинѣ, противъ русскихъ обычаевъ и порядковъ. При всемъ своемъ разумѣ и досужествѣ самозванецъ былъ человѣкъ легкомысленный, подчасъ ребячливый, нрава живого, нестойкаго, безъ выдержки. Такому человѣку мудрено было усмотрѣть за каждымъ своимъ словомъ, за каждымъ шагомъ, а смотрѣть было надо. Во время царскаго столованья не по обычаю играла музыка, пѣлись пѣсни; передъ обѣдомъ самозванецъ не молился, послѣ обѣда не умывалъ рукъ и не спалъ, въ баню не ходилъ, ѣлъ телятину, уходилъ изъ дворца самъ-другъ, какъ простой человѣкъ. Про нечестіе его поется въ пѣснѣ такимъ образомъ:

Всѣ князи-бояре къ обѣднѣ пошли,
Воръ Гришка-разстрижка въ мыльню пошелъ;
Всѣ князи-бояре Богу молятся,
Воръ Гришка-разстрижка въ мыльнѣ моется;
Всѣ князи-бояре отъ обѣдни пошли,
Воръ Гришка-разстрижка съ мыльни идетъ.

Оттого про самозванца стали ходить въ Москвѣ дурные слухи. Распускали ихъ больше всѣхъ Шуйскіе, особенно князь Василій, тотъ самый, что развѣдывалъ въ Угличѣ про смерть царевича Димитрія. Басмановъ донесъ самозванцу; Шуйскихъ перехватали, судили соборомъ, и Василія Шуйскаго, какъ всему дѣлу заводчика, приговорили къ смертной казни. Самозванецъ простилъ его при самой плахѣ и велѣлъ только сослать вмѣстѣ съ другими виноватыми въ дальнія мѣста; однако и этого не сдѣлалъ, вернулъ всѣхъ съ дороги и простилъ совсѣмъ. Но не одни Шуйскіе называли его обманщикомъ и воромъ. Въ городѣ Галичѣ еще были живы Отрепьевы, мать и дядя самозванца; они громко говорили, кто таковъ на Москвѣ царь, — дядю сослали

въ Сибирь, мать не тронули. Въ Москвѣ многіе говорили то же самое, — двухъ человѣкъ схватили и казнили.

Прошелъ безъ малаго годъ; въ Москву пріѣхала невѣста Отрепьева, Марина Мнишекъ, съ отцомъ своимъ и съ двумя тысячами поляковъ. Самозванецъ повѣнчался съ нею 8-го мая, на пятницу и на Николинъ день, противъ устава и обычая церковнаго. И про это дѣло также упоминается въ дошедшей до насъ пѣснѣ:

Не долго разстрига на царствѣ сидѣлъ,
Захотѣлъ разстрига женитися:
Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
Бралъ онъ, разстрига, въ проклятой Литвѣ,
У Юрія, пана сендомирскаго,
Дочь Марину Юрьевну,
Злу еретицу, безбожницу,
На великій праздникъ Николинъ день,
Въ четвергъ, у разстриги свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день.

Въ народѣ роптали на названнаго царя за то, что онъ живетъ не по старинѣ, но все-таки любили его за добрый и милостивый нравъ и почти всѣ вѣрили, что онъ не обманщикъ, а царь прирожденный. Народъ былъ крѣпко золъ только на поляковъ, которые буйствовали въ Москвѣ и обижали русскихъ людей: на поляковъ всѣ готовы были подняться по первому слову. Василій Шуйскій ухватился за это, чтобы погубить самозванца.

Стакнувшись съ нѣкоторыми боярами, Шуйскій позвалъ ихъ къ себѣ ночью — держать совѣтъ. На совѣтъ пришли также многіе торговые и ратные люди. Шуйскій сказалъ на совѣтѣ прямо, что Отрепьева пустили на царство только для того, чтобы избавиться отъ Годунова: между тѣмъ, онъ не держится старины, сдружился съ иноземцами, и отъ его нечестія грозитъ православной вѣрѣ великое зло, поэтому надо его избыть не медля. Всѣ согласились на это и обѣщали держать дѣло въ тайнѣ. Но такъ какъ нельзя было надѣяться,

что народъ подымется на названнаго царя, то сборище рѣшило: въ урочный часъ ударить въ набатъ, кричать народу, что поляки бьютъ государя, броситься къ самозванцу, будто ради его обороны, и убить его. Народъ же тѣмъ временемъ пусть бьетъ поляковъ по мѣткамъ, которыя наканунѣ будутъ намѣчены на домахъ польскихъ.

Нѣмцы донесли Отрепьеву, что на него затѣвается что-то недоброе, что многіе люди обзываютъ его еретикомъ и воромъ, а жену его поганою царицей. Самозванецъ не только ихъ не слушалъ, но даже велѣлъ доносчиковъ наказывать. Такъ прошло нѣсколько дней. 16 мая бояре именемъ царскимъ приказали нѣмецкой стражѣ разойтись на ночь по домамъ, оставивъ во дворцѣ только 30 человѣкъ. Ночью, въ 4 часа, загудѣлъ набатъ у Ильи Пророка, и разомъ зазвонили всѣ колокола московскіе. Толпы народа хлынули на Красную площадь; тамъ ужъ сидѣли на коняхъ человѣкъ 200 бояръ и дворянъ. Кто изъ народа не зналъ изъ-за чего тревога, тѣмъ говорили, что поляки бьютъ бояръ и хотятъ убить царя. Шуйскій со своими отправился въ Кремль, другіе бросились на поляковъ.

Набатъ и тревога разбудили самозванца; но ему сказали, что гдѣ-то въ городѣ пожаръ, и онъ успокоился. Шумъ становился однако все сильнѣе, до Отрепьева доносились крики и вопли; онъ послалъ Басманова узнать, что̀ такое тамъ дѣется. Басмановъ выглянулъ изъ дворцовыхъ дверей и увидѣлъ толпу, которая кричала, чтобы выдали ей самозванца. Басмановъ захлоппулъ дверь, велѣлъ нѣмецкой стражѣ никого не впускать и, бросившись къ Отрепьеву, сказалъ ему, что Москва взбунтовалась. Самозванецъ, схвативъ мечъ, вышелъ на крыльцо, сталъ грозиться и кричать: „Я вамъ не Годуновъ!“ Изъ толпы стали въ него стрѣлять, самозванецъ спрятался за дверь. Басмановъ остался на крыльцѣ и принялся уговаривать бояръ; его убили

Къ стран. 199.

Смерть самозванца.

и сбросили съ крыльца. Толпа съ ревомъ полѣзла впередъ, на царскую стражу. Самозванецъ опять, было вышелъ, чтобы разогнать бунтовщиковъ, но видя, что они не унимаются, кинулся въ покои жены. Сказавъ ей, что народъ взбунтовался и чтобы она спасалась, онъ выскочилъ изъ окна на подмостки, которые стояли тутъ еще съ его свадьбы; хотѣлъ перескочить на другіе, но промахнулся, упалъ на дворъ, разбилъ себѣ грудь и вывихнулъ ногу.

Вблизи отъ этого мѣста стояли на стражѣ стрѣльцы; они услышали стоны, подошли и, увидѣвъ названнаго царя, отлили его водою. Придя въ память, самозванецъ сталъ упрашивать стрѣльцовъ, чтобы они его не выдавали, и сулилъ имъ многія награды. Стрѣльцы обѣщались, отнесли его опять во дворецъ и никого къ нему не допускали. Тогда соумышленники Шуйскаго стали грозиться, что пойдутъ въ стрѣлецкую слободу и изобьютъ женъ и дѣтей стрѣлецкихъ. Стрѣльцы испугались и вошли въ переговоры. „Если царица скажетъ“, говорили они: „что царь ей не сынъ, то воленъ въ немъ Богъ, стоять за него не будемъ“. Послали къ царицѣ гонцовъ и, поджидая ихъ, ругали и били самозванца. Посланные скоро вернулись, и одинъ изъ нихъ сказалъ, что Марѳѣ царь не сынъ, что она сама это говоритъ; сынъ-де ея убитъ въ Угличѣ, а это самозванецъ. Слова эти повѣстили народу съ крыльца да еще прибавили, что названный царь самъ винится въ своемъ воровствѣ. Тогда со всѣхъ сторонъ поднялись крики: „бей его! руби его!“ Одинъ дворянинъ выстрѣлилъ въ самозванца изъ ружья, другіе бросились на него съ мечами, кололи его, рубили и сбросили его трупъ съ крыльца. Въ пѣснѣ про это поется хоть не совсѣмъ такъ, а похоже:

А въ ту пору стрѣльцы догадалися,
Въ Боголюбовъ монастырь металися,
Къ царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ:

„Царица ты, Марѳа Матвѣевна!
„Твое ли это чадо ца царствѣ сидитъ,
„Царевичъ Димитрій Ивановичъ!“
А въ ту пору царица заплакала
И таковы рѣчи во слезахъ говорила:
„А глупы, стрѣльцы, вы, недогадливы!
„Какое мое чадо на царствѣ сидитъ?
„На царствѣ у насъ сидитъ
„Разстрига Гришка, Отрепьевъ сынъ.
„Убитъ мой сынъ, царевичъ Димитрій Ивановичъ,
„Въ Угличѣ отъ тѣхъ бояръ отъ Годуновыхъ“.
Тутъ стрѣльцы догадалися,
Всѣ они собиралися,
Ко царскому крылечку металися,
И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.
Гришка-разстрига догадается,
Самъ въ верхни чердаки убирается
И накрѣпко запирается.
А злая его жена, Маринка-безбожница,
Сорокою обернулася
И изъ палатъ вонъ вылетѣла.
А Гришка-разстрига въ ту пору догадливъ былъ:
Бросился онъ съ тѣхъ чердаковъ на копья острыя
Къ тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ,
И тутъ ему такова смерть случилася.

Марина не ушла бы тоже отъ бѣды, если бы не подоспѣли бояре и не увели ее въ надежное мѣсто. Дворецъ былъ весь разграбленъ, и пока одни въ немъ хозяйничали, другіе перевѣдывались съ поляками, нападали на нихъ силою и выманивали обманомъ, убивали, грабили. Только за часъ до полудня кончилась рѣзня, и то потому, что бояре уняли; имъ дѣло было до самозванца, а не до поляковъ.

Самозванецъ и вѣрный его слуга Басмановъ трое сутокъ лежали на Красной площади: самозванецъ на столѣ, въ личинѣ, съ дудкой и волынкой, а Басмановъ на скамьѣ, у его ногъ. Потомъ Басманова погребли у Николы Мокраго, а самозванца въ убогомъ домѣ. Въ это

время стали морозы на цѣлую недѣлю и побили не только хлѣбъ, но и луговую траву. Въ народѣ заговорили, что все это дѣлается отъ волшебства еретика-разстриги; трупъ его вырыли изъ земли, сожгли, зарядили пушку пепломъ вмѣстѣ съ порохомъ и выстрѣлили въ ту сторону, откуда пришелъ самозванецъ.

XIX.

Князь Скопинъ-Шуйскій.

Послѣ смерти самозванца приходилось созывать земскій соборъ, чтобы всей землей выбрать царя. Это было не по душѣ Василію Ивановичу Шуйскому: онъ боялся, что соборъ его обойдетъ, и задумалъ сѣсть на престолъ безъ собора. Доброхоты и нахлѣбники Шуйскаго столпились на Красной площади и прокричали его царемъ; никто не смѣлъ имъ перечить, и Шуйскій сѣлъ на царскомъ престолѣ. Въ патріархи выбрали Гермогена, Казанскаго митрополита, а самозванцева Игнатія свели прочь.

Вѣнчаясь на царство, новый царь цѣловалъ крестъ, что по своей волѣ, безъ боярскаго слова, никакого большого дѣла дѣлать не станетъ. Эта новинка народу не полюбилась: своевольства и неправды боярской онъ боялся больше, чѣмъ царской полной воли. Не понравилось народу и то, что въ Москвѣ, назвавъ прежняго царя невѣдомо за что воромъ, убили его самовольно и самовольно же, не спросясь никого, посадили на царство другого. Новый царь не по сердцу пришелся и боярамъ: однимъ потому, что сами они добирались до царства; другимъ потому, что царь былъ скупъ, берегъ казну и имъ ничего не жаловалъ. Въ годъ съ небольшимъ Русская земля видѣла надъ собой ужъ четвертаго

царя, и двухъ изъ нихъ люди убили своимъ судомъ. Многіе перестали смотрѣть на царя, какъ на Божія избранника и помазанника, и ради своихъ выгодъ все хотѣли перемѣны. Въ народъ пускали разные глупые и недобрые слухи; люди простые, темные имъ вѣрили, а злые хоть иной разъ и не вѣрили, да показывали, будто вѣрятъ. Пошло между людьми недоумѣніе, колебаніе, потомъ появилась и измѣна.

Смута началась, какъ и при Годуновѣ, съ Сѣверской украйны; такъ пронесся слухъ, что царь Димитрій живъ, спасся изъ Москвы, что въ Москвѣ убили кого-то другого и что царь проживаетъ въ Литвѣ. Бывшій холопъ Иванъ Болотниковъ поднялъ крестьянъ и холопей на господъ, обѣщалъ имъ волю, помѣстья, уговаривалъ стоять за царя Димитрія. Вслѣдъ за Сѣверской землей поднялось далекое Заволжье, Рязань, Астрахань; становилось неспокойно въ самой Москвѣ. Царь уговаривалъ народъ, разсылалъ грамоты, перенесъ изъ Углича съ большимъ торжествомъ мощи царевича Димитрія, но народъ ужъ ничему не вѣрилъ. Царь выслалъ противъ сѣверскихъ бунтовщиковъ рати, но Болотниковъ побивалъ воеводъ царскихъ, шелъ все впередъ и подошелъ подъ самую Москву. Племянникъ царскій, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, разбилъ Болотникова и отогналъ отъ Москвы, но къ бунтовщикамъ пришли на подмогу новые люди. Царю великаго труда стоило справиться съ Болотниковымъ, и хоть онъ казнилъ этого измѣнника, но измѣна и смута не улеглись. Доселѣ про самозванца ходилъ только слухъ, а тутъ онъ и самъ появился. Никто не зналъ, откуда онъ взялся, только на Отрепьева онъ не былъ похожъ нисколько. Къ нему собрались русскіе измѣнники, привели свои дружины польскіе и литовскіе паны; пришли также казаки донскіе и днѣпровскіе. Новый воръ двинулся къ Москвѣ. Дорогою онъ подымалъ крестьянъ на помѣщиковъ, жаловалъ холопамъ

чины и, разбивъ царскаго брата, князя Димитрія Шуйскаго, остановился въ 12-ти верстахъ отъ Москвы, у села Тушина.

Выѣзжаетъ воръ-собачушка на добромъ конѣ,
На добромъ конѣ во чисто поле.
Становился воръ-собачушка подъ столицею,
Подъ столицею, въ славномъ рубежѣ;
Онъ разставливаетъ бѣлъ тонкой шатеръ,
Разстилаетъ во шатрикѣ шелковый коверъ,
Разсыпаетъ на коврикѣ золоты бобы;
По бобамъ сталъ воръ-собачушка угадывати:
„Не казнятъ-то насъ и не вѣшаютъ,
„Ужъ и много насъ жалованьемъ жалуютъ“.

Тутъ, словно изъ земли, выросъ большой городъ, гдѣ пиръ шелъ за пиромъ, веселье за весельемъ, гдѣ всякаго добра было вдоволь. Иноземные купцы пріѣзжали сюда тысячами, ратные люди прибывали съ каждымъ днемъ. Сюда же залучилъ самозванецъ и Марину, перехвативъ ее на дорогѣ въ то время, какъ она изъ Москвы ворочалась домой. Марина перемогла совѣсть и женскій стыдъ, тайно обвѣнчалась съ самозванцемъ и объявила, что онъ истинный ея мужъ, который спасся въ Москвѣ отъ смерти. А въ Москвѣ въ это время было и смутно, и скорбно, и тѣсно. Царю было не подъ силу тягаться съ тушинскимъ воромъ, онъ ввелъ свое войско въ городъ, и воровскія дружины стали разъѣзжать подъ самыми стѣнами московскими. Москва словно оторвалась отъ Русской земли; ниоткуда не было ей подмоги; города русскіе либо задавались за тушинскаго вора, либо отстаивали самихъ себя. Бѣда грозила большая, близкая, и царь рѣшился просить помощи у короля шведскаго, Карла.

За этимъ дѣломъ поѣхалъ племянникъ царскій, князь Скопинъ-Шуйскій. Въ Новгородѣ его встрѣтили сначала съ честью и радостью, но потомъ черный народъ заволновался, Скопинъ тайкомъ вышелъ изъ города и съ

малою дружиной своею отправился по другимъ городамъ Новгородской волости. Но нигдѣ не принимали царскаго посла, всюду ужъ пробралась измѣна. Безъ пріюта, безъ крова бродилъ Скопинъ по болотамъ и дремучимъ лѣсамъ рѣки Невы и всякую минуту ожидалъ отъ измѣнниковъ своей гибели. Путь въ Шведскую землю былъ ему, правда, открытъ, но онъ не хотѣлъ прійти туда безпріютнымъ бродягой: тогда пропало бы дѣло, за которымъ царь его послалъ. Къ счастію, новгородцы скоро одумались и стали звать Скопина назадъ. Скопинъ вернулся въ Новгородъ, принялся собирать ополченіе и вошелъ въ переговоры со шведами.

Всѣми мѣрами таилъ Скопинъ отъ шведовъ, какая смута и неурядица была въ Московскомъ государствѣ, однако они не дались въ обманъ и за помощь свою дешево взять не захотѣли. Торговаться было нельзя, время не терпѣло. Договорились на томъ, что шведы пришлютъ пятитысячную рать, что русскій царь будетъ платить ей по мѣсяцамъ большое жалованье и уступитъ шведскому королю порубежный городъ Корелу съ уѣздомъ. Въ дошедшей до насъ пѣснѣ про это дѣло такъ поется:

Что ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ воевода московскій, князь Скопинъ,
Князь Михайла Васильевичъ,
Онъ походъ чинилъ къ Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ въ Новѣгородѣ,
Пріѣзжалъ онъ, Скопинъ, на съѣзжій дворъ,
Шелъ во и́збу во съѣзжую,
Садился Скопинъ наременчатъ стулъ,
А и беретъ чернильницу золотую,
Какъ бы въ ней перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Во Шведскую землю,
Къ любимому брату названому,
Къ шведскому королю Карлусу.

А отъ мудрости слово поставлено:
„А и гой еси, названый братъ,
„А ты, шведскій король Карлусъ!
„А и смилуйся, смилосердуйся,
„Смилосердуйся, милость покажи,
„А и дай мнѣ силы на подмочь.
„Наше сильно царство Московское
„Литва облегла со всѣхъ четырехъ сторонъ,
„И не можемъ мы съ ними управиться,
„Я закладываю три города русскіе“.
А честной король, честной Карлусъ,
Показалъ ему милость великую:
Отправляетъ силу съ трехъ земель
Того ратнаго люду ученаго.

Послѣ долгихъ переговоровъ шведы изрядились къ походу и подъ начальствомъ Делагарди перешли русскій рубежъ. Слово свое они сдержали свято: ихъ было пять тысячъ да кромѣ того тысячъ десять разнаго разноплеменнаго сброда. Скопинъ выѣхалъ къ Делагарди навстрѣчу за городъ, принялъ его, какъ избавителя, кланялся ему низко, дотрогиваясь рукой до земли. Шведы и русскіе двинулись впередъ и начали свое дѣло удачно: побили одинъ воровской полкъ, побили другой, отобрали много пушекъ, обозу, всѣ знамена и перебили полторы тысячи народу.

Да и было ужъ пора. Сила тушинскаго вора выросла; онъ завладѣлъ многими городами; одни задались за него волей, другіе онъ захватилъ силой: не было въ нихъ ни совѣта ни обереганья. Въ самой Москвѣ совершались дѣла непригожія: царемъ играли, какъ дѣтищемъ, служили ему не дѣломъ, а языкомъ; сегодня кланялись ему, завтра уходили въ Тушино и кланялись вору. Много было и такихъ перелетовъ, что, повинившись царю и получивъ отъ него милость и жалованье, уходили къ вору и брали жалованье также и съ него. Не стало у людей ни чести ни совѣсти; Московское государство, казалось, доживало свой послѣдній часъ.

Только одно святое мѣсто, Троице-Сергіевская лавра (въ 64 верстахъ отъ Москвы) не поддавалась ни измѣнѣ ни силѣ вражеской. Въ этомъ монастырѣ засѣла иноческая братія, старцы, служки, обыватели монастырскихъ слободъ и немногіе ратные люди, всего числомъ тысячи три.

Монастырь осадили 30 тысячъ поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ, били въ него изъ пушекъ, подводили подкопы, приступали приступами, но монастырь отбивался, стоялъ крѣпко. Отъ тѣсноты и худой воды пошли въ обители болѣзни; больные пухли и гнили, живые смердѣли, какъ мертвецы: въ день умирало по 20, по 30, по 50 человѣкъ, но лавра все держалась. Истомленныхъ защитниковъ укрѣпляла надежда на милосердіе Божіе да на помощь князя Скопина: до нихъ донесся слухъ, что князь, побивая поляковъ и измѣнниковъ, идетъ къ Москвѣ.

Скопинъ дѣйствительно шелъ понемногу впередъ. Подъ Тверью поляки крѣпко побили его рать, но Скопинъ не унывалъ; черезъ два дня побилъ ихъ въ свой чередъ и опять пошелъ впередъ. Скоро однако встрѣтилась ему помѣха, которой онъ никакъ не ожидалъ: иноземцы не захотѣли итти дальше. Они озлобились на Скопина за то, что онъ не дозволилъ имъ брать Тверь приступомъ, т.-е. спасъ городъ отъ грабежа; требовали также жалованье, которое имъ за два мѣсяца не было заплачено. Денегъ у Скопина не было, и взять ихъ было неоткуда; надо было подождать и потерпѣть, а ждать и терпѣть иноземцы не хотѣли. Делагарди уговаривалъ ихъ, грозился, но его не слушались. Съ печалью въ сердцѣ повелъ Скопинъ впередъ однихъ русскихъ и только послѣ многихъ переговоровъ выпросилъ у шведовъ 1000 человѣкъ подмоги. Польскіе начальные люди, свѣдавъ про этотъ раздоръ, вышли противъ Скопина съ сильной ратью, но были побиты. Послѣ этого

Скопинъ остановился, побоялся итти дальше съ малою силой, сталъ набирать ополченіе и велѣлъ иноземцамъ обучать людей ратному дѣлу, а чтобы добыть шведамъ денегъ, онъ разослалъ по вѣрнымъ городамъ грамоты, приказывалъ прислать подати государевы, просилъ доброхотныхъ даяній.

Вѣрныхъ царю городовъ къ тому времени прибыло ужъ не мало. Помогли этому сами поляки, а пуще казаки и русскіе измѣнники. Не было въ нихъ ни милости ни жалости: плѣнныхъ они топили, разстрѣливали; въ глазахъ родителей жгли дѣтей, головы ихъ носили на копьяхъ, грудныхъ младенцевъ разбивали о каменья. Русскіе тушинцы не только не мѣшали полякамъ сквернить святые храмы, но еще и сами имъ помогали: держали въ алтаряхъ собакъ и скотину, пеленами покрывали лошадей, на иконахъ играли въ кости. Избивъ людей и забравъ все, что̀ можно забрать, они остальное добро портили, сжигали, бросали въ воду. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ злодѣйствовали тушинцы, вмѣсто усадебъ лежали груды пепла; по дорогамъ валялись трупы, на которыхъ стаями сидѣли во̀роны; въ обглоданныхъ черепахъ людскихъ птицы вили свои гнѣзда. Медвѣди, волки, лисицы, зайцы свободно разгуливали по запустѣвшимъ городамъ и селамъ, гнѣздились въ избахъ, въ хоромахъ. Уцѣлѣвшіе люди прятались по лѣсамъ, по болотамъ, въ звѣриныхъ логовищахъ, скрывались отъ свѣта Божія, дрожали весь день за свою жизнь и какъ великаго блага ждали темной ночи. Но и ночь не всегда ихъ спасала: ночью было свѣтло, какъ днемъ, отъ зарева пожарнаго. Тушинцы съ гончими собаками отыскивали людской слѣдъ; слыша собакъ, люди не смѣли пошелохнуться въ своихъ трущобахъ; матери, удерживая крикъ младенцевъ, душили ихъ до смерти... Словно холмами, покрылась русская земля людскими могилами.

Невтерпёжъ стало русскому народу отъ такихъ злодѣйствъ; онъ всталъ на своихъ притѣснителей и принялся биться съ ними. Села, города, одни за другими, подымались противъ тушинскаго вора, и скоро всѣ сѣверныя и восточныя земли были снова подъ рукой царя Василія.

А въ Москвѣ было и смутно и голодно; народъ шумѣлъ, требовалъ хлѣба, грозился передаться вору. Только вѣсть о томъ, что Скопйнъ идетъ впередъ и что Богъ ему помогаетъ, усмиряла голодныхъ.

Скопину удалось наконецъ уломать иноземцевъ; Делагарди пришелъ къ нему опять и послалъ въ Швецію за новой ратью. Тѣмъ временемъ войско заняло слободу Александровскую и выгнало оттуда поляковъ. Скопинъ послалъ подмогу въ Троицко-Сергіевскую лавру и каждый день пересылался съ царемъ грамотами. Въ селѣ Александровскомъ была тогда вся сила, вся надежда Русской земли. Отъ одного Скопина чаяли спасенья; онъ одинъ былъ у всѣхъ и въ сердцѣ, и на языкѣ; про царя и не вспоминали. Въ то смутное время, когда цари мѣнялись часто, можетъ статься, многимъ приходило въ голову, что хорошо бы вмѣсто Василія поставить царемъ Скопина. Но отъ думы до дѣла далеко, особенно до дѣла такого смѣлаго и беззаконнаго. Однако нашелся человѣкъ, у котораго хватило на это духу; человѣкъ этотъ былъ рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ. Онъ былъ разуменъ, храбръ, смѣлъ до дерзости, имѣлъ нравъ твердый, желѣзный и горячо любилъ родную землю; но для него было все равно, какимъ путемъ добиваться до хорошаго дѣла — честнымъ или беззаконнымъ. Прежде онъ бунтовалъ заодно съ Болотниковымъ, потому что вѣрилъ, будто первый названный царь былъ истинный Димитрій и что въ Москвѣ убили не его; но, узнавъ правду, Ляпуновъ передался царю Василію и съ тѣхъ поръ спокойно сидѣлъ въ Рязани. Ляпуновъ не любилъ Шуйскаго,

не могъ простить ему, что онъ взобрался на престолъ не по избранію всей земли; служилъ царю только по нуждѣ, чтобы отъ смуты государство спасти. Когда же увидѣлъ, что смута не унимается, что при царѣ Василіи земля бѣдствуетъ пуще прежняго, Ляпуновъ послалъ къ Скопину грамоту, звалъ его на царство, а Василія осыпалъ укорительными словами. Скопинъ съ гнѣвомъ разорвалъ грамоту и велѣлъ схватить пословъ. Послы упали предъ нимъ на колѣни, плакали, клялись въ вѣрности, свалили всю вину на Ляпунова. Скопинъ смилостивился, отпустилъ ихъ и забылъ про ляпуновскую грамоту: въ честной душѣ Скопина не было мѣста для нечистой мысли.

Стоя въ слободѣ Александровской, Скопинъ не рѣшался еще итти на Тушино и поджидалъ новой подмоги иноземной. Но скоро пришло на тушинцевъ тяжелое время мимо Скопина. Поляки и литовскіе люди стояли и бились за вора ради своего прибытка, по своей волѣ, безъ королевскаго слова. Когда же Русская земля отъ неурядицы, ослабѣла и изныла въ конецъ, Сигизмундъ, король польскій и литовскій, задумалъ промыслить Русь на самого себя. Къ тому же шведы прислали московскому царю подмогу, а шведскій король былъ Сигизмунду врагъ. Изготовивъ наскоро рать, Сигизмундъ перешелъ рубежъ и осадилъ Смоленскъ, гдѣ засѣлъ воевода Шеинъ. Бѣда обрушилась однако не на Смоленскъ, а на Тушино: Смоленскъ держался крѣпко, а въ Тушинѣ встала смута. Тушинскіе поляки кричали, что не хотятъ отдавать королю Московскаго государства, потому что добыли его своей кровью и тяжкими трудами; спорили съ королевскими послами, шумѣли. На вора никто и смотрѣть не хотѣлъ: его поносили въ глаза, грозили ему побоями. Вору приходилось плохо, и онъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, тайкомъ, въ навозныхъ саняхъ уѣхалъ въ Калугу. Послѣ этого тушинцамъ дѣлать было уже

Къ стран. 210.

Князь Скопинъ и послы Ляпунова.

нечего, и они, волей-неволей, вошли въ переговоры съ королемъ. Порѣшили посадить на Московское царство Сигизмундова сына, королевича Владислава, постановили объ этомъ договоръ; русскіе измѣнники цѣловали Сигизмунду крестъ на послушаніе и вѣрную службу. Но многіе тушинцы не захотѣли королевича и побѣжали въ Калугу. Туда же ускакала и Марина.

Такъ разсыпалась тушинская воровская сила, а это отозвалось и на Троицко-Сергіевской лаврѣ. Рать, которая осаждала лавру, не видя себѣ помощи изъ Тушина, не могла держаться дольше, да и Скопинъ былъ близко. Она бросила осаду и отступила. Троицкіе защитники, пробывъ въ осадѣ 16 мѣсяцевъ, не вѣрили глазамъ своимъ, цѣлую недѣлю сидѣли смирно и все ждали поляковъ. Но поляки не показывались, и слѣдъ ихъ простылъ. Тогда троицкіе защитники отъ всего сердца возблагодарили Бога и послали въ Москву къ царю инока со святой водой и съ доброю вѣстью. Скопинъ прибылъ въ монастырь, поздравлялъ храбрыхъ защитниковъ и, выславъ полкъ противъ отступившихъ поляковъ, побилъ ихъ жестоко. Тогда же пришелъ послѣдній часъ и Тушину: поляки сами запалили это воровское гнѣздо и разошлись въ разныя стороны.

Москва была теперь свободна, и Скопинъ въѣхалъ въ нее вмѣстѣ съ Делагарди 12 марта 1610 года. Люди именитые, князья, бояре стояли у городскихъ воротъ съ хлѣбомъ-солью; народъ тѣснился на дорогѣ далеко за городомъ. Какъ только подъѣхали Скопинъ и Делагарди, народъ бросился на землю, билъ князю челомъ и плакалъ отъ радости. Царь Василій также со слезами на глазахъ благодарилъ и честилъ побѣдителей. Давно уже Москва не видала такого торжества, давно въ ней не было такого веселья.

На великихъ тѣхъ радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами

И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ.
Отслужили обѣдни съ молебнами
И всю литургію великую;
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великій столъ
Про Скопина князя, Михайлу Васильевича,
Про весь православный міръ;
И велику славу до вѣку поютъ
Скопину князю, Михайлѣ Васильевичу.

Счастливая выпала доля князю Скопину. Онъ былъ молодъ, всего 23 лѣтъ отъ роду, статенъ, пригожъ, сердце имѣлъ доброе, кроткое, разумъ свѣтлый и зрѣлый не по лѣтамъ. Въ ратномъ дѣлѣ онъ былъ искусенъ и храбръ, но очень остороженъ; съ людьми, особенно съ иноземцами, обходился умѣючи. Въ то время Русская земля была полна лихихъ людей и лихихъ дѣлъ; одинъ Скопинъ богатъ былъ и дѣлами славными, и любовью народной; въ немъ одномъ видѣли спасеніе родной земли, грозу на злодѣевъ и измѣнниковъ. И всю эту честь, славу, любовь народную Скопинъ добылъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, тогда какъ другимъ въ иное время едва хватало на это долгаго вѣка. Русская земля ужъ утомилась отъ невзгоды и безвременья: она хотѣла покоя и готова была славить и величать выше мѣры того человѣка, который больше другихъ ей послужитъ. А Скопинъ послужилъ ей больше другихъ, честнѣе и счастливѣе другихъ. Оттого-то любили и хвалили его такъ, какъ никого не любили и не хвалили; потому-то благодарные русскіе люди величали его и за то добро, которое шло отъ него, и за то, которое шло помимо его.

Въ Москвѣ, гдѣ бы ни показался князь Михайла Васильевичъ, всюду его встрѣчали радостными криками, провожали добрыми пожеланіями. Скопинъ принималъ народную ласку безъ гордости, со смиреніемъ; былъ привѣтливъ и царю попрежнему покоренъ и послушенъ. Царь его жаловалъ, какъ перваго человѣка въ государ-

ствѣ, оказывалъ ему милость и любовь. Но не таковъ былъ братъ царскій, князь Димитрій Шуйскій. У царя не было дѣтей, и князю Димитрію приходилось послѣ него сѣсть на престолѣ; но, увидѣвъ, какъ велика любовь народная къ племяннику царскому, Димитрій сталъ бояться, чтобы царство не досталось Скопину. Онъ возненавидѣлъ Скопина и сталъ ложными доносами мутить царя. Онъ говорилъ, что Скопинъ хочетъ свести царя и сѣсть на его мѣсто самъ. Онъ говорилъ, что если бы не было у Скопина этой мысли, то не помиловалъ бы онъ безъ государева дозволенія ляпуновскихъ посланцевъ. Царь не давалъ вѣры злымъ рѣчамъ, сердился на брата и даже разъ выгналъ его отъ себя палкой. Но народъ не любилъ царя и его брата и втихомолку толковалъ, что они замышляютъ на Скопина недоброе; люди книжные называли Скопина Давидомъ, а Василія Сауломъ. Делагарди провѣдалъ про эти толки и слухи, про тревогу народную; остерегалъ Скопина, звалъ его въ станъ ратный. Но у Скопина совѣсть была чиста; онъ не вѣрилъ злымъ замысламъ и прямо, спокойно говорилъ о нихъ съ самимъ царемъ.

Тѣмъ временемъ въ Москвѣ готовились къ походу на враговъ, только тихо, не торопясь, словно нехотя; Скопинъ скучалъ отъ бездѣлья. 23 апрѣля были крестины у князя Воротынскаго, на пиру былъ и Скопинъ. Жена Димитрія Шуйскаго, дочь Малюты Скуратова, попотчевала Скопина медомъ, — онъ выпилъ и тутъ же на пиру тяжко занемогъ. Кровь ручьемъ лила у него изъ носа; больного отнесли на рукакъ домой, и чрезъ двѣ недѣли его не стало. Быстро разнесся слухъ объ отравѣ; говорили, что это дѣло Димитрія Шуйскаго. Ужасъ напалъ на народъ, а потомъ ярость: толпы повалили къ хоромамъ князя для расправы, и съ трудомъ отстояла его царская дружина.

Въ пѣснѣ поется, что на крестинахъ у князя Воро-

тынскаго кумомъ былъ Скопинъ, а кумою дочь Малюты Скуратова, и что она отравила Скопина зельемъ.

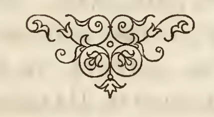
Втапоры она дѣло сдѣлала:
Наливала чару зелена вина,
Подсыпала въ чару зелья лютаго,
Подносила чару куму крестовому.
А князь отъ вина отказывался,
Онъ самъ не пилъ, а куму почтилъ:
Думалъ князь — она выпила,
А она въ рукавъ вылила.
Брала же она стаканъ меду сладкаго,
Подсыпала въ стаканъ зелья лютаго,
Подносила куму крестовому.
Какъ выпилъ князь Михайла Скопинъ,
Его рѣзвы ноги подломилися,
Бѣлы ручушки опустилися,
Къ вечеру князь преставился.

Въ молвѣ народной о кончинѣ Скопина не было правды, нѣтъ ея и въ пѣснѣ: такъ говоритъ одинъ иноземецъ, который былъ тогда въ Москвѣ и все это дѣло зналъ доподлинно. Царь горько плакалъ по своемъ племянникѣ и оказалъ ему честь неслыханную: похоронилъ въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ хоронили царей русскихъ. Не даромъ скорбѣлъ и плакалъ царь; опуская въ землю тѣло Скопина, онъ погребалъ вмѣстѣ съ нимъ и престолъ свой.

На несчастной землѣ Русской снова встали смуты и невзгоды. Первый поднялся Прокопій Ляпуновъ; обвиняя царя въ смерти Скопина, онъ взбунтовалъ многіе города и сталъ пересылаться съ калужскимъ воромъ. Иноземцы, не слушаясь Делагарди, измѣнили; царское войско было побито поляками и бѣжало. Воръ тронулся изъ Калуги и пошелъ къ Москвѣ, забирая города и села; пошли и поляки. Напослѣдокъ замутилась и Москва; 17 іюля 1610 года братъ Прокопія Ляпунова, Захаръ, поднялъ народъ и свелъ царя Василія съ престола. Черезъ два

дня его силой постригли въ монахи и отвезли въ монастырь, постригли также жену его, а братьевъ засадили подъ крѣпкую стражу. Неправдой сѣлъ Василій Ивановичъ Шуйскій на престолъ Московскаго государства, неправдой и сошелъ съ него.

Не удалось Русской землѣ избавиться отъ поляковъ и измѣнниковъ. Собиралась на нихъ гроза, да миновала: не стало князя Скопина-Шуйскаго.

XX.

Мининъ и Пожарскій.

Когда Василій Шуйскій былъ сведенъ съ престола, править землей стала боярская дума, пока народъ выберетъ царя. Но выбрать царя было мудрено, такая стояла рознь между русскими людьми. Одни хотѣли калужскаго вора; другіе, вмѣстѣ съ боярской думой, тянули на сторону королевича Владислава; третьи не хотѣли ни того ни другого. А невдалекѣ отъ Москвы стояли поляки и воръ; Москвѣ не подъ силу было отбиваться отъ нихъ обоихъ; надо было поторопиться, выбрать либо Владислава, либо самозванца. Сторонники королевича перемогли, выбрали его, и вся Москва цѣловала ему крестъ. Однако бояре боялись, чтобы москвичи не встали за вора, и потому тайкомъ, ночью, ввели поляковъ въ Москву.

Король Сигизмундъ въ это время стоялъ все еще подъ Смоленскомъ. Смоленскъ держался крѣпко: воевода Шеинъ былъ вездѣ самъ, за всѣмъ смотрѣлъ, отбивалъ приступы, ободрялъ ратныхъ людей. Боярская дума прислала сюда пословъ сказать королю, что его сынъ выбранъ на Московское царство, и велѣла бить челомъ, чтобы королевичъ принялъ православную вѣру, прежде чѣмъ поѣдетъ въ Москву. Но королю хотѣлось добыть Московское царство не для сына, а для себя; потому

онъ сталъ тянуть переговоры, лукавилъ, заманивалъ пословъ разными посулами и отъ прямого дѣла увертывался. Время шло въ спорахъ и пустыхъ рѣчахъ, дѣло не двигалось ни на пядь; наконецъ, король, разгнѣвавшись на пословъ за то, что несговорчивы, отправилъ ихъ въ Польшу и велѣлъ держать въ плѣну. Въ послахъ былъ митрополитъ Ростовскій, Филаретъ Романовъ.

Король не слукавилъ себѣ ничего добраго и только сыну напортилъ. Въ это время калужскій воръ былъ убитъ однимъ крещенымъ татариномъ, и отъ Владислава тотчасъ же отстали лучшіе его доброхоты: они держали его сторону только изъ-за того, чтобы не покориться подлому вору, а какъ самозванца не стало, то про королевича и думать не захотѣли. Русскіе люди стали сходиться міромъ и толковать, какъ бы всей землей встать противъ поляковъ и литвы и выгнать ихъ вонъ. Патріархъ Гермогенъ хотѣлъ того же самаго. Король Сигизмундъ былъ ярый католикъ, латинству въ своихъ русскихъ земляхъ норовилъ крѣпко и неустанно, а православіе тѣснилъ. Патріархъ Гермогенъ хорошо разумѣлъ, что если Сигизмунда пустить на Москву, то будетъ то же самое и на Москвѣ, и рано или поздно подчинятъ поляки русскую Церковь римскому папѣ. Гермогенъ, какъ истинно русскій и какъ начальный человѣкъ русской Церкви, не могъ и не хотѣлъ этого попустить; онъ грамотами сталъ подымать города на короля; города принялись пересылаться промежъ собой. Первый поднялся Прокопій Ляпуновъ съ рязанцами. Доселѣ онъ былъ вѣренъ королевичу Владиславу, потому что цѣловалъ ему крестъ и чаялъ отъ его царствованія большого добра Русской землѣ. Но увидѣвъ изъ Гермогеновой грамоты, что Сигизмундъ задумалъ совсѣмъ иное и только отводитъ русскимъ людямъ глаза, Ляпуновъ не медля поднялся на поляковъ. 25 городовъ выслали

къ нему свои ополченія, и онъ повелъ ихъ къ Москвѣ. Скоро пристали къ нему казаки, что служили прежде тушинскому вору. Ляпуновъ не задумался и съ казаками сойтись, лишь бы вѣрнѣе до желаннаго дѣла добиться. Сторонники королевича хотѣли-было помѣшать Ляпунову и осадили его въ одномъ городѣ, но ихъ отбилъ воевода князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Потомъ они осадили самого Пожарскаго, но Пожарскій побилъ ихъ опять и разогналъ въ разныя стороны.

Закопошились поляки въ Москвѣ, принялись готовиться къ отпору. До той поры они сидѣли смирно, москвичей не трогали; но какъ прослышали, что Русская земля подымается, стали буйствовать и дѣлать народу всякія обиды. Попробовали они уломать патріарха, чтобы на нихъ народа не подымалъ, но Гермогенъ былъ старикъ суровый, на прельщенія неподатливый, и полякамъ обойти его не удалось. Тогда за смѣлыя его рѣчи они засадили патріарха подъ стражу, не пускали народъ въ церкви, отобрали у всѣхъ оружіе, даже топоры у плотниковъ. Москвичи все терпѣли. Наконецъ, во вторникъ на Страстной недѣлѣ поляки стали звать извозчиковъ на работу: тащить пушки на башню. Извозчики не пошли, поднялся споръ, брань, крики. Нѣмцамъ показалось, будто Москва бунтуетъ; они бросились вмѣстѣ съ поляками на безоружный народъ и вырѣзали 7000 человѣкъ въ Китай-городѣ. Въ другой городской части, именно въ Бѣломъ-городѣ, народъ успѣлъ кое-какъ вооружиться; ударили въ набатъ, загородили улицы столами, скамьями, бревнами; стрѣляли въ поляковъ, бросали въ нихъ изъ оконъ чѣмъ попало. Къ этому времени прибылъ въ Москву князь Пожарскій: онъ отбилъ враговъ и вогналъ ихъ въ Китай-городъ. Вся Москва встала; поляки увидѣли, что имъ съ народомъ не совладать и задумали обуздать его огнемъ. Запалили въ Бѣломъ-городѣ, поднялся страшный вѣтеръ

и разогналъ огонь такъ, что къ вечеру пламя гуляло по всему Бѣлому-городу. На другой день зажгли въ другомъ мѣстѣ и напали на Пожарскаго. Пожарскій отбивался цѣлый день, былъ израненъ и отвезенъ въ Троицкій монастырь. Городъ выгорѣлъ до тла; осталось цѣло только то мѣсто, гдѣ сидѣли поляки: Китай-городъ да Кремль. Въ Москвѣ негдѣ было жить, въ лютый морозъ народъ выбрался въ поле.

На Святой недѣлѣ подошло ополченіе русскихъ городовъ и облегло Москву со всѣхъ сторонъ. Главными начальными людьми въ немъ были: Прокопій Ляпуновъ да казацкіе атаманы Заруцкій и князь Трубецкой. Между ними встали ненависть и раздоръ; всякій хотѣлъ быть больше другихъ. Ляпуновъ былъ и разумнѣе и во всемъ лучше своихъ товарищей, но очень гордъ, задоренъ, неуживчивъ и крутъ. Онъ попрекалъ Трубецкого и Заруцкаго ихъ прежнею воровскою службою въ Тушинѣ; да и не имъ однимъ, а всѣмъ большимъ людямъ отъ его гордости много позору было. Простые казаки тоже не любили его, потому что онъ не давалъ имъ грабить и за самовольство наказывалъ немилосердно. Поляки, что̀ сидѣли въ Москвѣ, свѣдали обо всемъ и задумали Ляпунова погубить. Они написали грамоту, въ которой онъ будто бы приказывалъ всѣмъ городамъ, какъ только Москва будетъ взята, бить и топить казаковъ безъ пощады, гдѣ бы они ни попались, и подъ этой грамотой искусно поддѣлали подпись Ляпунова. Грамоту эту поляки подослали казакамъ; казаки заволновались собрались въ кругъ, позвали Ляпунова и убили его.

Съ Ляпуновымъ погибло и дѣло, которое онъ замыслилъ. Въ русскомъ станѣ поднялась неурядица, какой еще не бывало. Казаки позорили ляпуновскихъ ратниковъ, увѣчили ихъ, побивали на смерть, такъ что разогнали почти всѣхъ; мало кто остался. Неладно было

и въ другихъ мѣстахъ. Смоленскъ, отбиваясь отъ короля 20 мѣсяцевъ, совсѣмъ изнылъ и изнемогъ; отъ недостатка соли пошла цынга, и изъ 80 тысячъ жителей едва осталось 8 тысячъ. Поляки пробили городскую стѣну и ночью взяли городъ приступомъ; смоляне заперлись въ церкви, подожгли въ погребѣ порохъ и взлетѣли на воздухъ, а воевода Шеинъ съ немногими товарищами попался въ плѣнъ. Иноземцы Делагарди, послѣ того какъ Москва цѣловала крестъ Владиславу, стали забирать русскіе города на шведскаго короля и даже захватили Новгородъ. Во Псковѣ появился новый воръ, Сидорка, и назвался царевичемъ Димитріемъ; въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ цѣловали крестъ сыну Марины Мнишекъ, что̀ родился отъ тушинскаго вора. По южнымъ рубежамъ пустошили землю крымскіе татары, по всей Русской землѣ бродили шайки разбойниковъ и грабителей.

Иноземное господство угрожало вблизи, за нимъ стояло ненавистное латинство; гибель смотрѣла въ глаза Русскому государству. Но Промыслъ Божій не попустилъ совершиться бѣдѣ. Честные люди, земскіе люди какъ будто прозрѣли: натерпѣвшись горя, они наконецъ увидѣли, что не время думать каждому только о себѣ, что всѣмъ надо быть въ совѣтѣ и согласіи и не жалѣть ничего для спасенія земли и вѣры. Духовенство и монастыри сильно помогали земству въ этомъ святомъ дѣлѣ, особенно Троицко-Сергіевская лавра. Архимандритъ этой лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ разсылали по городамъ грамоту за грамотой, подымая народъ. Пронеслось по всей землѣ слово, будто въ Нижнемъ-Новгородѣ одному богобоязненному человѣку было видѣніе: явились два старца и сказали, что Русская земля не спасется, пока не покается и не очистится. Во всѣхъ городахъ всѣмъ народомъ приговорили: поститься три дня и старому, и малому, даже груднымъ младенцамъ.

И весь благочестивый народъ три дня ничего не ѣлъ, а два дня ѣлъ сухо. Всѣ готовились на великое дѣло; всякій словно разумѣлъ, что близится время, когда Русская земля либо спасется, либо совсѣмъ погибнетъ.

Возстаніе началось съ Нижняго-Новгорода. Въ октябрѣ 1611 года пришла туда изъ Троицкаго монастыря грамота; старшіе люди собрались на совѣтъ. Пришелъ на совѣтъ и земскій староста, мясной торговецъ Козьма Мининъ Сухорукій, человѣкъ честный, очень разумный, съ чистой душой и твердымъ нравомъ. Онъ горячо любилъ родную землю и много бился за нее съ воровскими людьми. На совѣтѣ Мининъ сказалъ: „Св. Сергій явился мнѣ во снѣ и велѣлъ разбудить уснувшихъ; прочитайте грамоту въ соборѣ, а тамъ пусть будетъ, что̀ Богу угодно“. Совѣтъ согласился на Минину рѣчь. На другой день зазвонили въ большой соборный колоколъ; день былъ будній, народъ встревожился и повалилъ въ соборъ съ разными мыслями: кто ждалъ доброй вѣсти, кто боялся худой. Послѣ обѣдни протопопъ вышелъ передъ народъ, уговаривалъ всѣхъ именемъ Христовымъ стать за святую вѣру и прочиталъ троицкую грамоту. Затѣмъ появился Козьма Мининъ и сказалъ: „Коли вправду хотимъ спасти Московское государство, то не будемъ жалѣть ничего: продадимъ дворы, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ и будемъ бить челомъ, кто бы вступился за вѣру и былъ нашимъ начальникомъ“.

Нижегородцы встрепенулись, стали сходиться въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ, судили и рядили, какъ бы взяться за дѣло. Мининъ былъ вездѣ, толковалъ со всѣми, ободрялъ, уговаривалъ. Чтобы показать народу примѣръ, онъ отдалъ свои деньги на наемъ ратныхъ людей; за нимъ стали давать и другіе. Когда казны понакопилось, надо было подумать, кого выбрать начальникомъ. Мининъ сказалъ, что нѣтъ лучше воеводы. какъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Народъ

послушался, снарядилъ архимандрита со многими лучшими людьми и послалъ ихъ къ Пожарскому.

Князь Пожарскій проживалъ въ то время въ своемъ помѣстьѣ и лѣчился отъ ранъ, которыя получилъ въ Москвѣ. Это былъ воевода искусный, человѣкъ надежный и честный; ни въ какомъ дурномъ дѣлѣ онъ ни разу не былъ замѣшанъ, не тянулъ никогда за польскаго королевича, царю Василію и родной землѣ служилъ всегда вѣрно, много разъ побивалъ тушинцевъ и недавно еще пролилъ кровь свою въ бою съ поляками. Въ Пожарскомъ не было ни гордости ни спеси; онъ умѣлъ ладить съ людьми и ни передъ кѣмъ не величался своими заслугами. Только такой человѣкъ и могъ сослужить землѣ службу, какая была нужна. Разумный Мининъ оттого и указалъ народу на Пожарскаго, уговорившись прежде съ нимъ самимъ, чтобы отказа не было. И отказа не было: князь Пожарскій съ радостію взялся набирать рать и вести ее подъ Москву, но просилъ, чтобы нижегородцы выбрали человѣка, которому съ нимъ у такого великаго дѣла быть и казну собирать. Посланные отвѣчали, что у нихъ въ городѣ такого человѣка нѣтъ. Пожарскій сказалъ, что есть у нихъ Козьма Мининъ, бывалъ онъ человѣкъ служилый, и ему это дѣло за обычай. Вернувшись домой, посланные пересказали народу слова Пожарскаго; народъ сталъ бить челомъ Минину. Мининъ отказывался: ему хотѣлось, чтобы нижегородцы сдались на всю его волю. Народъ сдался. Мининъ написалъ грамоту, что нижегородцы обѣщаются быть во всемъ послушны начальнымъ людямъ, которыхъ выбрали; будутъ ратнымъ людямъ давать деньги, а когда понадобится, то не постоятъ за все свое имѣніе, продадутъ женъ и дѣтей. Нижегородцы подписали грамоту.

Получивъ въ свои руки власть, Мининъ принялся собирать казну со всѣхъ людей. Онъ поставилъ оцѣн-

щиковъ; оцѣнивалъ дворы, скотъ, всякое имѣніе и отъ всего бралъ деньгами пятую часть, а у кого денегъ не было, то имѣніе продавалъ. Не давалъ онъ льготы ни священникамъ ни монастырямъ, не норовилъ и не мирволилъ никому — всѣ платили. Безъ такой раскладки обойтись было нельзя, потому что въ семьѣ не безъ урода: одни готовы были не только свое добро, но и животъ положить за святое дѣло, другіе же думали отдѣлаться одними пустыми рѣчами да посулами. Честнымъ людямъ раскладка Минина въ обиду не служила; они давали не только безъ принужденія, но иногда даже больше, чѣмъ спрашивалось. Такъ, одна вдова, скопивъ многими годами 12 тысячъ рублей, отдала въ казну 10 тысячъ.

Вѣсть про нижегородскія дѣла живо разнеслась по Русской землѣ, разные люди стали толпами приходить въ Нижній, многіе города присылали денегъ. Пожарскій устраивалъ рать, Мининъ раздавалъ жалованье по статьямъ, кто чего по своей службѣ стóитъ; дворяне, у которыхъ были помѣстья, жалованья брать не захотѣли. Когда все было готово, Пожарскій и Мининъ двинулись въ походъ. Поляки и русскіе измѣнники перепугались, бросились къ патріарху и приказывали ему вернуть ополченіе назадъ. Гермогенъ отвѣчалъ имъ: „Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на спасеніе государства, а вы, измѣнники, будьте прокляты!“ Поляки такъ озлобились за это на Гермогена, что уморили его голодомъ. Казаки тоже переполошились: они понимали, что Пожарскій и Мининъ не дадутъ имъ своевольничать, грабить и мутить Русскую землю. Казаки задумали помѣшать возстанію городовъ, однако имъ это не удалось; попытались убить Пожарскаго — не удалось и это. Заруцкій взялъ съ собою Марину съ ея сыномъ и ушелъ въ степи, Трубецкой остался.

Ополченіе тѣмъ временемъ подвигалось впередъ. По-

жарскій побивалъ казачьи шайки, пересылался грамотами съ городами, собиралъ казну, устраивалъ свою рать и потому къ Москвѣ пришелъ не скоро. Тутъ онъ съ Мининымъ положилъ: такъ какъ честнымъ земскимъ людямъ зазорно и опасно стоять вмѣстѣ съ ворами-казаками, то для ополченія разбить особый станъ. Казаки озлобились, и изъ этого чуть-было не вышло большого худа. Кромѣ поляковъ, кремлевскихъ сидѣльцевъ, стоялъ невдалекѣ другой польскій полкъ, который пришелъ съ литовскаго рубежа. Этотъ полкъ напалъ на Пожарскаго, бился долго и сталъ одолѣвать. Казаки не трогались съ мѣста, смотрѣли на битву сложа руки и издѣвались: „пришли вы богаты, отстоитесь и одни“. Однако и между казаками нашлись честные люди; они не вытерпѣли и бросились на поляковъ. Тутъ же подоспѣло свѣжее войско, и поляки были побиты. Черезъ два дня опять завязался бой. Казаки то дрались, то уходили изъ сѣчи, ругая дворянъ Пожарскаго. Ополченію приходилось тяжело; Пожарскій и召Bининъ стали просить Авраамія Палицына, чтобы уговорилъ казаковъ биться. Палицынъ вошелъ въ казачій таборъ; здѣсь казаки пьянствовали и играли въ кости. Они были оборваны, босы, наги; награбленное добро не шло имъ въ прокъ: все пропивалось и проигрывалось. Палицынъ повелъ къ нимъ ласковую рѣчь, хвалилъ ихъ храбрость, говорилъ имъ, что они начали великое дѣло, такъ какъ же имъ это дѣло погубить! Казаки послушались и бросились въ бой. Дѣло стало поправляться, однако побѣда все не давалась въ руки Пожарскому. Уже начинало темнѣть; по всѣмъ полкамъ пѣли молебны, всѣ со слезами молились. Въ это время подошелъ къ Пожарскому Мининъ и сталъ просить у него людей — на поляковъ ударить. „Бери, кого хочешь“, сказалъ ему Пожарскій. Мининъ взялъ три дворянскія сотни и бросился на передовой отрядъ вражескій; по-

ляки попятились. Видя это, все ополченіе ударило дружно. Поляки не выдержали и побѣжали, а на другой день, какъ взошло солнце, ихъ уже не было подъ Москвой: ушли далеко назадъ.

Теперь ополченію оставалось только справиться съ тѣми поляками, что̀ сидѣли въ Москвѣ. Но между казаками и земскими встала опять рознь, пошла разладица; казаки порывались уйти изъ-подъ Москвы. Опять развелись бы грабежи и убійства въ Русской землѣ, если бы не вступился троицкій архимандритъ Діонисій. Онъ послалъ въ казачій таборъ богатыя ризы, стихари, епитрахили и другія сокровища церковныя, только бы казаки изъ-подъ Москвы не уходили и начатаго дѣла не порвали. Совѣсть проснулась у казаковъ, церковное добро они отослали назадъ въ монастырь и обѣщались выстоять подъ Москвой до конца. А до конца было уже не далеко. Поляки и тѣ русскіе люди, которые волей или неволей сидѣли вмѣстѣ съ ними въ Москвѣ, терпѣли во всемъ великую нужду. Голодъ былъ такой, что ѣли человѣчье мясо. Отцы ѣли дѣтей своихъ; одинъ полякъ съѣлъ сына, другой — мать; господа пожирали слугъ; судья убѣжалъ съ суда, убоявшись, чтобы виноватымъ не вздумалось его съѣсть. Какъ ни храбры были поляки, но при такой бѣдѣ держаться долго не могли. Въ концѣ октября 1612 года казаки пошли на приступъ и взяли Китай-городъ; черезъ мѣсяцъ сдался и Кремль.

27-го ноября казаки Трубецкого и ополченіе Пожарскаго собрались у двухъ разныхъ церквей и, взявъ иконы и кресты, разными улицами двинулись въ Китай-городъ; огромныя толпы народа валили вслѣдъ за ними. Оба ополченія сошлись у Лобнаго мѣста, и едва начался молебенъ, какъ изъ кремлевскихъ воротъ показался третій крестный ходъ; шло кремлевское духовенство и несло Владимирскую Божію Матерь. Народъ

закричалъ отъ радости, увидавъ святую икону, которую видѣть больше ужъ не надѣялся. Крестные ходы соединились, и обѣ рати, все народное множество, вмѣстѣ съ клиромъ церковнымъ, запѣли: „Тебе, Бога, хвалимъ“.

Въ Кремлѣ и въ Китаѣ-городѣ было найдено у поляковъ много добра, не хватало у нихъ только одного — кормовъ; всюду стояли котлы съ человѣчьимъ мясомъ. Все добро поляковъ Мининъ забралъ въ казну и по приказу Пожарскаго отдалъ казакамъ вмѣсто жалованья. Полонъ подѣлили между казаками и земскими; казаки своихъ плѣнниковъ почти всѣхъ перебили.

Тою порой польскій король съ малою ратью спѣшилъ къ Москвѣ выручать своихъ. Но время ужъ было не то, что̀ прежде: ни одинъ городъ не сдавался королю, ни одинъ русскій человѣкъ не пріѣзжалъ къ нему въ станъ бить челомъ королевичу. Передовой полкъ королевскій подошелъ-было къ Москвѣ, но его встрѣтили воеводы русскіе и прогнали. Сигизмундъ повернулъ домой.

Совершилось великое дѣло: выборный человѣкъ Козьма Мининъ и воевода князь Димитрій Пожарскій очистили Москву отъ иноземцевъ, спасли Московское государство. Теперь оставалось выбрать царя. Бояре и воеводы послали гонцовъ во всѣ концы Русской земли, велѣли звать въ Москву всѣ духовныя власти и выборныхъ отъ дворянъ и отъ всякихъ иныхъ людей. Бояре и воеводы просили, чтобы всѣ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли о государскомъ избраньи полные договоры. Когда многіе изъ нихъ съѣхались въ Москву, назначенъ былъ на три дня постъ, а потомъ начались соборы. Прежде всего порѣшили, чтобы изъ иноземныхъ королей и королевичей царя не выбирать, а выбирать природнаго русскаго. Какъ только на этомъ положили, такъ и пошли смуты: всякій хотѣлъ своего, а иные добивались до

царства сами, подкупали и засылали. Но это тянулось не долго. На одномъ изъ соборовъ какой-то дворянинъ подалъ грамоту, что прежнимъ царямъ ближе всѣхъ приходится родней Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, — его и надо выбрать. Въ это же время подалъ грамоту донской атаманъ; въ грамотѣ его тоже было сказано, что природный царь есть Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Родъ Романовыхъ издавна былъ въ любви народной, начиная съ первой жены Ивана Грознаго, Анастасіи. И о ней, и о многихъ другихъ Романовыхъ народъ хранилъ добрую память, а живымъ былъ отъ всѣхъ почетъ и любовь. Еще въ то время, когда свели съ престола Василія Шуйскаго, многіе ужъ хотѣли посадить на царство Михаила Романова, да былъ онъ очень молодъ, и поляки своего Владислава навязали. А теперь на земскомъ соборѣ тягаться въ этомъ дѣлѣ съ Романовыми никому изъ бояръ было не подъ силу. Какъ сказали дворянинъ и атаманъ, такъ и соборъ рѣшилъ: на царство посадить Михаила Романова. Послали въ города за именитыми боярами, которыхъ на ту пору не было въ Москвѣ; послали и за выборными, которые на соборъ запоздали; велѣли также вывѣдать по городамъ и уѣздамъ, какъ думаетъ народъ. Когда бояре и выборные съѣхались всѣ, и прискакали гонцы съ вѣстью, что весь народъ хочетъ царемъ Михаила, — назначили послѣдній соборъ. Въ недѣлю православія, 21 февраля 1613 года, каждый выборный подалъ грамоту; пересмотрѣли всѣ грамоты, — вездѣ было написано одно имя: Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Послали четырехъ человѣкъ на Красную площадь, гдѣ толпился народъ; посланные стали на Лобномъ мѣстѣ и спросили у народа: кого онъ хочетъ въ цари? „Михаила Ѳедоровича Романова!“ закричалъ народъ.

Отслужили молебенъ, и на ектеніи помянули избраннаго царя Михаила.

Къ новому царю соборъ отправилъ пословъ. Михаилъ проживалъ въ то время въ Костромѣ, въ Ипатіевскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ матерью своей, инокиней Марѳой. Ему было всего 16 лѣтъ. Послы пріѣхали и били Михаилу челомъ, чтобы пожаловалъ, по приговору своей земли принялъ бы царство. Но Михаилъ отказался наотрѣзъ; не соглашалась за него и мать его. Она говорила, что люди Московскаго государства по грѣхамъ совсѣмъ испортились; давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили; вся земля разорена въ конецъ, и итти теперь молодому Михаилу на царство, значитъ итти на гибель. Послы со слезами упрашивали Михаила, чтобы соборнаго моленья и челобитья не презрѣлъ, чтобы воли Божіей не снималъ; говорили, что люди русскіе теперь наказались и пришли въ соединеніе. Долго умоляли Михаила послы, съ третьяго часа до девятаго; даже грозили ему, что Богъ взыщетъ на немъ конечное разореніе государства. Наконецъ, Михаилъ согласился, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и обѣщалъ быть скоро въ Москву.

Съ той поры домъ Романовыхъ благополучио царствуетъ въ Россіи и понынѣ.

Злые враги, разорители и лиходѣи русскаго государства, однако не угомонились; узнавъ, что Михаилъ выбранъ въ цари, нѣкоторые изъ нихъ задумали его убить. Отыскивая царя, они захватили костромского крестьянина, Ивана Сусанина, спрашивали его, гдѣ Михаилъ, и пытали страшными пытками. Крѣпокъ духомъ и великъ сердцемъ былъ Сусанинъ: онъ зналъ, гдѣ царь, однако не выдалъ его ни единымъ словомъ. Сусанина замучили до смерти, но честное славное его имя живетъ въ русскихъ сердцахъ до сего дня и всегда жить будетъ.

Михаилъ Ѳедоровичъ въѣхалъ въ Москву 2 мая, а 11 іюля вѣнчался на царство. Молодому царю выпала

Къ стран. 228.

Вѣнчаніе Михаила Θеодоровича Романова на царство.

великая обо всемъ забота. Земля была разорена, города пожжены, казна царская пуста, вездѣ были грабежи и разбои; люди изворовались, отъ всякаго порядка отвыкли. Безгосударное время напустило на Русскую землю столько зла, что въ короткій срокъ его нельзя было вывести. Царю приходилось и порядокъ во всемъ уряжать, и съ казаками развѣдываться, и съ иноземными врагами воевать. Казацкій атаманъ Заруцкій засѣлъ въ Астрахани и творилъ тамъ всякія злодѣйства, но наконецъ былъ пойманъ. Его и сына Марины казнили; Марину засадили въ тюрьму, гдѣ она и умерла. Казаки однако не унялись, подходили ратью подъ самую Москву; ихъ усмирили съ великимъ трудомъ. Литовская вольница разоряла и пустошила Русскую землю еще года три; съ польскимъ королемъ царь Михаилъ воевалъ два раза, да съ шведскимъ разъ. Трудно было бы молодому царю управлять землей, если бы не вернулся изъ полона отецъ его, митрополитъ Филаретъ. Онъ былъ посвященъ въ патріархи и сталъ помогать царю словомъ и дѣломъ. Онъ укрѣпилъ самодержавную власть царя, ослабѣвшую въ смутное время; подъ его руководствомъ мягкосердый и кроткій Михаилъ занимался усердно земскимъ устроеніемъ, созывалъ для совѣта по важнымъ дѣламъ земскіе соборы и снова завелъ сношенія съ иноземными государями, которые даже помогли ему деньгами въ войну съ Польшей. Въ грамотахъ писались два великихъ государя: Михаилъ Ѳедоровичъ и отецъ его, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ; всѣ дѣла сынъ рѣшалъ вмѣстѣ съ отцомъ, вмѣстѣ принимали они и пословъ иноземныхъ. До возвращенія Филарета изъ полона, къ молодому и неопытному Михаилу втерлись въ милость люди лихіе, безчестные: они только и дѣлали, что себя и свою родню богатили, земли крали и творили всякую неправду. Филаретъ отогналъ отъ царя этихъ людей, держалъ въ милости слугъ вѣр-

ныхъ, награждалъ ихъ достойно и праведно и отъ обидъ оборонялъ.

Въ числѣ добрыхъ царскихъ слугъ былъ и князь Пожарскій. Въ день царскаго вѣнчанія онъ былъ пожалованъ въ бояре и получилъ помѣстье; чрезъ 6 лѣтъ ему пожаловали еще помѣстье. Пока не вернулся изъ плѣна отецъ царя, Пожарскій видѣлъ часто неправду отъ думы боярской, но продолжалъ служить съ такимъ же радѣніемъ, какъ и въ безгосударное время. Онъ бился съ литовской вольницей, бился и съ крымцами и казаками, стоялъ крѣпко противъ поляковъ. Слава Пожарскаго была такъ велика, что жители Калуги били челомъ царю, чтобы прислалъ къ нимъ противъ литовскихъ людей князя Пожарскаго, и Пожарскій отстоялъ Калугу. Когда поляки вмѣстѣ съ казаками добрались до самой Москвы, Пожарскій бился на приступахъ и въ битвахъ, не щадя головы своей. Когда во вторую польскую войну русская рать была побита и надо было поправлять дѣло, царь послалъ князя Пожарскаго. Кромѣ того, Пожарскому приводилось вести переговоры съ иноземцами, вѣдать разныя земскія дѣла, править Москвой, когда царь ѣздилъ по монастырямъ. Такъ дожилъ Пожарскій до старости и тихо, спокойно встрѣтилъ свой смертный часъ. Тѣло его погребено въ Суздалѣ, въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ, гдѣ покоится и прахъ его прародителей.

Выборный человѣкъ Русской земли, Козьма Мининъ Сухорукій, жилъ при царѣ Михаилѣ гораздо меньше Пожарскаго. На другой день послѣ вѣнчаніи на царство, въ день своихъ именинъ, государь пожаловалъ его въ думные дворяне, наградилъ помѣстьемъ и домомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Мининъ засѣдалъ въ думѣ царской, только не долго: уѣхалъ потомъ въ свой родной Нижній и умеръ тамъ въ 1616 году, раньше Пожарскаго 26-ю годами. Его погребли въ нижегородскомъ Преображен-

скомъ соборѣ подлѣ бывшихъ удѣльныхъ князей, и скоро забыли о немъ.

Но такіе люди не забываются навсегда. Умираетъ плоть, а дѣла славныя и великія живутъ вѣчно. Въ Москвѣ на Красной площади, красуется теперь памятникъ; на немъ надписано: „Князю Пожарскому и Минину благодарная Россія.

XXI.

Литовская унія.

Дѣло затѣянное литовскимъ княземъ Ягелломъ — соединить въ одно государство Польшу съ Литвой и западною Русью, не улаживалось долго, потому что ни Литва ни западная Русь того не хотѣли. Польша однако не дремала; ей надо было завладѣть Литвой непремѣнно, чтобы литовская Русь не отошла какъ-нибудь къ Москвѣ. Наконецъ, въ 1560 г., на Люблинскомъ сеймѣ поляки добились своего разными неправдами и насиліемъ: Литва и западная Русь сложились съ Польшей воедино.

До той поры въ Польшѣ и въ Литвѣ были и законы и распорядки разные; теперь пошло все на одинъ ладъ. Въ Польшѣ шляхта (дворянство) имѣла большую силу; шляхтичи были народъ не только вольный, но и своевольный, какъ нигдѣ въ то время не бывало, особенно богатые и родовитые паны. Они въ своихъ помѣстьяхъ жили какъ цари и дѣлали, что хотѣли. Между собою они часто ссорились и даже воевали; короля не ставили ни въ грошъ, какъ будто его и не было; подчасъ воевали съ нимъ. Мелкая шляхта тоже самовольничала, насколько силъ хватало, чванилась съ своими льготами, буянила и яростно кричала на сеймахъ. Такъ называлось собраніе дворянъ и начальныхъ людей изъ духовенства; безъ сейма король не могъ дѣлать почти ничего. Шляхта

не терпѣла надъ собой королевской воли, а между тѣмъ не стыдилась служить богатымъ панамъ и зачастую сносила отъ нихъ обиды. Подслуживаясь богатымъ панамъ, шляхтичъ высоко задиралъ голову предъ крестьяниномъ. Крестьянинъ, по-польски хлопъ, былъ человѣкъ подневольный, забитый, холопъ; панъ былъ полный надъ нимъ господинъ, бралъ съ него, что̀ хотѣлъ, и даже по своей волѣ казнилъ его смертью. Однимъ словомъ, какъ много было у шляхты воли, такъ мало ея было у крестьянъ.

Все это перешло мало-по-малу изъ Польши въ Литву съ той поры, какъ оба государства сложились въ одно. Дворяне получили льготы и вольности польской шляхты, стали всему у нея учиться, отставали отъ стародавнихъ обычаевъ, поворачивали въ латинство. Словно чрезъ широкія ворота хлынули поляки въ Литву и западную Русь, и чѣмъ ихъ больше туда набиралось, тѣмъ больше тамошніе дворяне ополячивались. А чѣмъ скорѣе дворяне дѣлались панами, тѣмъ хуже становилось крестьянству и тѣмъ больше приходилось православнымъ терпѣть за свою вѣру. Однако Литва и западная Русь все-таки не поддавались Польшѣ, упорно отстаивая свою старину и свою вѣру; тогда поляки, чтобы поскорѣе передѣлать все на польскій ладъ, добыли себѣ новаго и сильнаго пособника.

Въ то время появилось въ нѣмецкихъ земляхъ новое христіанское ученіе, протестантское; оно скоро пробралось и въ Литву. Знатные люди и даже архіереи латинскіе стали переходить въ новую вѣру, съ каждымъ годомъ число католиковъ убывало. Тогда король польскій и его совѣтники призвали въ Литву католическихъ монаховъ-іезуитовъ, самыхъ усердныхъ и крѣпкихъ слугъ папы и латинства.

Чтобы возвеличить и укрѣпить римскую вѣру и власть папы, да и вообще чтобы добиться до какого-нибудь

дѣла, которое могло принести имъ выгоду, іезуиты готовы были на все. Они хитрили, лукавили, кривили душой, Христовымъ именемъ обманывали людей, не боясь никакого безчестнаго дѣла. Пробравшись въ какую-нибудь землю, они начинали съ того, что служили въ богадѣльняхъ, ходили за больными и вели такую чистую и святую жизнь, что всѣ, глядя на нихъ, дивились. Заслуживъ добрую славу, іезуиты понемногу, не торопясь, втирались въ милость къ богатымъ и знатнымъ людямъ и попадали къ нимъ въ духовные отцы. Послѣ того и начиналась настоящая іезуитская работа. Они извѣдывали нравъ своихъ духовныхъ дѣтей, когда нужно подлаживались подъ него, когда нужно стояли на своемъ; то отпускали имъ большіе грѣхи, то стращали изъ-за пустяковъ вѣчными муками. Дѣло кончалось тѣмъ, что іезуиты забирали надъ ними такую власть, какъ надъ неразумными ребятами. На духу они выспрашивали не только про самихъ исповѣдниковъ, но и про всѣхъ ихъ друзей и знакомцевъ. Такъ они провѣдывали, кто имъ, іезуитамъ, другъ, а кто недругъ, кого надо приласкать и кого остеречься, про кого пустить въ свѣтъ добрую молву, а кого позорить. Въ семьѣ они то ссорили исподтишка дѣтей съ родителями, то мирили ихъ такъ, чтобы это всѣ знали; то сводили, то разводили свадьбы. Больше всего іезуиты старались о томъ, чтобы сманить міряпъ къ себѣ, въ іезуиты, особенно людей богатыхъ; разными способами выманивали богатыя даянія, учили даже красть для этого. А чтобы настроить на свой ладъ какъ можно больше людей, іезуиты заводили школы. На это дѣло у нихъ было большое умѣнье. Набравъ учениковъ, они такъ налаживали ихъ молодой умъ и сердце, что потомъ, придя въ возрастъ, многіе изъ этихъ людей становились усердными слугами іезуитовъ и во всемъ имъ помогали.

Все это творили іезуиты и въ Литвѣ. Забравшись

туда, они принялись ходить за больными, потомъ завели школы, втерлись въ милость ко многимъ богатымъ и знатнымъ людямъ и такъ обошли короля, что онъ смотрѣлъ ихъ глазами, слушалъ ихъ ушами. У протестантовъ не было ни согласія ни единомыслія: они раздѣлились на 70 разныхъ ученій, или толковъ. Это помогло іезуитамъ; они принялись подкапываться подъ протестантовъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ число протестантовъ стало быстро убывать: именитые и простые люди, одинъ за другимъ, поворачивали назадъ, въ латинство. Послѣ того іезуиты принялись за православныхъ. Начались обиды, притѣсненія, насилія; слабые люди стали переходить въ римскую вѣру, особенно дворяне. Старики еще держались, но молодые не выстаивали: они уже начали ополячиваться. Отпоръ іезуитамъ дали не дворяне, а мѣщане и крестьяне.

Издавна, съ той поры, какъ западною Русью завладѣла Литва, православные зорко оберегали свою вѣру. Люди одного прихода собирались вмѣстѣ и помолиться и потолковать объ общихъ дѣлахъ. Если въ приходѣ были люди именитые и богатые, то они заботились о церковномъ благолѣпіи, заводили при церквахъ школы, защищали передъ властями церковь и приходъ свой. Если же такихъ богачей и сильныхъ людей въ приходѣ не было, то всѣ прихожане шли въ складчину, заводили школы, заботились о нуждахъ церковныхъ. Такъ составились церковныя братства. Чѣмъ больше іезуиты тѣснили православіе, тѣмъ ближе братства сходились между собою, чтобѣ крѣпче стоять противъ насилій. Братствамъ помогали и люди именитые, которые не измѣнили еще отцовской вѣрѣ, особенно Константинъ, князь Острожскій. Онъ не жалѣлъ ни трудовъ ни казны; заводилъ училища, печаталъ церковныя книги, пересылался съ Константинопольскимъ патріархомъ. Но ни братства ни люди сильные не могли спасти право-

славную вѣру отъ всего зла, которое готовили ей іезуиты, потому что святому дѣлу помогали не всѣ православные архіереи.

Давно уже западная Русь по церковнымъ дѣламъ вышла изъ-подъ начала Московскаго владыки и завела своего митрополита въ Кіевѣ. Митрополитъ этотъ и другіе архіереи западной Руси были совсѣмъ не то, что̀ восточной. Въ Москвѣ былъ государь православный, а въ западной Руси — католикъ; онъ радѣлъ латинству, а не православію, а потому въ православные архіереи часто назначалъ людей недостойныхъ. Бывало и такъ, что епископами онъ сажалъ даже не духовныхъ, а просто мірянъ. На архіерейскія мѣста шли не за тѣмъ, чтобы учить слову Христову, чтобы въ благочестіи и строгой жизни устраивать Божію Церковь, а ради богатыхъ имѣній архіерейскихъ, ради благъ и прибытковъ въ земной жизни. Архіереи владѣли большими помѣстьями и даже иногда за́мками, т.-е. малыми крѣпостями. Имъ то и дѣло приходилось либо обороняться отъ своевольныхъ и жадныхъ пановъ, либо заводить съ ними тяжбы и писать просьбы по судамъ. Мало кто изъ нихъ занимался своей паствой и о благѣ церковномъ промышлялъ; они больше заботились о себѣ самихъ да о роднѣ своей. Стали многіе архіереи не святители, а осквернители; вели жизнь позорную, женились, жили съ женщинами безъ брака. Въ монастыряхъ честныхъ, вмѣсто того, чтобы жить игуменамъ съ братіею, иногда жили игумены съ женами и дѣтьми и церквами владѣли. Развелось нечестіе небывалое, пошелъ соблазнъ неслыханный.

Чтобы спасти православную Церковь отъ такого нестроенія, церковныя братства стали звать къ себѣ Византійскаго патріарха — дать свой святительскій судъ и правду. Патріархъ Іеремія пріѣхалъ въ 1589 году. Онъ разобралъ жалобы мірянъ, смѣнилъ митрополита, свя-

щенникамъ-двоеженцамъ и многимъ епископамъ велѣлъ оставить свои мѣста. Нѣкоторымъ братствамъ онъ далъ новую льготу: дозволилъ имъ собирать соборы и судить архіереевъ. Получивъ благословеніе патріарха, братства взялись за свои дѣла еще усерднѣе прежняго, а многіе архіереи и священники заволновались. Однимъ изъ нихъ приходилось уходить съ мѣстъ, которыми они жили и кормились; другимъ выпадало давать отвѣтъ мірянамъ за дѣла неправыя и нечестивыя. Смута пошла большая, и іезуиты сейчасъ вмѣшались въ дѣло. Они вошли въ переговоры съ однимъ архіереемъ, Кирилломъ Терлецкимъ. Терлецкій былъ святитель дурной, но человѣкъ смѣлый, съ большимъ разумомъ; онъ рѣшился избавиться отъ всѣхъ бѣдъ однимъ разомъ.

Ужъ давно толковали іезуиты, какое худое житье православнымъ. Они указывали имъ, что всѣхъ ихъ тѣснятъ, обижаютъ, во всемъ у нихъ неурядица, міряне вмѣшиваются въ архіерейскія дѣла. „Нѣтъ вамъ ниоткуда защиты“, говорили іезуиты: „патріархъ пріѣзжалъ и развелъ смуту пуще прежняго; да у него и своихъ дѣлъ довольно, самъ онъ живетъ подъ властью невѣрныхъ турокъ. Оставайтесь такъ, какъ есть, держите нерушимо всѣ ваши обряды и уставы, только просите римскаго папу, чтобы онъ вмѣсто патріарха сталъ вашимъ главой. Тогда пойдетъ совсѣмъ другое дѣло, и папа не дастъ васъ въ обиду“. Кириллъ Терлецкій именно это и задумалъ сдѣлать. Онъ стакнулся съ нѣкоторыми епископами и вмѣстѣ съ ними сталъ сманивать новаго митрополита, Михаила Рагозу. Михаилъ былъ человѣкъ трусливый, шаткій, слабый; онъ перепугался, не зналъ на что пойти, и не говорилъ имъ ни да ни нѣтъ. Тогда измѣнники-архіереи стали залучать на свою сторону князя Острожскаго. Князь, видя бѣдствія православной Церкви, былъ не прочь имъ помогать, но только тогда, когда всѣ восточные патріархи

согласятся на это дѣло. Но на согласіе всей Восточной Церкви, разумѣется, нечего было надѣяться, и потому Терлецкій съ товарищами рѣшилъ устроить все самимъ. По старинному обычаю, въ это время каждый годъ собирались соборы, и туда съѣзжалось не одно духовенство, но и міряне. На одномъ изъ такихъ соборовъ, въ 1594 году, Терлецкій завелъ рѣчь объ уніи, т.-е. соединеніи Церкви западно-русской съ Церковью римскою подъ власть папы. Соборъ не захотѣлъ такого дѣла; несмотря на это, Терлецкій съ товарищами составилъ о соединеніи церквей приговоръ. На приговорѣ подписались всего 4 архіерея и одинъ архимандритъ, да изъ архіереевъ этихъ двое еще не были посвящены.

Православные сильно встревожились и стали требовать суда надъ отступниками. Кириллъ Терлецкій и еще другой архіерей, Ипатій Поцѣй, чтобы избыть бѣды, кинулись къ королю, просили у него защиты и потомъ поѣхали въ Римъ, къ папѣ. Тутъ они, по латинскому обычаю, цѣловали у него ногу и прочитали символъ вѣры по ученію католическому. Они говорили съ папой не отъ себя самихъ, а отъ Церкви православной и отъ народа русскаго, оттого въ Римѣ была великая радость. Папа обласкалъ предателей и отпустилъ ихъ съ честью.

Когда обо всемъ этомъ узнали православные, на предателей-владыкъ отовсюду раздались проклятія. Всѣ нетерпѣливо ждали очередного собора и готовились притянуть къ отвѣту измѣнниковъ. Въ октябрѣ 1596 года съѣхалось въ городъ Брестъ множество мірянъ и всякаго духовнаго чина людей, пріѣхали и два патріаршихъ намѣстника изъ Константинополя, явилися также Терлецкій и Поцѣй. Михаилу Рагозѣ не было мѣста и покоя отъ укорительныхъ рѣчей православнаго люда, и онъ съ перваго раза сталъ на сторону уніатовъ, т.-е. принявшихъ унію. Намѣстники патріаршіе потребовали его

Къ стран. 238.

Терлецкій и Поцѣй у римскаго папы.

къ суду. Михаилъ не явился да и народу пересталъ показываться. Тогда принялись составлять приговоръ объ отступникахъ и объ уніи. Люди духовнаго чина толковали особо, міряне особо, но приговорили одно и то же. Они приговорили, чтобы уніи не быть, потому что никто ея не хочетъ, и что тѣ измѣнники, которые затѣяли это нечестивое дѣло, лишаются архіерейскаго сана. Уніаты, которыхъ, впрочемъ, было очень много, узнавъ про этотъ приговоръ, прокляли всѣхъ тѣхъ, кто отказался отъ уніи, т.-е. весь соборъ.

Такъ совершилась унія. Ее замыслили недостойные и нечестивые люди не для блага Церкви, какъ они говорили, а ради мірскихъ выгодъ, ради новыхъ помѣстьевъ и доходовъ, ради льготъ, которыя король и іезуиты обѣщали уніатамъ. Уніаты говорили, что, поддавшись папѣ, они кромѣ этого ничѣмъ противъ старины не погрѣшили; что ученіе православной Церкви, богослуженіе на славянскомъ языкѣ, всѣ обряди и обычаи у нихъ остались прежніе. Но православные разумѣли, что, поддавшись римскому папѣ, нельзя ужъ оставаться православнымъ, и потому положили — съ уніатами держаться врозь. Ретиво принялись православные отстаивать свою апостольскую Церковь; писали и печатали книги, говорили противъ уніи проповѣди, спорили съ уніатами и католиками. Братства сошлись дружно, особенно по городамъ, позорили отступниковъ, отбивались отъ уніи всѣми силами.

Однако трудно было православнымъ; противъ нихъ встала не одна унія, но и само латинство. Король помогалъ уніатамъ и оборонялъ ихъ всякой неправдой. Мало-по-малу въ православныя церкви стали назначать уніатскихъ поповъ, въ православные монастыри — уніатскихъ игуменовъ. Если братства не отдавали своихъ церквей, то братчиковъ наказывали, какъ ослушниковъ и бунтовщиковъ. Въ большихъ городахъ запечатывали

православныя церкви, отбирали церковныя имѣнія, монаховъ ловили по дорогамъ, сажали въ тюрьмы, били. Когда народу негдѣ было молиться, и онъ сходился для этого за городомъ, въ шалашахъ, — его разгоняли и оттуда. Въ иныхъ мѣстахъ, чтобы обвѣнчаться или окрестить новорожденнаго, приходилось ѣхать верстъ за сто. Женамъ съ мужьями приходилось жить безъ вѣнчанія; многимъ во всю жизнь не удавалось ни исповѣдаться ни пріобщиться даже передъ часомъ смертнымъ. Бывало и такъ, что тѣла умершихъ православныхъ вывозили неотпѣтыя, какъ падаль, черезъ тѣ ворота, въ которыя вывозили городскія нечистоты. Православнымъ не дозволяли ни торговать, ни въ ремесленные цехи записываться, ни въ чины итти. Православнымъ не было суда; ихъ грабили, отбирали у нихъ деньги безъ всякой вины. Больше всѣхъ безчинствовалъ полоцкій уніатскій владыка, Іосафатъ Кунцевичъ. Ни отъ кого православные не терпѣли такихъ насилій, какъ отъ этого изувѣра. Запечатавъ православныя церкви, онъ не отпиралъ ихъ цѣлыя пять лѣтъ; похороненныя тѣла православныхъ приказывалъ выкапывать изъ земли и бросать на съѣденіе собакамъ. Народъ не смогъ этого вынести и убилъ его. Виноватымъ досталось жестоко, даже отъ Полоцка отняты были многія льготы, которыми онъ владѣлъ издавна, а латинская Церковь причислила Кунцевича къ лику святыхъ.

Такъ жестоко пришлось расплачиваться православному русскому народу за то, что ему не удалось отстоять свою землю отъ Польши. Власти иногда пытались оборонять народъ, но гонители не слушались властей,—іезуиты были сильнѣе. Сначала стояли за народъ православные паны, но потомъ они мало-по-малу переходили въ латинство и ополячивались. Такъ убывали у народа защитники и прибывали притѣснители. Подмоги ждать было нéоткуда, развѣ только изъ Москвы.

Но тамъ изъ-за самозванцевъ стояла жестокая смута, и стояла многіе годы; отъ смуты этой такъ ослабѣло Московское государство, что не подъ силу ему стало мѣшаться въ литовскія дѣла. Народу западно-русскому оставалось только терпѣть, пока терпѣнія хватитъ, — онъ такъ и дѣлалъ; а кто не могъ вынести гоненій, тѣ ушли въ унію. Однако не у всѣхъ былъ такой выносливый нравъ: нашлась цѣлая страна, которая и терпѣть не хотѣла, и въ унію не шла. Это была Украйна. Она встала на своихъ притѣснителей, и полякамъ пришлось кровью расплачиваться за іезуитскую науку.

XXII.

Богданъ Хмельницкій.

Казаки, появившіеся еще во время татаръ, въ степяхъ южной Руси, выбѣгали туда изъ Руси московской и изъ Руси литовской. Первыхъ больше всего собралось на рѣкѣ Донѣ, а вторыхъ — на рѣкѣ Днѣпрѣ. Днѣпровскихъ казаковъ во время Ивана Грознаго было ужъ такъ много, что они заселяли нынѣшнія Полтавскую и Кіевскую губерніи и протягивались дальше къ морю, за днѣпровскіе пороги. Казаки эти раздѣлялись на городовыхъ, или украинскихъ, и на низовыхъ, или запорожскихъ.

Запорожскіе казаки жили на днѣпровскихъ островахъ, за порогами; главный ихъ притонъ назывался Запорожскою Сѣчью. Они были люди бездомные, безсемейные, жили въ шалашахъ, заплетенныхъ изъ хвороста, ѣли самую простую и грубую пищу. Женщинъ въ Сѣчи не было: кто приведетъ въ Сѣчь женщину, того казнили смертью. Всѣ большія дѣла рѣшались міромъ, или радой; рада же выбирала и атамана. Въ Сѣчь принимали, всякаго, кто приходилъ; не спрашивали — кто онъ, откуда пришелъ, какъ и чѣмъ прежде жилъ, лишь бы онъ былъ не еврей и не католикъ. Сюда же хаживали и семейные казаки попировать, повеселиться, достать славы и добычи.

За славой и добычей запорожскіе казаки ходили часто; безъ набѣговъ имъ жить было и скучно, и голодно. Они безпрестанно дрались съ крымскими татарами, либо ходили моремъ въ Турецкую землю. Свои морскіе наѣзды они дѣлали въ лодкахъ, которыя называли чайками. Лодки эти были сверху открытыя, безъ палубы, и едва виднѣлись надъ водой; а чтобы ихъ не заливало и не опрокидывало морской волной, къ бокамъ ихъ привязывали большіе пуки хвороста. На чайкахъ казаки переплывали Черное море, брали съ бою встрѣчные турецкіе корабли, нападали на берега, жгли и грабили города и села. Вернувшись съ добычей въ Сѣчь, казаки начинали пировать. Горѣлка (хлѣбное вино) лилась рѣкой, раздавалась музыка, шли пляски. Пьяный казакъ бросалъ горстями золотыя и серебряныя деньги; нипочемъ шли дорогія парчи, камки, бархаты; въ нѣсколько дней прахомъ разлеталось то, чего иному хватило бы на многіе годы. Надъ Сѣчью стоялъ гулъ отъ пѣсенъ, отъ криковъ, отъ шумнаго, пьянаго веселья.

Удалая, беззаботная казацкая жизнь была такъ завидна для грубаго и бѣднаго народа, что люди толпами уходили отовсюду въ казачество, въ Украйну (нынѣшнія Полтавская и Кіевская губерніи). Казаки были народъ вольный; такъ называли они сами себя, такъ звали ихъ и государи. Долгое время они только по одному имени считались подданными великихъ князей литовскихъ. Долгое время они выбирами своихъ гетмановъ (предводителей) сами собой, сами собой воевали, съ кѣмъ хотѣли, мирились, когда хотѣли. Но потомъ мало-по-малу пошло иначе: польскіе короли разными ласками и милостями задабривали казаковъ и забирали въ свои руки Украйну. Дошло до того, что назначали, въ какомъ числѣ быть казакамъ; имъ стали давать жалованье, но за то требовали отъ нихъ службы. Земли на Украйнѣ стали раздавать польскимъ панамъ и русскимъ, которые душой

передались Польшѣ. Казаковъ, не записанныхъ въ казачій списокъ, поворачивали въ крестьянство и заставляли отбывать на помѣщиковъ панщину (барщину).

Потомъ подошла унія. Никто въ Украйнѣ не хотѣлъ уніи, никто не хотѣлъ отставать отъ православнаго благочестія. Но встали противъ уніи всѣ, да не всѣ выстояли. Какъ и во всей западной Руси, поддались дворяне. Черезъ 30 лѣтъ почти всѣ они сдѣлались поляками, перемѣнили вѣру, перемѣнили языкъ. Крестьянъ они стали звать хлопами, русскій языкъ — хлопскимъ языкомъ, русскую вѣру — хлопской вѣрой. Для крестьянъ наступило тяжелое житье. Помѣщики заваливали ихъ поборами безъ мѣры; со всего крестьянскаго добра, со скота, съ меда, съ овощей брали десятую часть; съ каждаго вола, съ каждаго улья, за помолъ муки, за ловъ рыбы вымогали пошлину. Чтобы со своихъ помѣстьевъ добыть больше денегъ и не возиться самимъ съ хлопами, паны отдавали свои земли въ аренду жидамъ. Евреи вымышляли новые поборы, и если крестьяне не слушались, то казнили ихъ смерью. Какова ни была крестьянская судьба въ Руси московской, но въ польской Украйнѣ, да и въ другихъ земляхъ подъ короною польской хлопамъ жилось еще тѣснѣе и хуже. Они бѣгали отъ такого житья не только въ казаки, подобно московскимъ людямъ, но переселялись и въ Московское государство, такъ что цѣлыя села пустѣли. Нужда и тягота ихъ росли съ каждымъ годомъ. Стали помѣщики отдавать евреямъ въ аренду не только землю, но и церкви Божіи. Взявши ключи отъ церкви, жидъ-арендаторъ бралъ съ прихожанъ деньги за каждое богослуженіе, издѣвался надъ православной вѣрой, ругался надъ священниками. Все, что было у русскаго человѣка самаго святого, самаго дорогого въ жизни, было безъ жалости унижено, безъ совѣсти опозорено.

Казаки вступились съ оружіемъ въ рукахъ за святыню

отцовъ и дѣдовъ. Они бились съ поляками жестоко, немилосердно и побивали ихъ не одинъ разъ, но одолѣть не могли. Послѣ многихъ лѣтъ войны казакамъ пришлось покориться. Ихъ отдали панамъ подъ крѣпкое начало, заставили работать панщину, обложили тяжелыми повинностями и поборами. Въ это время на польскомъ престолѣ сидѣлъ король Владиславъ. Онъ былъ къ казакамъ доброхотенъ и милостивъ, но не могъ пособить имъ въ ихъ невзгодахъ. У польскаго короля совсѣмъ почти не было власти: паны и ксендзы не слушались его, не слушались и сеймовъ, когда тѣмъ приходило на мысль оборонять народъ. Но Владиславу казаки были нужны. Онъ задумалъ усилить свою королевскую власть и смирить пановъ: казаки могли ему тутъ пособить, потому что и сами отъ нихъ терпѣли. Надо было только приласкать и заманить казачье войско льготами. Владиславъ такъ и сдѣлалъ. Онъ послалъ казакамъ милостивую грамоту, дозволилъ имъ самимъ выбирать себѣ начальниковъ, держать свой судъ, въ войсковой списокъ вписывать казаковъ вдвое больше прежняго, и многое другое. Грамота эта была выдана одному казацкому полковнику, Барабашу, да войсковому писарю Богдану Хмельницкому, и приказано держать ее до времени въ тайнѣ.

Богданъ Хмельницкій былъ природный казакъ, обучался въ кіевскомъ училищѣ, а потомъ у іезуитовъ. Окончивъ ученье, онъ служилъ конюшимъ у одного пана. Одинъ разъ этотъ панъ, напившись пьянъ, вздумалъ ради потѣхи отрубить Хмельницкому голову. Богданъ убѣжалъ въ Запорожскую Сѣчь, не жалѣлъ тамъ головы ни на полѣ ни на морѣ и заслужилъ отъ всей запорожской братіи большую честь. Вернувшись потомъ на Украйну, онъ записался въ казаки и дослужился до высокаго чина войскового писаря. Такъ назывался одинъ изъ помощниковъ казацкаго гетмана. Все это время

Хмельницкій былъ всегда заодно съ казаками; всѣ его любили за большой разумъ, за храбрость и смѣтливость. Но онъ умѣлъ ладить также и съ поляками; они обходились съ нимъ ласково, честили его какъ шляхтича. Въ этомъ дѣлѣ много помогало Хмельницкому то, что онъ былъ человѣкъ ученый, зналъ латинскій языкъ. А еще больше помогала ему іезуитская наука; Богданъ выучился у іезуитовъ хитрить, лукавить и, гдѣ нужно, ловко морочить людей.

Но пришло время, что и Хмельницкій поссорился съ поляками на смерть. Былъ у него на Украйнѣ хуторъ Субботовъ. Одинъ панъ захватилъ этотъ хуторъ силой и взялъ къ себѣ жену Хмельницкаго, а одного изъ сыновей засѣкъ розгами до смерти. Хмельницкій сталъ жаловаться, но нигдѣ не нашелъ на обидчика управы, даже у короля Владислава. Король и хотѣлъ бы ему помочь, да ничего не могъ сдѣлать, а только сказалъ: „Пора бы вамъ, казакамъ, вспомнить, что вы воины и что у васъ есть сабли. Коли васъ обижаютъ, такъ зачѣмъ вы поддаетесь и не постоите за себя?“ Слова эти глубоко запали Хмельницкому въ голову, и онъ отправился домой добывать правду силой.

Ѣдучи дорогой, онъ останавливался въ каждомъ селѣ, разсказывалъ про свои обиды, вывѣдывалъ, хочетъ ли народъ подняться на поляковъ, и увидѣлъ, что народъ готовъ встать по первому слову. Пріѣхавъ въ Украйну, онъ созвалъ на совѣтъ отборныхъ казаковъ. Казаки собрались въ лѣсу; это все были старые, усатые украинцы, которые не разъ бились съ татарами, турками и поляками, не разъ отстаивали грудью вѣру, родину и свою вольность. Хмельницкій разсказалъ имъ про все: и про свою обиду, и про королевское слово, и про то, что̀ видѣлъ и слышалъ въ народѣ дорогой. Онъ показалъ казакамъ королевскую грамоту, которую утащилъ у Барабаша, напоивъ его пьянымъ. Ко всему этому онъ при-

бавилъ, что Кіевскій митрополитъ благословляетъ казаковъ на святое дѣло и что только отъ нихъ однихъ русскій народъ ждетъ своего спасенія. Зашумѣли казаки и въ одинъ голосъ поклялись умереть другъ за друга и кровью отомстить полякамъ за всѣ свои обиды.

Это было въ 1647 году. Приготовивъ дѣло на Украйнѣ, Хмельницкій поѣхалъ въ Запорожье. Запорожцевъ поднять было не трудно: эти сорви-головы только и жили войной. Изъ Сѣчи Хмельницкій отправился въ Крымъ, долго уламывалъ хана и наконецъ выпросилъ у него 4000 татаръ. Послѣ того Хмельницкій вернулся въ Сѣчь и сталъ готовиться къ походу. Запорожцы собрали раду и выбрали его гетманомъ.

Собираясь отплачивать полякамъ за свою обиду, Хмельницкій все еще лукавилъ съ панами, посылалъ къ нимъ грамоты и увѣрялъ, что казаки снаряжаютъ къ королю выборныхъ людей, а никакого худа не замышляютъ. Богданъ отводилъ полякамъ глаза, чтобы они не изготовились къ отпору, но обмануть пановъ было трудно: евреи доносили имъ обо всемъ. Поляки, напуганные прежними казацкими возстаніями, встрепенулись и собрали войско. Главная рать осталась на мѣстѣ ждать казаковъ, а навстрѣчу Хмельницкому отправились два передовыхъ полка. Одинъ полкъ былъ почти весь изъ русскихъ людей и передался Хмельницкому; другой при Желтыхъ водахъ былъ побитъ, вступилъ въ переговоры, отдалъ свои пушки и пошелъ домой. Но татары нагнали его, кого перебили, кого взяли въ полонъ; казаки имъ не мѣшали: стояли поодаль и посмѣивались. Послѣ этого нечестнаго дѣла, Хмельницкій тронулся дальше. Въ главной польской рати паны спокойно бражничали и веселились, а узнавъ, какая бѣда стряслась надъ ихъ братьями, принялись между собою ссориться, браниться, корить другъ груга. Когда Хмельницкій подошелъ, и на поляковъ наскочили подъ Корсунемъ казаки съ та-

тарами, вся польская рать разметалась въ стороны; начальники и многія тысячи простыхъ ратниковъ попались въ полонъ. Побѣдителямъ досталась огромная добыча; всякій казакъ сдѣлался изъ бѣдняка богачомъ.

Эти двѣ казацкія побѣды подняли весь народъ. Заколыхалась Украйна, закипѣли Волынь и Подолія (нынѣшнія губерніи этихъ названій). Русскіе люди собирались десятками и сотнями и отправлялись очищать Русскую землю отъ поляковъ и жидовъ. Такіе охочіе люди назывались гайдамаками, а шайки ихъ — загонами. Они не давали пощады ни одному католику, уніату или жиду; рѣзали ихъ, вѣшали, топили, мучили до смерти. Убивши пана, его семью и домашнихъ слугъ, гайдамаки жгли панское жилье, а всякое добро захватывали себѣ и дѣлились съ крестьянами.

Латинскіе монастыри и церкви гайдамаки разоряли до тла, ксендзовъ и монаховъ убивали, образа рубили и кололи. Пограбивъ и пожегши усадьбу или другое жилье, гайдамаки не забывали выкатить изъ панскаго погреба бочки съ виномъ. Тутъ у нихъ шла гулянка: они пили, пѣли пѣсни, плясали на пожарищѣ посреди разбросанныхъ труповъ.

Гайдамацкихъ загоновъ было безъ числа; они бродили по всей Украйнѣ, по Подоліи, по Волыни; даже въ далекой Литвѣ крестьяне поднялись на пановъ-поляковъ. Уцѣлѣвшіе паны либо разбѣжались, либо съ такимъ же звѣрствомъ били и грабили крестьянъ, казаковъ и гайдамаковъ. Тѣмъ временемъ собралось новое польское войско. Посмотрѣвши на него, можно было подумать, что оно съѣхалось на свадьбу или на ярмарку — торговать товарами, а не на смертный бой. Вездѣ были видны парча, бархатъ, золотая и серебряная посуда, оружіе, убранное каменьями самоцвѣтными, и разныя другія богатства. Пиры шли отъ утра до поздней ночи; поляки то и дѣло что веселились да похвалялись разогнать

казаковъ плетьми. Иные до того заврались, что сложили такую молитву: „не помогай, Господи, ни намъ ни казакамъ, а только смотри, какъ мы съ этимъ мужичьемъ раздѣлаемся“.

Два дня бился Хмельницкій съ этой ратью на рѣчкѣ Пилявкѣ. Въ ночь послѣ второго дня паны бѣжали; за ними побѣжало и все войско, побросавъ пожитки. Казакамъ и татарамъ досталось сто тысячъ возовъ съ разнымъ добромъ; пива, меду, вина было столько, что не знали куда дѣвать.

Въ то время, какъ все это происходило, умеръ король Владиславъ. Послѣ долгихъ сборовъ поляки выбрали новаго, и именно того, кого хотѣлъ Хмельницкій, — Яна-Казимира. Про него между казаками шла добрая слава: говорили, что онъ милостивъ и правосуденъ, не любитъ насилій и хочетъ оборонить русскій народъ отъ пановъ и ксендзовъ. Янъ-Казимиръ приказалъ Хмельницкому кончить войну, итти домой и ждать королевскихъ пословъ, чтобы постановить съ ними мирный договоръ. Хмельницкій въ январѣ 1649 года вернулся въ Украйну. Заводя войну, онъ хотѣлъ только отплатить панамъ за свою обиду, но не замышлялъ выходить изъ-подъ королевской власти, и потому короля послушался. Скоро пріѣхали къ нему послы не только изъ Польши, но и отъ всѣхъ сосѣднихъ земель: изъ Московскаго государства, изъ Турціи, Крыма и иныхъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Хмельницкому негдѣ было голову приклонить, а теперь онъ сталъ похожъ на государя. Но онъ отъ этого не загордился. Казацкіе полковники обходились съ нимъ по-братски, какъ съ ровней, просто и даже грубо; казаки звали его попрежнему „батькой“. Онъ пилъ простую горѣлку, подносилъ ее посламъ въ золотыхъ кубкахъ и самъ набивалъ имъ трубки табакомъ. Жена Хмельницкаго, которую онъ успѣлъ себѣ воротить, растирала мужу въ черепкѣ табакъ и потчевала гостей.

Польскіе послы привезли казакамъ отъ короля милость и прощеніе, а самому Хмельницкому жалованную грамоту на гетманство. Пошли переговоры: послы обѣщали казакамъ разныя льготы, но требовали, чтобы крестьяне вернулись подъ своихъ помѣщиковъ. Это было дѣло несбыточное; народъ не хотѣлъ мириться съ поляками, не добывъ отъ нихъ полной воли. Хмельницкій много перечить народу не смѣлъ: онъ разумѣлъ, что и самъ крѣпокъ только возстаніемъ народнымъ. Къ тому же крымскій ханъ обѣщалъ ему помогать всей своей ордой, турки тоже хотѣли прислать полкъ. Послы польскіе увидѣли, что ничего не добьются отъ Хмельницкаго. Онъ обходился съ ними круто и грубо, особенно когда бывалъ хмеленъ, а это случалось часто. Тогда онъ бранилъ поляковъ за то, что они королю своему никакой воли не даютъ; кричалъ, что вывернетъ ихъ кверху ногами и отдастъ туркамъ, грозился, что выбьетъ весь русскій народъ изъ польской неволи. Послы не знали, съ какой стороны къ Хмельницкому подступиться, и уѣхали ни съ чѣмъ, да были еще рады, что убрались по-здорову.

Опять началась война. На помощь къ Хмельницкому пришелъ крымскій ханъ, турки, черкесы, донскіе казаки. Хмельницкій окружилъ польское войско и стѣснилъ его такъ, что у поляковъ появился голодъ; ѣли все, что̀ попало, даже начальникамъ приходилось ѣсть похлебку изъ крысъ. Но поляки все-таки храбро держались, поджидая своего короля, который, съ великимъ трудомъ собравъ поголовное ополченіе изъ шляхты, шелъ навыручку. Хмельницкій бросился къ нему навстрѣчу и напалъ на него подъ г. Зборовомъ. Два дня тянулся бой. Король ободрялъ ратныхъ людей, бился на ряду съ ними, своими руками хваталъ за узды лошадей, оборачивалъ ихъ и подгонялъ впередъ. Несмотря на это, полякамъ приходилось худо: казаки и татары окружили

Къ стран. 250.

Богданъ Хмельницкій грозитъ польскимъ посламъ.

ихъ со всѣхъ сторонъ. Поляки пустились тогда на хитрость: переслались съ крымскимъ ханомъ и задобрили его. Ханъ вступилъ въ переговоры, Хмельницкому пришлось дѣлать то же. Поляки заплатили хану деньги и обѣщали дать еще больше. Тогда ханъ сталъ требовать отъ Хмельницкаго, чтобы онъ не вымогалъ у поляковъ многаго и помирился бы на томъ, что̀ король жалуетъ. Гетманъ увидѣлъ, что если не послушается хана, то татары бросятъ казаковъ и станутъ на сторонѣ короля. Надо было выговорить хоть что-нибудь. Постановили договоръ на томъ, что казакамъ прощаются всѣ ихъ вины; впередъ имъ, казакамъ, быть въ 40 тысячахъ, Кіевскому митрополиту рѣшить съ панами объ уніи — какъ ей быть. Еще кое-какія льготы далъ король, но все это было не то, для чего поднялся народъ на поляковъ. Зборовскій договоръ выгородилъ только 40 тысячъ казаковъ, про крестьянъ и помину не было.

Подписавъ договоръ 9 августа 1649 года, Хмельницкій вернулся въ Украйну. Договоръ не угодилъ никому: поляки приняли его только до поры до времени, русскіе крестьяне отказались наотрѣзъ служить панамъ. Опять стали собираться въ гайдамацкіе загоны; опять пошли грабежи, пожары и убійства. Хмельницкій казнилъ непокорныхъ, но народъ не унимался. Имя Хмельницкаго, дотолѣ всѣмъ дорогое, многіе стали поминать съ бранью, съ проклятіями. Увидѣлъ гетманъ, что Зборовскому миру долго не пробыть, и сталъ опять готовиться къ войнѣ. Готовились также поляки и ужъ не попрежнему.

Война началась въ 1651 году; обѣ рати сошлись на рѣкѣ Стыри, при Берестечкѣ, 20 іюня. Поляковъ было триста тысячъ, не считая погонщиковъ и слугъ; у Хмельницкаго было казаковъ тысячъ сто слишкомъ да немногимъ меньше пришло татаръ съ крымскимъ ханомъ. Какъ только поляки ударили, ханъ не выдер-

жалъ, поворотилъ коня и поскакалъ назадъ во весь духъ; за нимъ бросилась вся орда. Хмельницкій съ малымъ числомъ казаковъ кинулся вдогонку за ханомъ, чтобы уговорить его вернуться въ бой. Тѣмъ временемъ поляки бросились на казацкое войско съ трехъ сторонъ. Между казаками поднялась такая суматоха, что они не могли распознать своихъ отъ чужихъ и палили другъ въ друга. Поляки одолѣли, казаки отошли назадъ.

Наступила ночь. Поджидая своего гетмана, казаки огородились возами и принялись окапываться. Но прошелъ день, прошло два, а Хмельницкій все не показывался. Поляки облегли казачій таборъ и стали въ него бить изъ пушекъ. Казаки отбивались огненнымъ боемъ, дѣлали вылазки, пускались на разныя хитрости, входили даже въ мирные переговоры. Такъ выстояли они 10 дней, а о гетманѣ все не было никакого слуха. Въ таборѣ появилась измѣна; многіе передались полякамъ. Казаки рѣшили, что ждать больше не для чего, и пустились наутекъ черезъ топкое болото. Много тутъ перетонуло казаковъ, а еще больше крестьянъ, которые отсиживались вмѣстѣ съ казаками за возами. Много было и такихъ, что не успѣли выбраться изъ табора и погибли подъ польскими саблями. Да и тѣхъ, которымъ удалось перебресть болото и уйти, постигла горькая доля: они либо попались въ руки поляковъ, либо перемерли съ голода въ дремучихъ лѣсахъ. Прахомъ была развѣяна подъ Берестечкомъ великая казацкая сила!

А съ Хмельницкимъ случилось вотъ что: догнавши хана, онъ принялся-было его уговаривать, но ханъ не только не послушался, а еще его самого захватилъ съ собою, грозясь выдать полякамъ. Ханъ озлобился на него за то, что подъ Берестечкомъ наткнулся на большую польскую силу, а Хмельницкій увѣрялъ, что поляковъ будетъ мало, и добычи у нихъ много. Съ тру-

домъ удалось Хмельницкому выкупиться за огромныя деньги. Взявъ деньги, ханъ все-таки его ограбилъ и пустилъ въ одной рубашкѣ да въ тулупѣ.

Пришлось опять просить у поляковъ мира. По новому договору пропадало почти все, что̀ было постановлено подъ Зборовомъ. Народъ роптал, земля была разорена въ конецъ, отъ разоренія пошелъ голодъ. Многія тысячи народа перебрались тогда въ Московское государство и построили казачьи слободы, что̀ теперь города: Сумы, Лебединъ, Харьковъ и другіе. А въ то время, какъ они уходили, другіе волновались и готовились встать на поляковъ снова. Поляки собирали войско. Видя все это, Хмельницкій сталъ просить Московскаго царя, чтобы онъ принялъ украинскій народъ подъ свою крѣпкую руку, иначе Украйна задастся за турецкаго султана. Тогда въ Москвѣ царствовалъ сынъ Михаила Ѳедоровича, Алексѣй Михайловичъ. Хмельницкій уже не въ первый разъ заводилъ объ этомъ переговоры, однако царь все не рѣшался, не хотѣлъ ввязываться въ войну съ Польшей. Но теперь затягивать дѣло было уже нельзя: приходилось либо совсѣмъ отступиться отъ Украйны, либо не дать ее въ обиду. Царь положилъ взять Украйну подъ свою защиту, но напередъ хотѣлъ спросить объ этомъ совѣта у выборныхъ людей. Осенью 1653 года онъ созвалъ въ Москвѣ земскій соборъ. Собору было сказано, что въ грамотахъ короля польскаго Московскій царь пишется не по государскому его достоинству, а многіе польскіе паны пишутъ съ великимъ безчестіемъ и укоризнами. Мало того, появились въ Польшѣ книги, гдѣ про государя, его отца и дѣда напечатаны злыя безчестья, укоризны и хулы. Кромѣ того, въ порубежныхъ мѣстахъ люди Московскаго государства терпятъ отъ литовскихъ людей всякіе задоры. А вдобавокъ ко всему гетманъ Богданъ Хмельницкій много разъ извѣщалъ государя, что на-

роду русскому и Церкви православной отъ поляковъ великое утѣсненіе, и просилъ его принять Украйну подъ свою государеву руку. Прочитавъ это, спросили соборъ: какъ поступить? Земскій соборъ приговорилъ: „за честь государеву стоять и противъ польскаго короля войну вести, а гетмана Хмельницкаго и все войско запорожское, съ городами и землями, чтобы государь изволилъ принять подъ свою руку“. Государь на этотъ приговоръ согласился и отправилъ къ гетману пословъ.

Въ это время между Украйной и Польшей опять шла война. Татары опять обманули Хмельницкаго и вмѣсто того, чтобы биться съ поляками, грабили Русскую землю. Истомилась несчастная Украйна: ужъ нѣсколько лѣтъ не высыхала на ней кровь человѣческая, не потухали пожары, не переводились грабежи. Народъ громко требовалъ защиты и нетерпѣливо ждалъ ея отъ царя православнаго. Наконецъ, московскіе послы пріѣхали, и на 8 января 1654 года собралась въ гор. Переяславлѣ великая рада (народное собраніе). Богданъ Хмельницкій вышелъ со всею старшиною украинскою и сталъ говорить народу. „Вотъ уже 6 лѣтъ“, сказалъ онъ: „живемъ мы въ тревогѣ и утѣсненіи; видно, нельзя намъ обойтись безъ царя. Выбирайте кого хотите: турецкаго султана, крымскаго хана, короля польскаго, либо православнаго царя Великой Руси. Турецкій султанъ — басурманъ, отъ него православные греки терпятъ большую бѣду. Крымскій ханъ тоже басурманъ; по нуждѣ мы свели съ нимъ дружбу и за то сколько вынесли горя, разоренія и пролитія крови христіанской! Объ утѣсненіяхъ отъ поляковъ и говорить нечего; сами знаете, что нашъ братъ былъ для пановъ хуже жида и собаки. А православный царь восточный одного съ нами благочестія, одного греческаго закона. Онъ сжалился надъ нами и прислалъ къ намъ своихъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Если мы его съ усердіемъ возлюбимъ,

то и лучшаго пристанища не найдемъ. А кто насъ не послушаетъ, то пусть идетъ, куда хочетъ: вольная дорога". Выслушавъ своего гетмана, весь народъ завопилъ: „Хотимъ подъ царя восточнаго, православнаго!" Одинъ полковникъ пошелъ по кругу и спрашивалъ на всѣ стороны: „Всѣ ли такъ хороши?" — „Всѣ", кричалъ народъ. Тогда Хмельницкій громкимъ голосомъ сказалъ: „Да укрѣпитъ насъ Господь Богъ подъ его царской рукой!" Народъ закричалъ: „Боже, утверди, Боже, укрѣпи, чтобы мы навѣки всѣ были едино!"

Послѣ этого прочитали договоръ, по которому Украйна отходила отъ Польши къ Московскому государству. Этимъ договоромъ позволялось казакамъ быть въ 60.000; казаки сами себѣ могутъ выбирать гетмана: править городами и собирать подати будутъ не московскіе, а украинскіе люди, и многое другое. Народъ былъ очень доволенъ договоромъ.

Скоро началась между царемъ Московскимъ и королемъ польскимъ война; Хмельницкій тоже пошелъ съ своими казаками. Война шла очень счастливо; въ короткое время русскіе завоевали больше 200 городовъ. Похоже было на то, что всѣ русскіе земли отойдутъ отъ Польши къ Москвѣ, и станетъ единое Русское государство. Но это дѣло не устроилось. Шляхта ужъ ополячилась и тянула къ Польшѣ, ксендзы тоже, а ихъ много развелось въ западной Руси. Даже казачья старшина не вся стояла за Московскаго государя; въ ней было много шляхтичей, хоть и православныхъ; а шляхтѣ подъ польской властью было привольное житье. Люди высшаго духовнаго чина тоже не хотѣли изъ-подъ Византійскаго патріарха перейти подъ Московскаго. Да и самъ Хмельницкій передался съ Украйною Московскому царю больше оттого, что ничего другого нельзя было сдѣлать: простой народъ крѣпко тянулъ къ Москвѣ. У Хмельницкаго были другіе замыслы; Богдану хотѣ-

лось изъ Украйны, Подоліи, Волыни сдѣлать особое государство; но у этого государства было бы такъ мало силы, а отъ задорныхъ сосѣдей такъ много докуки и безпокойства, что ему не простоять бы никоимъ образомъ. Хмельницкій видѣлъ, что это дѣло несбыточное, и скорбѣлъ; тоска одолѣла его, а потомъ и смертный недугъ. Говорятъ, будто извести гетмана помогло и лютое зелье. Пріѣхалъ къ Хмельницкому какой-то именитый польскій дворянинъ и посватался за его дочь. Гетманъ былъ не прочь, ударили по рукамъ, и дворянинъ сталъ собираться домой, чтобы изготовить все къ свадьбѣ. На прощаньи онъ вынулъ изъ своего погребца скляницу съ водкой, которою очень хвалился. Когда Хмельницкій отвернулся, то дворянинъ налилъ въ его чарку водки изъ другой скляницы, и оба выпили за невѣстино здоровье. Съ той поры нареченный женихъ не показывался больше на Украйнѣ, про него и слухъ пропалъ, а Хмельницкій началъ сохнуть и хирѣть. Смертный часъ его поддступалъ; Хмельницкій усердно молился Богу. 15 августа 1657 года онъ причастился св. Таинъ и велѣлъ похоронить себя въ Субботовѣ. Ровно въ полдень ударила пушка, и начался погребальный звонъ: Богдана Хмельницкаго не стало.

Черезъ двѣ недѣли тѣло гетмана повезли въ Субботовъ. Не слышно было церковнато пѣнія, такъ плакали и вопили казаки, погребая батьку своего, стараго Хмельницкаго.

XXIII.

Патріархъ Никонъ.

Въ 1645 году, когда умеръ царь Михаилъ Ѳедоровичъ, на престолъ московскій сѣлъ его 16-лѣтній сынъ, Алексѣй Михайловичъ. Онъ былъ государь добрый, милостивый, но по мягкому своему нраву давалъ близкимъ людямъ слишкомъ много воли, а они обижали народъ. Отъ этого пошли бунты; началось съ Москвы, потомъ перешло и въ другіе города. Разобравъ дѣло, царь увидѣлъ, что неправды были большія. Тогда онъ созвалъ разныхъ высокаго чина людей и держалъ съ ними совѣтъ — какъ утвердить въ Русской землѣ судъ и рядъ законами. На совѣтѣ рѣшили: выписать, что̀ къ дѣлу подходитъ, изъ правилъ апостольскихъ и св. отцовъ, изъ законовъ греческихъ царей, собрать указы прежнихъ русскихъ государей и написать новые, чтобы судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ людямъ равно. Когда это дѣло было изготовлено, царь собралъ земскій соборъ изъ дворянъ, купцовъ и посадскихъ людей, и они законъ этотъ утвердили нерушимо. Такъ вышло С о б о р н о е У л о ж е н і е Алексѣя Михайловича, а потомъ были объявлены и многіе другіе указы и уставы о дѣлахъ земскихъ, ратныхъ и иныхъ.

Бунты однако не унимались; то здѣсь, то тамъ народъ поднимался не изъ-за того, такъ изъ-за другого.

Скоро прибавилась и новая невзгода: всталъ расколъ въ Церкви Божіей и появился великій соблазнъ — раздоръ между царемъ и патріархомъ Никономъ.

Никонъ былъ крестьянскій сынъ и назывался въ міру Никитой. Сызмальства онъ натерпѣлся много горя отъ своей мачехи, и когда подросъ, бѣжалъ въ монастырь. Сродники однако упросили его воротиться; онъ женился и сдѣлался сельскимъ священникомъ. У него было трое дѣтей, но всѣ они перемерли; Никиту опять потянуло въ монастырь. Онъ уговорилъ жену свою постричься; ушелъ самъ въ дальній пустынный скитъ, и при постриженіи нареченъ Никономъ. Уставъ монастырскій былъ строгій, но Никонъ жилъ еще строже устава. Однако онъ тутъ пробылъ не долго: нравъ у него былъ крутой, строптивый, неуживчивый; Никонъ поссорился съ настоятелемъ и ушелъ въ другую пустынь, Кожеезерскую. Въ обители этой онъ велъ прежнюю строгую, суровую жизнь, и его скоро выбрали игуменомъ. Добрая слава о его иноческихъ трудахъ, добродѣтеляхъ и о великомъ разумѣ пронеслась далеко, дошла даже до царя. Когда Никонъ пріѣхалъ разъ въ Москву за монастырскими нуждами, Алексѣй Михайловичъ захотѣлъ его видѣть. И видъ Никона, и рѣчь его такъ полюбились царю, что онъ оставилъ его въ Москвѣ и велѣлъ посвятить въ архимандриты Новоспасскаго монастыря. По волѣ государя Никонъ каждую пятницу сталъ ходить въ царскій дворецъ, велъ съ государемъ душеспасительную бесѣду, просилъ у него за сиротъ, за утѣсненныхъ и обиженныхъ. Царь милостиво его выслушивалъ, рѣшалъ праведно, приказывалъ брать челобитныя отъ жалобщиковъ и впередъ. Что дальше, то больше любилъ и жаловалъ царь Никона, и съ каждымъ днемъ крѣпкій, упорный нравъ новоспасскаго архимандрита все больше бралъ верхъ надъ мягкосердымъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Такъ прошло три года; Никона сдѣлали Новгородскимъ митрополитомъ. Слезно плакалъ царь, прощаясь со своимъ любимцемъ, пересылался съ нимъ грамотами, вызывалъ его въ Москву для совѣта о разныхъ дѣлахъ, далъ ему большую власть въ Новгородѣ. И Никонъ служилъ царю и Церкви честно, не жалѣя себя. Какъ-то недобрые люди обманомъ смутили новгородцевъ и подняли въ городѣ бунтъ. Власти городскія не могли сладить съ бунтовщиками; воевода бѣжалъ къ митрополиту, и Никонъ спряталъ его въ своихъ хоромахъ, а самъ вышелъ уговаривать народъ. Бунтовщики были злы на митрополита за то, что онъ проклялъ въ церкви главныхъ ихъ зачинщиковъ, бросились на него, ухватили со всякимъ безчиніемъ и избили палками и каменьями до полусмерти. Очнувшись, Никонъ не захотѣлъ оставаться дома, пока не усмиритъ бунта. Онъ исповѣдался, собралъ архимандритовъ, священниковъ, поднялъ хоругви, кресты, иконы и пошелъ крестнымъ ходомъ къ собору, около котораго собирались мятежники. Кровь лилась у Никона изъ ушей и горла, онъ насилу передвигалъ ноги, но, несмотря на это, отслужилъ въ соборѣ обѣдню и потомъ пошелъ уговаривать бунтовщиковъ. Скоро послѣ того бунтъ унялся.

Въ 1652 году скончался Московскій патріархъ Іосифъ. Соборъ сталъ выбирать новаго патріарха и по волѣ царя выбралъ Никона. Никонъ отрекся. Царь сталъ упрашивать его, Никонъ опять отрекся. Тогда царь, духовенство, бояре и народъ пали на колѣни на помостъ церковный и, проливая слезы, умоляли Никона сѣсть на патріаршемъ престолѣ. Заплакалъ Никонъ, поднялъ царя и потомъ, оборотившись къ боярамъ и народу, спросилъ: „Будете ли почитать меня, какъ архипастыря и отца, и дадите ли мнѣ устроить Церковь?“ Всѣ съ клятвой отвѣчали, что будутъ и дадутъ. Тогда Никонъ согласился и черезъ три дня былъ посвященъ.

Между царемъ и патріархомъ завязалась самая близкая дружба и пріязнь. Они вмѣстѣ молились, вмѣстѣ обѣдали; Никонъ крестилъ дѣтей царскихъ, съ Никономъ царь держалъ совѣтъ о дѣлахъ большихъ и малыхъ. Когда царь принялъ подъ свою руку Малороссію (Украйну) и потомъ отправился противъ поляковъ въ походъ, государство онъ оставилъ на Никона. Когда во время войны появилась въ Москвѣ моровая язва, царь отдалъ свою семью подъ охрану Никону. Никонъ и землей управилъ и царскую семью уберегъ. За такое его радѣніе и заботу царь сталъ величать Никона великимъ государемъ.

Заботясь о дѣлахъ государственныхъ, ратныхъ и земскихъ, Никонъ еще больше того радѣлъ о дѣлахъ церковныхъ. Въ русской Церкви было съ давней поры большое нестроеніе, которое къ Никонову времени не убавилось, а выросло. Между архимандритами и протопопами много было такихъ, что едва азбуку знали, по церковнымъ книгамъ брели съ трудомъ и въ вѣрѣ святой разумѣли не много больше простыхъ мужиковъ. Такъ, одинъ игуменъ спрашивалъ у своего святителя: когда жилъ Илья пророкъ, прежде или послѣ Рождества Христова? Священники иногда не ходили въ церковь не только въ воскресенья, но и по большимъ праздникамъ, либо приказывали вмѣсто себя служить дьяконамъ, дьячкамъ и понамарямъ; а многіе хоть въ церковь и ходили, да служить лѣнились: по служебнику молитвы и послѣдованія вовсе не читали или читали дома на скорую руку, а въ церкви только стояли у престола, бесѣдовали о мірскихъ дѣлахъ да говорили одни возгласы. Поученій народу въ церквахъ не говорили вовсе. Иные священники до того были падки на корысть, что за деньги продавали причастіе недостойнымъ. Пьянство развелось безъ мѣры: пили не только попы и дьяконы, но даже иноки. По городамъ и селамъ блуждали

священники и дьяконы безъ мѣстъ и творили всенародно всякое безчиніе, иногда грабили по большимъ дорогамъ вмѣстѣ съ разбойниками. Простая монашеская братія навыкла жить по своей волѣ; монахамъ не любо было тихое иноческое житіе: они бродяжничали по всей землѣ, не обходя и мѣстъ зазорныхъ, худыхъ домовъ. Архіереи мало радѣли о своей паствѣ и о подначальномъ духовенствѣ: въ священники и дьяконы ставили кого попало, безъ выбора. Люди архіерейскіе со ставленниковъ брали взятки; подьячіе вымогали у нихъ деньги мýками, коли не давали доброй волей.

Въ богослуженіи не было благочинія и порядка. Изъ лѣни, ради скорóсти, читали и пѣли божественную службу въ два и въ три голоса разомъ, на разные напѣвы, такъ что ничего понять было нельзя. Міряне приносили въ церковь свои иконы, которыя они звали своими богами, ставили ихъ по стѣнѣ, гдѣ попало, затепливали передъ ними свѣчки и потомъ этимъ своимъ иконамъ молились, стоя иногда къ алтарю спиной. А къ мѣстнымъ иконамъ свѣчей не ставили и къ этимъ иконамъ не прикладывались. Многіе приходили въ церковь не ради молитвы, а чтобы толковать о мірскихъ дѣлахъ; былъ между ними говоръ и прекословіе, и скаредная брань, а подчасъ и драка до крови. Безчиніе было большое, и всѣ на него смотрѣли, какъ на дѣло обычное.

Но самое большое зло было въ священныхъ и богослужебныхъ книгахъ. Искони русскіе люди привыкли питать свою вѣру и благочестіе церковными уставами, обрядами, богослуженіемъ. Однако духъ истиннаго благочестія въ нихъ былъ живъ; они не боялись, коли святители исправляли чтò невѣрное въ обрядахъ или въ книгахъ и не считали это за нечестивое дѣло, за порчу вѣры. Потомъ пошло иначе. Со временъ татаръ училища все убывали, а подъ конецъ ихъ совсѣмъ почти не было. Учиться было негдѣ; размножились такіе свя-

щенники, которые не только мірянъ поучать не могли, но и сами читали и пѣли въ церквахъ, не разумѣя толкомъ, что̀ читаютъ и поютъ; иные даже въ азахъ были не горазды. Стала вѣра не живая, а мертвая; разума въ священномъ Писаніи не искали; заботились не о томъ, какъ надо вѣровать и по вѣрѣ святой жизнь свою вести, а какъ творить земные поклоны, какъ вкушать просвиры, ломая ихъ на кусочки, дважды или трижды пѣть аллилуія. Иной всю жизнь прожилъ зазорно и нераскаянно, лѣтъ 40 или 50 не бывалъ у исповѣди и св. причастія, а все-таки думалъ, что спасется, коли его погребутъ около церкви. Расплодилось суевѣріе и пустосвятство; говорили и спорили не о разумѣ вѣры, а о словахъ да о буквахъ.

Такое невѣжество, такая мертвая вѣра сказались и на богослужебныхъ книгахъ. Въ старинныя времена книгъ печатать не умѣли, а только переписывали. Отъ небреженія, неразумія или кривого толкованія переписчиковъ въ книгахъ развелось много ошибокъ, и чѣмъ меньше оставалось на Руси училищъ и ученыхъ людей, тѣмъ больше забиралось въ книги мыслей неправыхъ или нечестивыхъ, или даже безсмыслицъ. Лучшіе пастыри русской Церкви задолго, лѣтъ за 100 до Никона, видѣли, что надо поправить книги, иначе онѣ испортятся еще больше, и русская Церковь отойдетъ по нимъ отъ православія. Люда разумные, ученые принимались за это не разъ, но всегда была имъ помѣха отъ людей темныхъ и суевѣрныхъ. Эти суевѣрные люди стояли за всѣ искалѣченныя слова и безсмыслицу, какъ за вѣру святую, какъ за слово Самого Спасителя. Они толковали вкривь и вкось, спорили, горланили, подымали на справщиковъ народъ и власти, и дѣло останавливалось. Наконецъ, принялся за него патріархъ Іосифъ. Но онъ взялъ въ справщики книгъ такихъ протопоповъ и поповъ, которые мыслили неправо и держались въ обрядахъ

многаго такого, чего встарину въ православной русской Церкви не бывало. Все, что̀ вошло въ обычай и въ привычку въ послѣднія 150, 100 лѣтъ или меньше, все, что̀ попало въ церковные обряды, по небреженію, невѣдомо какъ, эти справщики напечатали въ богослужебныхъ книгахъ. Такъ, напримѣръ, они напечатали, что креститься нужно двумя перстами, а не тремя; между тѣмъ встарину православные клали на себя крестное знаменіе всегда трехперстное.

Десять лѣтъ справщики печатали книги и напечатали ихъ 6000; книги эти разослали по всей русской землѣ, и такимъ способомъ неправославныя мысли и толкованія размножились пуще прежняго.

Никонъ принялся вводить во всемъ порядокъ и благоустройство. Онъ не велѣлъ приносить въ церковь иконъ изъ домовъ; приказалъ пѣть и читать въ одинъ только голосъ, безъ спѣха; завелъ по церквамъ согласное пѣніе. По воскреснымъ днямъ и по праздникамъ Никонъ сталъ говорить народу поученія и благословилъ надежныхъ и ученыхъ священниковъ дѣлать то же самое. Архіереямъ онъ наказывалъ заводить школы, чтобы готовить людей въ священники и дьяконы, и самъ открывалъ въ Москвѣ училища. Въ священники и дьяконы онъ ставилъ съ выборомъ, дурныхъ сводилъ прочь, а тѣмъ, что̀ были безъ мѣста, не давалъ бродяжничать. Но, будучи нрава крутого и на гнѣвъ скоръ, онъ поступалъ строго и немилостиво; укорялъ людей прямою, суровою рѣчью, не чинился съ архіереями и знатными людьми. Иногда, не сдерживая своего нрава, онъ поколачивалъ поповъ своеручно въ самой церкви. Пьяныхъ, буйныхъ и особенно непослушныхъ онъ приказывалъ пытать накрѣпко, сѣчь розгами, бить палками.

За книжное исправленіе взялся Никонъ бережно, такъ, чтобы не было на него укора въ самовольствѣ. Онъ просилъ царя созвать соборъ и показалъ собору испор-

ченныя книги; соборъ рѣшилъ, что книги надо исправить. Только коломенскій епископъ Павелъ съ немногими другими упорно стоялъ за испорченныя книги; этихъ людей отправили въ ссылку по дальнимъ мѣстамъ. Чтобы соборное постановленіе утвердить еще крѣпче, Никонъ послалъ спросить восточныхъ патріарховъ; патріархи отвѣчали тоже, что книги надо исправить. Тогда Никонъ велѣлъ собрать изъ русскихъ монастырей самыя старыя книги; послалъ ученаго инока на Аѳонскую гору, въ Іерусалимъ и другія святыя мѣста, скупать старинныя греческія книги. Собравъ большое число книгъ, Никонъ принялся за дѣло и справщиками поставилъ людей ученыхъ, въ св. Писаніи свѣдущихъ. Когда многое ужъ было сдѣлано, случаемъ пріѣхали въ Москву одинъ восточный патріархъ и три митрополита. Ихъ позвали на соборъ, показали книги и испорченныя и исправленныя. Патріахъ и весь соборъ постановили, что испорченныя книги исправлять надо, а исправленныя благословили печатать. Соборъ также объявилъ, что креститься подобаетъ не двумя, а тремя перстами, ибо такъ ведется въ православной Церкви искони, а двуперстный крестъ есть новая выдумка.

Послѣ этого исправленіе книгъ пошло ходко. Исправивши книги, Никонъ приказывалъ ихъ печатать, разсылать по церквамъ и отбирать старыя, испорченныя. Сначала пошелъ глухой ропотъ, а потомъ появились и ослушники изъ архимандритовъ, священниковъ, причетниковъ. Первыми тому заводчиками были справщики, что̀ портили книги при патріархѣ Іосифѣ и которыхъ Никонъ отъ этого дѣла отставилъ. Они изъ нихъ прекословили потому, что Никонъ обидѣлъ ихъ, задѣлъ за живое; другіе отъ чистаго сердца вѣрили, что Никонъ вѣру портитъ. Они стали распускать про Никона злую молву; говорили, что патріархъ напускаетъ на православную Русь поганство, отымаетъ отъ русскихъ людей

истинную вѣру и вводитъ богопротивную ересь латинскую. Толковали, что всѣ святые и чудотворцы, просіявшіе отъ начала Русской земли, молились, спасались и угодили Богу по старымъ книгамъ и обрядамъ, стало-быть отступиться отъ старыхъ книгъ значитъ отступиться отъ вѣры. Дурная молва росла и пробиралась въ монастыри. Въ Соловецкомъ монастырѣ иноки кричали, что имъ, чернецамъ коснымъ, не переимчивымъ и грамотѣ не навычнымъ, на старости лѣтъ по новымъ книгамъ переучиваться не подъ стать. Простая братія горланила, что если священники станутъ служить по новымъ книгамъ, то она и къ причастію не пойдетъ. Говорили въ разныхъ мѣстахъ и многое другое; обзывали Никона отступникомъ, звѣремъ лютымъ, волкомъ. Ихъ слушали и вѣрили: одни по малоумію и темному разумѣнію, другіе по злобѣ на Никона за то, что былъ онъ неподатливъ, крутъ и въ наказаніяхъ суровъ; за то, что возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко, съ низшимъ духовнымъ чиномъ былъ немилостивъ и гордъ и прежнюю общительность между патріархомъ и духовенствомъ уничтожилъ. На него встали архимандриты, священники и причетники худые, недостойные, которые отъ поблажки прежнихъ патріарховъ привыкли жить въ лѣни, распутствѣ, своевольствѣ и никакую власть не уважать. Поднялись на него также темные люди, которые ровно ничего не разумѣли въ православіи и держались въ вѣрѣ только слова да обряда. Не хотѣли понять эти темные и упорные, люди, что книги исправляли не по самовольству Никона, а постановленіемъ освященнаго собора и патріарховъ восточныхъ, что перемѣняли не вѣру, а только нѣкоторые обряды, и притомъ обряды не старые, а новые, испорченные. Такъ появился въ русской Церкви расколъ, мятежъ церковный.

Но не одни раскольники ненавидѣли Никона. Онъ не ладилъ почти ни съ какими властями. Съ боярами и

именитыми людьми онъ обходился круто, укорялъ ихъ въ глаза, даже въ царской думѣ, за незаконные поборы, за суды неправые, за угнетеніе народа. Доставалось имъ отъ Никона и за то, что причиняли они церковной власти всякія обиды, вступались въ церковныя дѣла и въ святительскіе суды, распоряжались церковными и монастырскими имѣніями, какъ хотѣли. Но терпѣли бояре отъ Никона и не по правдѣ; ревнуя о православіи, онъ иногда заставлялъ ихъ говѣть силой, коли не хотѣли волей, и вступался въ ихъ домашнія дѣла. Въ то время, какъ царь былъ на войнѣ, думные бояре должны были каждое утро приходить къ Никону; если кто запаздывалъ, то Никонъ заставлялъ его ждать на морозѣ по цѣлымъ часамъ. И многія другія обиды видѣли бояре отъ Никона; затаивъ досаду, они ждали своего череда, выжидали удобнаго времени, чтобы отплатить суровому и немилостивому патріарху съ лихвою. Скоро этотъ чередъ подошелъ.

Побывавъ на войнѣ, повидавъ и земли новыя, и людей новыхъ, государь возмужалъ, сталъ человѣкомъ бывалымъ, привыкъ больше прежняго слушаться своего разума, своей воли. Въ это время и патріархъ, управляя землей, тоже больше прежняго привыкъ гнуть все подъ свою власть. Государь уже не хотѣлъ прежняго опекунства Никона и какъ будто остерегался крѣпкой его воли. Тутъ бояре и начали свою работу. Они стали шептать царю, что отъ Никонова властелинства никому житья нѣтъ, что онъ ставитъ свою власть выше царской и „великимъ государемъ“ зовется не спроста. Они увѣряли царя, что Никонъ уговариваетъ его вести иноземныя войны только для того, чтобы самому править землей; толковали и многое другое, въ чемъ было мало правды и много лжи. Государь хотя и сдѣлался больше прежняго зрѣлымъ человѣкомъ, но своего слабаго нрава не могъ передѣлать совсѣмъ. Онъ сталъ слушать бояръ и

вѣрить имъ, тѣмъ паче, что въ словахъ ихъ бывала и правда. Его дружба къ патріарху ослабѣла, поуменьшилась. Мало-по-малу государь пересталъ видѣться съ Никономъ, пересталъ звать его и въ думу, и къ столу своему. А Никонъ, по гордости своей, не хотѣлъ кротостью и ласкою добиваться прежней милости и дружбы царя. Онъ не искалъ себѣ доброхотовъ и не боялся недруговъ, и недруги схватились за это, чтобы въ конецъ разссорить царя съ патріархомъ,

Лѣтомъ 1658 года царь давалъ большой обѣдъ для одного иноземнаго царевича. Званыхъ было много, но Никона не позвали. Въ то время, какъ царевичъ ѣхалъ во дворецъ, и государевъ дворянинъ прочищалъ ему промежъ народа дорогу, подвернулся тутъ одинъ патріаршій бояринъ, и этого боярина дворянинъ побилъ палкой не по незнанію, а завѣдомо. Никонъ послалъ къ царю жалобу, царь обѣщалъ разобрать дѣло, однако ничего не сдѣлалъ. Черезъ нѣсколько дней былъ праздникъ; царь не пріѣхалъ въ соборъ на патріаршее служеніе, а прежде бывалъ всегда. Наступилъ другой большой праздникъ. Передъ обѣдней пріѣхалъ къ Никону отъ царя бояринъ и сказалъ, что государь не будетъ, что онъ гнѣвается, зачѣмъ патріархъ зовется „великимъ государемъ". „Я называюсь великимъ государемъ не по своей волѣ, а по царскому пожалованію", отвѣчалъ Никонъ. — „Царское величество почтилъ тебя, какъ отца и пастыря", возразилъ бояринъ: „а ты этого не понялъ. Теперь государь не велитъ тебѣ больше такъ зваться и писаться, и почитать тебя впередъ не будетъ".

Защемило гордое сердце Никона. Онъ поѣхалъ въ соборъ, отслужилъ обѣдню и, когда пропѣли „буди имя Господне", вышелъ на амвонъ и сказалъ, что онъ народу дурной пастырь, не умѣетъ пасти Христово стадо и потому патріархомъ быть не хочетъ. Народъ зашумѣлъ, послышался плачъ. Никонъ разоблачился; ему

принесли мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ, но народъ платье это у него отнялъ. Никонъ ушелъ въ ризницу, написалъ государю письмо, надѣлъ черный клобукъ и пошелъ-было изъ собора, но народъ столпился передъ нимъ и не пустилъ. Тогда Никонъ сѣлъ на послѣдней ступенькѣ амвона и сталъ ждать.

Царю сейчасъ же разсказали, что̀ дѣлается въ соборѣ. Алексѣй Михайловичъ очень встревожился, но въ соборъ не поѣхалъ, а послалъ самаго сановнаго боярина. Бояринъ этотъ пріѣзжалъ къ Никону два раза и уговаривалъ его, но не уговорилъ. Никонъ вышелъ изъ собора и пошелъ на подворье; народъ съ плачемъ бѣжалъ за нимъ. Придя на подворье, Никонъ благословилъ народъ и велѣлъ разойтись по домамъ, а самъ, проживъ тутъ три для, уѣхалъ въ свой любимый Воскресенскій монастырь, верстахъ въ 50 отъ Москвы.

У Никона не было въ мысляхъ сходить съ патріаршаго престола. Онъ хотѣлъ добиться только того, чтобы царь пришелъ самъ, помирился бы съ нимъ и попросилъ бы его остаться патріархомъ, какъ просилъ 6 лѣтъ назадъ. Но Никонъ на этотъ разъ ошибся: царь не пріѣхалъ.

Проживая въ Воскресенскомъ монастырѣ, Никонъ первое время какъ будто смирился, писалъ царю спокойно и миролюбиво, и никакихъ задоровъ у него ни съ кѣмъ не было. Благодушный царь тоже смягчился сердцемъ, на него напало раздумье — не черезъ мѣру ли Никону досталось. Бояре испугались и опять принялись смущать царя злыми рѣчами. Имъ удалось наконецъ нанести Никону большую обиду: царь приказалъ пересмотрѣть въ патріаршихъ кельяхъ всѣ вещи и бумаги Никоновы, чтобы доискаться до его неправдъ. Никонъ не стерпѣлъ и написалъ государю досадительное письмо; государь разгнѣвался, и пошло между ними нелюбье хуже прежняго. Государь созвалъ соборъ, чтобы вы-

брать новаго патріарха вмѣсто Никона; Никонъ на это согласился, но съ себя архіерейства не снималъ и хотѣлъ править своими монастырями, какъ правилъ ими до той поры. Такъ дѣло ничѣмъ и не кончилось.

Годы шли за годами; патріарха въ Москвѣ все не было. Раздоръ между царемъ и Никономъ не унимался, а росъ. Никонъ не умѣлъ сдерживать своего строптиваго нрава, съ сердцовъ да сгоряча писалъ царю непочтительныя письма, бранилъ своихъ лиходѣевъ, не разбирая словъ, и вообще дѣлалъ много такого, чего въ холодномъ разумѣ не сдѣлалъ бы. Никоновы рѣчи пересказывали царю съ прибавками, и царь не могъ знать, что̀ правда, а что̀ наносныя слова. Когда враги Никона унимались, тогда и добрый царь, вспоминая прежнее время, какъ будто готовъ былъ итти на мировую. Но Никоновы недруги были зорки и опять заводили смуту.

Раздору не видать было конца. Совѣсть тревожила Алексѣя Михайловича, что Церковь сиротствуетъ безъ пастыря, и онъ не зналъ, что̀ дѣлать. Напослѣдокъ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ думъ, онъ рѣшилъ: отдать все дѣло на судъ восточныхъ православныхъ патріарховъ. Заготовили къ нимъ грамоты, снарядили посла и отправили его звать патріарховъ въ Москву. Не мало прошло времени, пока гонецъ успѣлъ воротиться съ отвѣтомъ. Патріархи Константинопольскій и Іерусалимскій пріѣхать не могли, а Антіохійскій и Александрійскій обѣщали. И точно, они скоро прибыли къ русскому рубежу и съ великимъ почетомъ были привезены въ Москву. Это было въ ноябрѣ 1666 года.

Цѣлый мѣсяцъ прошло, пока Никона позвали на судъ. Въ это время патріархи бесѣдовали съ царемъ и разсматривали Никоново дѣло, а разсказывали и толковали имъ все дѣло три архіерея, самые злые враги Никона. Наконецъ, послали въ Воскресенскій монастырь — звать

Никона къ отвѣту. Соборъ ждалъ Никона въ столовой царской палатѣ; тутъ былъ самъ царь, были патріархи, архіереи, архимандриты, протопопы, многіе князья, бояре и другіе именитые люди. Никонъ пришелъ на соборъ съ почетомъ, какъ подобаетъ патріарху; поклонился государю до земли трижды, патріархамъ дважды. Патріархи просили его сѣсть, но Никонъ, увидѣвъ, что для него особаго мѣста не приготовлено, а оставлено порожнее на лавкѣ между архіереями, не захотѣлъ сѣсть и остался стоять. Тогда поднялся съ мѣста Алексѣй Михайловичъ, чтобы держать рѣчь, и всталъ посрединѣ; патріархи хотѣли также встать, но царь просилъ ихъ сидѣть, какъ должно судьямъ.

Царь сказалъ, что Никонъ оставилъ патріаршество самовольно, безъ царскаго повелѣнія и безъ соборнаго совѣта; отрекся отъ патріаршества, никѣмъ не гонимъ; оттого многіе смуты и мятежи учинились, и Церковь вдовствуетъ безъ пастыря девятый годъ. Толмачъ пересказалъ патріархамъ царскую рѣчь, и они стали спрашивать Никона. Соборъ тянулся подъ рядъ часовъ 8 или 9, и черезъ четыре дня собрался въ другой разъ. Судъ шелъ не по правдѣ: то его вели по церковнымъ правиламъ, то какъ вздумается. Никоновы отвѣты часто отводили новыми спросами, либо давали имъ иной смыслъ; спросивъ про одно, потомъ спрашивали про другое, что̀ къ первому спросу совсѣмъ не подходило. Вставалъ, кто хотѣлъ, и говорилъ про Никона, что̀ хотѣлъ, хоть бы оно прямо къ дѣлу и не шло; иногда подымались всѣ разомъ и въ голосъ укоряли Никона. Видя, что его собрались не судить, а обвинить, загодя осудивши, Никонъ по своему обычаю не сдерживалъ сердца, говорилъ задорно, даже не давалъ спуска самимъ патріархамъ. Кончилось тѣмъ, что соборъ приговорилъ: отселѣ Никону патріархомъ не быть, а быть простымъ монахомъ.

Черезъ недѣлю, 12 декабря, исполнили приговоръ.

Никона привезли въ одну малую церковь, а не въ соборъ, потому что опасались народной смуты; въ церковь собрались архіереи да немногіе бояре. Патріархи прочитали Никону соборное постановленіе и сняли съ него знаки патріаршаго сана; Никонъ при этомъ не удержался, сказалъ имъ досадительное слово. Народъ провѣдалъ, что Никона повезутъ изъ Москвы на другой день, и огромными толпами собрался по улицамъ на пути. Однако, страха ради народнаго, Никона выпроводили по другой дорогѣ и отвезли въ Ѳерапонтовъ монастырь.

Государь прислалъ Никону шубу и денегъ на дорогу и просилъ благословенія. Никонъ царскаго пожалованья не принялъ и благословенія не далъ.

Такъ кончилось Никоново дѣло. Во многомъ былъ виновенъ Никонъ, но велика была и заслуга его. Великій соборъ, осудилъ его за бывалыя и небывалыя вины, похвалилъ и утвердилъ почти всѣ его пастырскіе труды о Церкви и о книгахъ. Но мятежъ церковный усмирить ужъ было нельзя: такъ онъ выросъ и окрѣпъ. Между ближними царскими людьми было много тайныхъ раскольниковъ и раскольничьихъ потаковниковъ; въ то время, какъ Никонъ жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ и потомъ въ заточеніи въ Ѳерапонтовомъ, — они набрались смѣлости. Имъ удалось вернуть на свободу заводчиковъ раскола, которыхъ Никонъ сослалъ. Эти большаки, воротившись домой, не зѣвали; нечестивое дѣло спорилось въ ихъ рукахъ, и расколъ росъ шибко. Въ русскихъ людяхъ издавна развилось неразумное благочестіе, которое держалось только за слово да за обрядъ, а до разума Христовой вѣры не добиралось. Евангеліе, крестъ, имена святыхъ употребляли въ колдовствѣ и заговорахъ; просвирни надъ просвирами приговаривали; размножилось пустосвятство и ханжество, разныя небывалыя видѣнія, ложныя пророчества, чудеса и иныя бабьи бредни. Такихъ людей сманить

въ расколъ было бы не мудрено, тѣмъ паче, что раскольничьи вожаки не брезгали ничѣмъ: вымышляли разныя сновидѣнія, чудеса, пророчества, прибѣгали къ чародѣйству, къ колдовству. А когда за Никоновы исправленія сталъ великій соборъ 1666 года и мірскія власти, то заводчики раскола начали подымать народъ противъ властей и заведенныхъ порядковъ.

Издавна, еще съ великаго князя Ивана III, западные иноземцы стали появляться на Руси и приносить въ нее мастерства, ратную науку и разную хитрость книжную. Государи московскіе и лучшіе люди русскіе сначала смутно чуяли необходимость ученья, которымъ сильны другіе народы, потомъ стали разумѣть это яснѣе и яснѣе, особенно съ той поры, какъ при Иванѣ Грозномъ Московскому государству пришлось вести тяжкія и несчастливыя войны съ западными сосѣдями. Появились на Руси наемные иноземные полки; съ примѣра стороннихъ, чужихъ земель пошли перемѣны въ ратномъ строѣ, въ воеводскомъ распорядкѣ; стали появляться новизны и по другимъ нудящимъ потребностямъ. Царь Алексѣй Михайловичъ больше прежнихъ государей искалъ иноземной науки, пуще ихъ ласкалъ иноземцевъ. Даже дѣтей своихъ онъ растилъ не по-старинному, а во многомъ на иностранный ладъ. Многіе лучшіе люди тоже видѣли въ иноземной наукѣ благо и добро и отъ государя не отставали, иные даже впередъ уходили; но остальнымъ, огромному большинству, иноземныя новизны были не по душѣ. Русскій народъ давно ужъ жилъ особнякомъ, словно на краю свѣта; какимъ онъ былъ 200 или 300 лѣтъ назадъ, такимъ и остался. Русскій человѣкъ будто окаменѣлъ или спалъ долгое время непробуднымъ сномъ, какъ въ сказкахъ сказывается. Всякій свой обычай, хоть бы и худой, онъ считалъ за святыню, которую нарушить грѣшно и нечестиво. На иноземцевъ онъ смотрѣлъ съ высокоуміемъ,

называлъ ихъ погаными, зловѣрными, за грѣхъ почиталъ ѣсть и пить съ ними изъ одной посуды. Иноземныхъ обычаевъ, книжнаго ученья и всего прочаго онъ боялся, какъ чумной заразы, не разбирая добраго отъ злого. Не знали такіе темные люди и своей вѣры православной, потому что вѣра есть свѣтъ и любитъ свѣтъ, а они сжились съ тьмою и ко тьмѣ пригладѣлись. Не добравшись до разума Христова ученія, темные люди хватались только за то, что̀ видитъ глазъ и слышитъ ухо, за слово да за обрядъ, но и это малое въ толкъ взять не могли, потому что въ каждомъ словѣ и обрядѣ есть свой смыслъ, который не дается неучамъ.

Не мудрено стало-быть, что въ начинаніяхъ государевыхъ для просвѣщенія и устроенія Русской земли, упорные защитники старины видѣли только одну нечестивую затѣю. Они говорили, что отцы и дѣды жили безъ иноземщины, были здоровы, государямъ прямо служили, Русскую землю отъ недруговъ обороняли, такъ и нынѣ отъ старины ни которымъ дѣломъ отступать не приходится. А какъ принялся патріархъ съ государемъ исправлять церковные обряды да книги, то неразумный людъ переполошился того пуще. Съ голоса раскольничьихъ вожаковъ заговорили, что патріархъ съ государемъ затѣяли богомерзкое дѣло; что вмѣсто старинныхъ книгъ, по которымъ всѣ святые и чудотворцы угодили Богу и спаслись, нынѣ вводятся прокаженныя латинскія книги, и что по этимъ нечестивымъ книгамъ въ царствіе небесное не войдешь. Раскольничьи большаки толковали всюду, что сбывается пророчество, которое написано въ Апокалипсисѣ; а сказано тамъ, что въ послѣднія времена встанетъ страшный гонитель, врагъ Христовъ — антихристъ; будетъ онъ прельщать вѣрующихъ и отводить отъ истинной вѣры. „Эти послѣднія времена наступили“, говорили раскольничьи учители: „антихристъ народился въ об-

разѣ Никона, гонитъ и мучитъ православныхъ". „Всѣ иноземныя затѣи", толковали они, — „все это тоже антихристово прельщенье, и кто тому прельщенью поддастся, тотъ царствія небеснаго лишится и душу свою навѣки вѣчные загубитъ". Почти такъ поется и въ одной изъ сложенныхъ раскольниками пѣсенъ:

Вы рабы мои и рабыни,
Вы рабы мои, христолюбцы,
Вы постойте, пострадайте
За истинную вѣру,
За крестъ, за молитву.
Приходитъ на насъ послѣднее время:
Народился антихристъ,
Народился, воцарился;
Не долго свѣту свѣтить,
Не долго солнцу сіять, —
Послѣднее пришло время!
Убирайтесь, мои свѣты,
Въ дальнія пустыни,
Во пропасти во земныя;
Засыпайтесь, мои свѣты,
Вы хрящами, пепелами...

Раскольники-изувѣры подучали народъ, что послѣ Никонова отступничества осквернены ересью и антихристовой скверною церкви и чинъ богослужебный и таинства; что церкви стали теперь не храмы Божіи, а конскія стоялища. Страшнымъ судомъ грозили они тѣмъ, кто будетъ ходить въ церковь, причащаться, вѣнчаться; приказывали не слушаться ни въ чемъ пастырей-отметниковъ православной вѣры и жить съ женщинами безъ церковнаго благословенія; учили не слушаться и властей мірскихъ, которыя всѣ будто бы стали служить не Богу, а антихристу.

Такъ сѣяли смуты раскольничьи вожаки, и недоброе сѣмя не пропадало даромъ. Не льготно жилось тогда народу на Руси. Послѣ войны съ Польшей изъ-за Мало-

россіи пошла война съ Швеціею, потомъ опять война съ Польшей. Война эта тянулась много лѣтъ и кончилась тѣмъ, что только часть Украйны осталась за Москвой, а другая часть отошла назадъ къ Польшѣ. Въ Малороссіи встали смуты; она отступила отъ царя Московскаго и отдалась подъ турецкаго султана; пришлось изъ-за этого вести новую войну. Такъ все царствованіе Алексѣя Михайловича прошло въ войнахъ; поборы выросли, крестьяне обнищали, купцы разорились, крестьянская неволя стала тѣснѣе прежняго. Поэтому большакамъ раскольничьимъ не трудно было къ смутѣ церковной приплести смуту мірскую, сманивать людей въ расколъ и поднимать между ними бунты и мятежи. Вѣря на слово раскольничьимъ учителямъ во всемъ, что̀ касается вѣры, богобоязненные, но темные люди уходили въ расколъ чуть не толпами. Иные бѣжали въ глухіе лѣсные скиты, кромѣ того, отъ воеводъ-насильниковъ и всякихъ властей, отъ тяжелаго, горемычнаго житья. Другіе, привыкнувъ вести жизнь распутную, уходили и ради этого срамнаго дѣла, которое въ скитахъ было за обычай. Мірскія власти усмотрѣть за всѣми не могли, а духовныя и подавно. Отъ людей духовнаго чина расколъ зародился, ими онъ и на ноги всталъ. Правда, въ расколъ ушла только малая ихъ часть, но и это было для мірянъ соблазномъ великимъ. Къ тому же люди духовнаго чина были сами такіе же неучи и невѣжды, какъ и міряне. Не подъ силу имъ было раскольниковъ обличать или свою паству поученіями отъ раскола остеречь; не знали они даже, какъ самимъ оборониться. Да и мудрено было отъ нихъ многаго спрашивать: житье ихъ было горькое, беззаступное. Жалованье государево имъ не шло, отъ міра подаянія они тоже не видывали и работали сами, какъ простые пахотные мужики. Почти все ихъ время и вся забота уходили на то, чтобы добыть хлѣбъ насущный. Вое-

воды творили имъ всякое притѣсненіе и обиды, правили съ нихъ большіе сборы, даже посадскіе честили ихъ, какъ своихъ холоповъ. Отъ всего этого были они либо пастырями по одному имени, либо темными вожаками темнаго народа; а когда слѣпецъ слѣпца ведетъ, то не миновать имъ обоимъ напасти.

Лѣтъ черезъ 10, черезъ 12 послѣ великаго собора московскаго, раскольниковъ было уже тысячъ сто, и явныхъ и тайныхъ — властей страха ради. Такъ какъ за чистотою и правотою вѣры смотритъ св. Церковь, а раскольники отъ православной Церкви отошли, и своего церковнаго начальства у нихъ не было, то скоро не стало между ними единомыслія. Уже черезъ 25 лѣтъ послѣ своего начала, расколъ распался на два толка, а потомъ все больше стало появляться раскольничьихъ учителей, которые толковали вѣру и обряды каждый по-своему. Сложилась даже поговорка: „чтò мужикъ — то вѣра, чтò баба — то толкъ“. Раскольничьихъ толковъ прибавлялось чуть не съ каждымъ годомъ, и новые толки все дальше и дальше отходили отъ православія. Такъ расколъ дожилъ до нашихъ дней.

Между тѣмъ Никонъ сидѣлъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, въ тѣсной неволѣ. Пятнадцать лѣтъ тянулось его заточеніе. Нѣсколько разъ ему пооcлабляли неволю, давали больше свободы, оказывали даже честь и почетъ, когда въ Москву доходили о немъ хорошія вѣсти. А когда вѣсти были дурныя, то Никону приходилось выносить и строгій присмотръ приставниковъ, и обиды, и оскорбленія. Онъ не измѣнилъ своего нрава, не могъ забыть про былое время, когда у него была сила, власть и чинъ высокій; смиреніе и кротость находили на него только порой. А враги его, люди со злою памятью и недобрымъ сердцемъ, не спускали ему ничего, разносили про него дурную молву, доносили царю, прилыгали небывальщину. Забывъ совѣсть, они не боялись обижать бѣднаго,

Къ стран. 277.

Кончина патріарха Никона.

беззащитнаго старика. При сынѣ Алексѣя Михайловича, Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, Никона сослали даже въ другой монастырь и велѣли смотрѣть за нимъ крѣпче прежняго. Но царь былъ кроткій, милосердый; добрые люди вступились за Никона, и царь пожаловалъ, указалъ воротить бывшаго патріарха въ его любимый Воскресенскій монастырь.

Съ радостью и молитвой принялъ Никонъ эту добрую вѣсть. Но въ то время онъ страдалъ уже смертнымъ недугомъ; его съ трудомъ довезли до рѣки и посадили въ стругъ. Силы Никона слабѣли къ каждымъ днемъ, и 16 августа 1681 года, подъ Ярославлемъ, онъ пріобщился св. Таинъ. На другой день, когда церковный колоколъ ударилъ къ вечернѣ, Никонъ сталъ отходить. Братія обступила его; лежа на постели, онъ благословилъ всѣхъ, сложилъ руки крестомъ на груди, вздохнулъ глубоко и скончался.

По царскому приказу тѣло Никона повезли сухимъ путемъ съ великимъ почетомъ. По городамъ и селамъ встрѣчали его съ крестами, хоругвями и иконами, а изъ Воскресенскаго монастыря навстрѣчу вышелъ самъ царь со своей семьей и со всѣмъ дворомъ. Тѣло Никона одѣли въ патріаршее облаченіе, гробъ внесли въ церковь и, по обычаю того времени, поставили въ алтарь. Обѣдня и отпѣваніе шли больше 9 часовъ; Никона поминали какъ патріарха; самъ государь читалъ Апостолъ и пѣлъ вмѣстѣ съ пѣвчими. Когда подошло время, государь со слезами поцѣловалъ руку Никона и потомъ своеручно опустилъ гробъ его въ могилу.

По усильной просьбѣ царя восточные патріархи вернули Никону чинъ первосвятительскій, и въ церквахъ русскихъ стала возглашаться вѣчная память блаженному Всероссійскому патріарху Никону.

XXIV.

Стенька Разинъ.

Много было мятежей въ царствованіе Алексѣя Михайловича, но ни одинъ не надѣлалъ такихъ бѣдъ и такой тревоги, какъ бунтъ донского казака Стеньки Разина.

Казаки и послѣ самозванцевъ не давали покоя Московскому государству. Ихъ не убывало, а прибавлялось; люди Московскаго государства попрежнему бѣгали на Донъ. Правда, къ этому времени между казаками много завелось людей домовитыхъ, зажиточныхъ, которые жили спокойно и Московскому государю были вѣрны. Но еще больше проживало на Дону голи, голытьбы, у которой за душой ничего не было. Эта голь работать не любила и жила только грабежомъ да разбоями; одни грабили на морѣ турокъ да крымцевъ, другіе гуляли по Волгѣ. Случилось такъ, что крымцы загородили донскимъ казакамъ выходъ въ море. Между тѣмъ московскихъ бѣглецовъ все прибывало, жить бѣднякамъ стало на Дону нечѣмъ, пошелъ голодъ. Надо было ждать, что голяки пустятся на какое-нибудь лихое дѣло, какъ только станетъ у нихъ въ головѣ смѣлый атаманъ. Такъ и случилось: появился Стенька Разинъ, и казаки поднялись по первому его слову. Въ пѣснѣ про него поется:

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
Породился удалъ добрый молодецъ,
По имени Стенька Разинъ Тимоѳеевичъ;
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,
Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ:

Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голытьбою.
Сударн мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемъ, братцы, басурмански корабли,
Возьмемъ мы казны, сколько надобно!

Донской казакъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ былъ человѣкъ съ крѣпкой волей, съ свирѣпымъ, необузданнымъ нравомъ. Сердце его ни передъ чѣмъ не робѣло, ни отъ чего не смущалось. Онъ былъ жестокъ и кровожаденъ, какъ дикій звѣрь; не зналъ въ чемъ честь и въ чемъ безчестье, не зналъ ни закона ни совѣсти, да и знать не хотѣлъ. Росту онъ былъ средняго, плечистъ и коренастъ, голосъ имѣлъ громкій, взглядъ быстрый, повелительный. Въ его глазахъ и въ его рѣчахъ проглядывала такая сила, что наводила страхъ; говорили, что онъ колдунъ, знается съ нечистымъ, и на все есть у него слово для заговора. Какъ прямой казакъ онъ не любилъ бояръ и людей чиновниковъ, но еще пуще возненавидѣлъ ихъ съ той поры, какъ одинъ воевода повѣсилъ его брата за то, что тотъ самовольно вздумалъ уйти съ войны домой. Тогда Разинъ замыслилъ задать такого страха властнымъ людямъ Московскаго государства, какого имъ еще никто не задавалъ.

Собравъ въ 1667 году шайку голяковъ, Стенька поплылъ внизъ по Дону къ морю, чтобы пошаркать турецкіе берега; но домовитые казаки въ море его не пустили. Тогда Разинъ поплылъ по Дону вверхъ и переволокся на Волгу. Въ это время плылъ по Волгѣ изъ Нижняго въ Астрахань караванъ судовъ. Разинъ напалъ на караванъ, перебилъ и перевѣшалъ начальныхъ людей, а стрѣльцовъ и рабочихъ отпустилъ на всѣ четыре стороны. И стрѣльцы и рабочіе пошли въ Стенькину ватагу. Стенька поплылъ дальше, Волгой прорвался въ Каспійское море и, пройдя моремъ до устья рѣки Урала,

который тогда назывался Яикомъ, захватилъ обманомъ Яицкій городокъ. Казнивъ 170 человѣкъ начальныхъ людей и непослушныхъ стрѣльцовъ, Разинъ засѣлъ въ Яикѣ на зимовку. Сюда приходили къ нему изъ Астрахани и съ Дона послы, уговаривали отстать отъ воровского дѣла и принести повинную; Стенька пословъ не послушался и нѣкоторыхъ казнилъ. Приходил на него государевы полки; Разинъ побилъ государевы полки.

Какъ только наступила весна, Разинъ отправился въ море. Съ той поры про него на Руси не было слуха больше года; зато все время въ басурманскихъ земляхъ, по берегамъ Каспійскаго моря, только и рѣчи было, что про Разина. Онъ нападалъ на города и села, жегъ ихъ, убивалъ и забиралъ въ полонъ народъ. Гдѣ не хватало силы, тамъ Стенька пускался на хитрости, лукавилъ, обманывалъ. Много Каспійское побережье понесло тогда изъяна отъ Стенькиныхъ набѣговъ, особенно Персидская земля. Персидскій шахъ (царь) снарядилъ наконецъ семьдесятъ легкихъ струговъ и, посадивъ на нихъ 4 тысячи ратнаго народа, послалъ унимать Стеньку. Битва была злая и для персіянъ кончилась худо: всѣ ихъ струги были потоплены, либо попались въ плѣнъ; только три миновали казачьихъ рукъ, убѣжали. Но и Разину побѣда обошлась не дешево, у него погибло пропасть народа. Стенька призадумался. Надо было ждать, что шахъ не стерпитъ обиды и вышлетъ новую силу; надо было ждать и голода: золота и всякаго добра награблено было казаками много, а хлѣба у нихъ не хватало. Не хватало подчасъ и прѣсной воды: казакамъ приходилось пить воду морскую, соленую, — отъ этого они занемогали и умирали. Разинъ рѣшилъ, что на Каспійскомъ морѣ гулять полно, пора итти во-свояси.

Не пора ли намъ, ребята, со синя моря
Что на матушку на Волгу, на быстру рѣку?
Еще какъ-то намъ, ребята, города пройти?

Астраханское славное царство пройдемъ съ вечеру,
А Царицынъ городочекъ въ глуху полночь,
А Саратовъ на бѣлой зарѣ;
Мы Самарѣ-городочку не поклонимся,
Въ Жигулевскихъ горахъ мы остановимся.

Въ концѣ лѣта 1669 года Разинъ поплылъ къ Астрахани. На пути попался ему персидскій купеческій корабль; Стенька ограбилъ корабль и захватилъ подарки, которые шли отъ персидскаго шаха Московскому царю. Въ Астрахани была собрана сильная рать, но воеводы на бой со Стенькой не отважились. Они боялись, что когда дѣло дойдетъ до битвы, то ратные люди бросятъ ихъ и станутъ за Разина, и что на его сторону потянетъ весь черный народъ. Поэтому они загодя выправили милостивую царскую грамоту, по которой казакамъ прощались всѣ ихъ воровскія дѣла. Грамоту эту воеводы послали къ Разину и обѣщали ему прощенье и свободный проходъ домой, если онъ выдастъ имъ пушки, взятыя изъ царскихъ городковъ, отпуститъ служилыхъ людей, забранныхъ неволей, и отдастъ морскіе струги и плѣнныхъ персіянъ. Разинъ пообѣщалъ и послалъ людей цѣловать на томъ крестъ. Послѣ этого казаки приплыли въ Астрахань.

Тутъ они простояли десять дней и все время гуляли, пьянствовали, веселились, ни по чемъ спуская награбленное добро. Погрѣли тогда руки астраханскіе купцы, покупая у казаковъ все задешево; многіе въ нѣсколько дней разбогатѣли на всю жизнь. Стенька Разинъ тоже гулялъ и пьянствовалъ; воеводы якшались съ нимъ, ходили къ нему въ гости, звали его къ себѣ, угощали. Но самый большой почетъ былъ Разину отъ простого народа. Расхаживая по городу, онъ говорилъ со всѣми ласково, привѣтливо, не скупился на деньги, пособлялъ неимущимъ. Простые люди радостно встрѣчали Разина, снимали передъ нимъ шапки, становились на колѣни, кланялись въ землю и величали его „батюшкой“.

Наконецъ, Стенька со своими казаками поднялся восвояси, на Донъ. Пустое слово былъ договоръ, который урядили съ нимъ воеводы. Разинъ отдалъ, что̀ хотѣлъ, изъ пушекъ, струговъ, изъ служилыхъ людей и изъ полона́, а остальное взялъ съ собой. Напримѣръ, онъ отдалъ только 5 человѣкъ плѣнныхъ, а всего полону у него было больше сотни. Онъ не вернулъ даже царскаго добра, которое захватилъ, ограбивъ на морѣ персидскій корабль. Воеводы не смѣли много докучать Разину и рады были взять съ него хоть что-нибудь по договору.

Прибывъ на Донъ, Разинъ засѣлъ тутъ на одномъ островѣ, выстроилъ городокъ и обвелъ его землянымъ валомъ. Сюда со всѣхъ сторонъ повалила къ нему голь и разные гулящіе люди. Разинъ всѣхъ принималъ милостиво, дѣлилъ съ ними свою добычу, кормилъ бѣдныхъ и голодныхъ, задабривалъ народъ всячески. Въ городкѣ своемъ онъ сидѣлъ смирно, никого не грабилъ, задоровъ ни съ кѣмъ не заводилъ и только приказывалъ казакамъ, чтобы по первому слову были готовы. Недоброе замышлялъ Разинъ.

И точно, въ маѣ 1670 года Разинъ тронулся съ мѣста, пошелъ вверхъ по Дону, переволокся въ Волгу и подступилъ подъ гор. Царицынъ. Царицынцы отбили замо́къ у городскихъ воротъ и впустили къ себѣ Стеньку. Воевода и немногіе люди, которые вздумали обороняться, были перебиты. Послѣ того Разинъ побилъ на Волгѣ царскій полкъ, казнилъ начальныхъ людей, пограбилъ встрѣчныхъ купцовъ и поплылъ къ гор. Камышину. Камышинцы, какъ и царицынцы, сами отворили ему ворота. Воеводу и всѣхъ приказныхъ Стенька велѣлъ утопить и поплылъ дальше — къ Астрахани. Изъ Астрахани вышла противъ него рать, но какъ только завидѣла Стеньку, такъ вся ему и передалась. Начальниковъ перевязали и казнили.

Астраханскія власти чуяли надъ собой бѣду. Стрѣльцы, служилые люди и народъ волновались; съ прошлаго года они крѣпко полюбили Разина. Стенька подошелъ къ городу; ватага его къ этому времени выросла тысячъ до десяти. Іюня 24, въ 3 часа ночи, онъ повелъ къ городу приступъ, но драться почти не пришлось. Казаки приставили къ стѣнѣ лѣстницы и полѣзли, а стрѣльцы и горожане подавали имъ руки и помогали взбираться. Спустя малое время, уже весь городъ былъ въ Стенькиныхъ рукахъ. Раненый воевода лежалъ въ соборѣ на коврѣ; тутъ же набилось нѣсколько сотъ дворянъ, купцовъ, приказныхъ, женщинъ, — всѣхъ тѣхъ, кому нечего было ждать отъ Стеньки добра. Одинъ, только одинъ стрѣлецъ, Фролъ Дура, стоялъ въ дверяхъ съ ножомъ въ рукѣ и поклялся оборонять на смерть святое мѣсто. На разсвѣтѣ прибѣжали казаки, стрѣльца одолѣли и изрубили въ куски, всѣхъ попрятавшихся въ церкви вывели, перевязали и посадили рядкомъ около церкви.

Въ 8 часу пришелъ Стенька и сотворилъ надъ ними свой недолгій судъ. Воеводу онъ самъ взвелъ на колокольню и столкнулъ оттуда внизъ головой, остальныхъ велѣлъ убивать чѣмъ попало и хоронить всѣхъ въ одной ямѣ. Около ямы стоялъ монахъ и считалъ: всѣхъ побитыхъ было 441 человѣкъ. Потомъ Разинъ приказалъ вытаскать изъ приказной палаты грамоты, записи и всякія иныя бумаги, пожегъ ихъ всенародно и похвалился, что пожжетъ такъ всѣ дѣла наверху у государя. Не любилъ Стенька бояръ и воеводъ, но не любилъ онъ также никакихъ грамотъ и писаній; хотѣлъ жить по-казацки и чтобы всѣ другіе жили казацкимъ обычаемъ.

Послѣ казни пошелъ грабежъ: пограбили церкви, торговые дворы, хоромы убитыхъ и богачей. Потомъ Стенька горожанъ подѣлилъ, по казацкому обычаю, на тысячи, сотни, десятки, велѣлъ выбрать атамановъ и иныхъ чиновъ, указалъ управляться кругомъ, какъ у казаковъ

повелось. Все это дѣлалъ Стенька и въ другихъ городахъ, которые захватывалъ.

Стенька прожилъ въ Астрахани недѣли три. Старые и новые казаки все это время гуляли, напившись съ ранняго утра. Самъ Разинъ, тоже пьяный, либо разъѣзжалъ по улицамъ, либо сидѣлъ у митрополичьяго двора, поджавъ ноги по-турецки. Каждый день шла въ городѣ безпощадная бойня: рѣзали и топили всѣхъ тѣхъ, кто народу чѣмъ-либо не угодилъ, либо отрубали имъ руки и ноги. Каждодневная кровавая потѣха такъ всѣмъ полюбилась, что за большими потянулись и малые: ребятишки завели свои круги, судили виноватыхъ, били ихъ палками, вѣшали за ноги; одного повѣсили за шею и сняли мертваго.

Наконецъ, поставивъ въ Астрахани старшинъ, Стенька грянулъ вверхъ по Волгѣ. Онъ безъ труда взялъ Саратовъ и Самару, воеводъ утопилъ, начальныхъ и приказныхъ людей перебилъ и въ городахъ завелъ казацкіе порядки. Усиливъ свою ватагу саратовцами и самарцами, Разинъ поплылъ къ Симбирску.

Это было въ началѣ сентября 1670 года. Разинъ забрался далеко, но смута, которую онъ поднялъ, забралась еще дальше. Его вѣрные сторонники и пособники, казаки, рыскали всюду, забирались въ самыя дальнія страны Русской земли и бунтовали народъ. Царствованіе Алексѣя Михайловича было неспокойное, тревожное; войны не переставали, подати росли, а съ ними росло грабительство воеводъ и судейская неправда. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича закрѣпило крестьянъ за помѣщиками уже въ послѣдній разъ, накрѣпко. Крестьяне жили не только на всей господской волѣ, но и за господскую вину отвѣчали. Разбои и душегубство развелись такъ, что въ самой Москвѣ, на масленой, убивали и грабили по улицамъ. Въ такое тяжкое время не трудно было Разину смутить народъ, поднять его на бояръ и

на чиновныхъ людей. Но ему этого было мало: онъ хотѣлъ добраться до властей духовныхъ, до царя; хотѣлъ перевернуть кверху дномъ всѣ московскіе порядки. Однако онъ зналъ, что въ народѣ велика преданность къ царю и православной Церкви, и потому взялся за это дѣло бережно, не прямо. Въ началѣ того года умеръ у царя сынъ, царевичъ Алексѣй. Стенька сплелъ басню, будто царевичъ не умеръ, а живъ, что онъ убѣжалъ отъ отцовскаго суроваго обычая и отъ боярской злобы, и теперь проживаетъ при Стенькѣ. Разинъ пустилъ также молву, будто къ нему пріѣхалъ сведенный съ патріаршаго престола Никонъ. Вѣрные Стенькины разсыльные всюду разносили эти слухи. Въ одномъ мѣстѣ они сулили народу казацкое равенство и вольную жизнь, въ другомъ — подговаривали стать за царевича; тутъ ополчали богобоязненный народъ за патріарха, тамъ подучали раскольниковъ поборать за истинную вѣру противъ никоновской ереси. Стенька ничѣмъ не брезгалъ: подымалъ язычниковъ и магометанъ на христіанъ, звалъ крымскую орду и просилъ подмоги у персидскаго шаха. Лихое дѣло спорилось въ рукахъ Стенькиныхъ, мятежъ росъ и ширился, и разливался все дальше, какъ разливается вода, прорвавъ плотину. Богъ знаетъ, какихъ страшныхъ бѣдъ надѣлалъ бы Стенька Московскому государству, если бы подъ Симбирскомъ не нашла коса на камень.

Стенька возился съ Симбирскомъ цѣлый мѣсяцъ. Народъ передался ему, но ратные люди и окрестные дворяне не поддавались, отсиживались крѣпко. Въ концѣ сентября подошелъ къ нимъ на помощь воевода князь Барятинскій; Разинъ напалъ на него со своей ватагой и былъ побитъ. Черезъ трое сутокъ, ночью, Разинъ повелъ на городъ приступъ, въ это время одинъ полкъ изъ рати Барятинскаго зашелъ казакамъ въ тылъ и поднялъ такой крикъ, что они перепугались. Не зная, что̀

за сила сзади, Разинъ сталъ бояться, чтобы его ватагу не приперли къ городу. Онъ задумалъ бѣжать. Но у него, кромѣ донскихъ казаковъ, было очень много самарцевъ, саратовцевъ, астраханцевъ и окрестныхъ крестьянъ. Эту безпорядочную и непривычную къ ратному дѣлу толпу мудрено было увести такъ, чтобы Барятинскій не замѣтилъ. Стенька рѣшилъ бѣжать съ одними донскими казаками. Онъ поставилъ крестьянъ къ бою противъ города и сказалъ имъ: „Стойте здѣсь, а я съ казаками пойду на царскихъ воеводъ". Ночь была темная, казаки добрались до Волги, сѣли въ свои струги и уплыли.

Когда занялась заря, крестьяне увидѣли, что Стенька ихъ бросилъ, и пустились бѣжать. Барятинскій ударилъ имъ вслѣдъ, приперъ къ Волгѣ, перебилъ и перетопилъ великое множество и сотъ шесть захватилъ живьемъ. Судъ былъ скорый: всѣхъ до одного казнили.

Симбирская неудача погубила Стенькино дѣло. Правда, все Поволжье до Нижняго бунтовало, но бунтовщикамъ уже не было отъ Стеньки помощи: Стенька бѣжалъ. Царскіе воеводы ходили съ ратными людьми по бунтовавшимъ волостямъ и къ веснѣ мятежъ усмирили. Только Астрахань держалась еще нѣсколько мѣсяцевъ, да на дальнемъ сѣверѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ, по наукѣ Стенькиныхъ людей, засѣли раскольники и отсиживались противъ царскаго войска еще нѣсколько лѣтъ.

Подъ Симбирскомъ Стенька обманулъ, покинулъ черный народъ, и ему народъ не простилъ этого. Онъ прибѣжалъ къ Самарѣ, но самарцы не пустили его къ себѣ; прибѣжалъ къ Саратову, — саратовцы тоже не пустили. Стенька ушелъ на Донъ и принялся-было поправлять испорченное дѣло, но и тамъ ему удачи не было. Домовитые, зажиточные казаки послѣ Стенькиной неудачи, вошли въ силу и удерживали другихъ отъ новаго бунта. Стенька злился, приходилъ въ ярость, хва-

Къ стран. 287.

Поимка Стеньки Разина.

талъ своихъ противниковъ и жегъ ихъ въ печи вмѣсто дровъ; но дѣло его все-таки впередъ не двигалось. Мало того, что дѣло не спорилось, — подходилъ Стенькинъ конецъ. Въ Москвѣ, въ первое воскресенье Великаго поста, послѣ обѣдни, соборъ архіереевъ возгласилъ Стенькѣ анаѳему, а царь послалъ на Донъ приказъ: изловить воровского атамана непремѣнно. По царскому приказу казаки напали на Стеньку, сожгли его городокъ и перевѣшали всѣхъ, кого захватили. Въ живыхъ остались только самъ Степанъ Разинъ да братъ его Фролъ. Казаки очень боялись, чтобы Стенька своимъ колдовствомъ и чернокнижіемъ не ушелъ какъ-нибудь изъ неволи, а потому сковали его освященною цѣпью и посадили его въ святое мѣсто, въ церковный притворъ. Черезъ нѣсколько дней Стеньку и Фролку подъ крѣпкою стражей повезли въ Москву.

Подъ Москвой навстрѣчу Стенькѣ выѣхала большая телѣга съ висѣлицей. Стеньку поставили на телѣгу и приковали къ висѣлицѣ; Фролку поставили наземь, надѣли цѣпь однимъ концомъ на шею, а другой конецъ привязали къ телѣгѣ. Такъ Стенька Разинъ въѣхалъ въ Москву, за телѣгой бѣжалъ его братъ. Ихъ прямо привезли къ допросу и, по тогдашнему обычаю, стали пытать. Стенька вытерпѣлъ всѣ пытки, ни слова не вымолвилъ, да еще по временамъ издѣвался надъ палачами и ругалъ брата бабой за то, что тотъ отъ мученій кричалъ. Послѣ пытки посадили Стеньку съ братомъ въ тюрьму.

Какъ бывало мнѣ, добру молодцу, да времечко:
Я ходилъ, гулялъ, добрый молодецъ, по синю морю,
Ужъ я билъ, разбивалъ суда-корабли
Я татарскіе, армянскіе, басурманскіе;
Еще билъ, разбивалъ легки лодочки,
Какъ бывало легкимъ лодочкамъ проходу нѣтъ.
А нонѣча мнѣ, добру молодцу, время нѣтъ:
Сижу я, добрый молодецъ, во поиманьи,

Я во той ли во злодѣйкѣ, въ земляной тюрьмѣ,
У добра молодца ноженьки скованы,
На ноженькахъ оковушки нѣмецкія,
На рученькахъ у молодца замки затюремные,
А на шеюшкѣ у молодца рогатки желѣзныя.

Не долго сидѣли въ тюрьмѣ Стенька и Фролка: чрезъ день повели ихъ на казнь. Вся площадь была набита народомъ. Прочитали приговоръ; Стенька перекрестился, поклонился на всѣ четыре стороны и сказалъ народу: „простите“. Его положили на доску и притиснули сверху другой. Палачъ отрубилъ ему правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по колѣно и наконецъ голову. Брата его, Фрола, не казнили; онъ обѣщалъ разсказать, гдѣ Стенька схоронилъ всѣ воровскія письма и разныя иныя бумаги. Когда узнали отъ него все, что̀ нужно, его оставили въ тюрьмѣ въ покоѣ; тамъ онъ потомъ и умеръ.

Осиротѣли воровскіе казаки, закручинились по своемъ атаманѣ и сложили о немъ пѣсню:

Помутился славный тихій Донъ.
Отъ Черкасска до Черна моря!
Помѣшался весь казачій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоѳеича,
По прозванью Стеньки Разина!
Поимали добра молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

Помянулъ себя пѣсней и самъ Стенька Разинъ. Говорятъ, что, дожидаясь въ тюрьмѣ своего смертнаго часа, онъ сложилъ такую пѣсню:

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Межъ московской, астраханской, славной кіевской;
Въ ногахъ мнѣ положите саблю вострую.

Кто пройдетъ или проѣдетъ — остановится,
Моему ли животворному кресту помолится
Моей сабли, моей вострой испужается:
Что лежитъ тутъ воръ, удалый добрый молодецъ,
Стенька Разинъ Тимоѳеевъ по прозванію.

Обѣ эти пѣсни поются и въ наше время. До сихъ поръ живетъ страшная Стенькина память. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ злодѣйствовалъ, его и теперь знаетъ всякій, отъ стараго до малаго. На Волгѣ многое множество урочищъ зовется его именемъ. Многіе темные люди не вѣрятъ, что Стенька умеръ. Они говорятъ, что Стенька колдовствомъ своимъ бѣжалъ изъ московской тюрьмы на Волгу; но ни Волга не приняла его, ни мать сыра-земля. Сказываютъ темные люди, что нѣтъ Стенькѣ смерти, что живъ онъ до сей поры, бродитъ по Русской землѣ да помогаетъ бѣглымъ и безпаспортнымъ, либо сидитъ въ какой-то горѣ и мучится.

XXV.

Царевна Софья.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ женатъ два раза. Скончавшись въ 1676 году, онъ оставилъ отъ первой жены сыновей, Ѳедора и Ивана, и пять дочерей, да отъ второй — сына Петра и двухъ дочерей. На царство сѣлъ старшій царевичъ, Ѳедоръ.

При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ заключено съ турецкимъ султаномъ мирное докончаніе, по которому Украйна и Запорожье навсегда остались за Москвою. При немъ же сдѣлано большое дѣло — уничтожено мѣстничество. Такъ назывался давнишній обычай бояръ верстаться между собою мѣстами. Если отецъ или дѣдъ какого-нибудь боярина, напр. Алексѣева, былъ когда-нибудь въ государевой службѣ выше отца или дѣда другого боярина, напримѣръ Андреева, то Алексѣевъ никакъ не хотѣлъ быть подъ началомъ у Андреева или стоять при дворѣ ниже его мѣстомъ. Всякій бояринъ счелъ бы это за великое безчестье себѣ и всему своему роду. Изъ-за этого выходило множество споровъ, тяжбъ и при дворѣ государевомъ безчинія; непослушныхъ бояръ государь приказывалъ сажать на указанное мѣсто силой, а упорныхъ наказывалъ батогами (палками) и даже кнутомъ. Но самое большое зло отъ мѣстничества было въ ратныхъ дѣлахъ. Изъ-за раздора боярскаго была

ратнымъ людямъ пагуба и въ битвахъ пораженіе, и кровь русская зачастую проливалась задаромъ. Царь Өедоръ Алексѣевичъ созвалъ соборъ и велѣлъ это дѣло разсудить. Соборъ, постановилъ, чтобы впередъ всѣмъ людямъ, отъ великаго до малаго, быть промежъ собою безъ мѣстъ. Тогда царь приказалъ принести всѣ тяжебныя книги о мѣстахъ боярскихъ и сжечь ихъ, а кто впередъ будетъ мѣстами считаться, тѣмъ пригрозилъ опалой.

Өедоръ Алексѣевичъ былъ недуженъ, хворъ и потому прожилъ не долго. Онъ скончался въ 1682 году, на 21-мъ году отъ роду, дѣтей по себѣ не оставилъ и царство никому не приказалъ. Старшій по немъ царевичъ, Иванъ Алексѣевичъ, 16 лѣтъ отъ роду, былъ скуденъ разумомъ, слабъ тѣломъ и духомъ, а меньшому брату, Петру, не исполнилось еще и 10 лѣтъ. Одни бояре стояли за царевича Ивана, другіе — за царевича Петра. Чтобы не вышло смуты, патріархъ велѣлъ собраться народу на площади и спросилъ: кому изъ двоихъ царевичей быть на царствѣ? Народъ закричалъ: „Петру Алексѣевичу!“ Большое число бояръ тоже хотѣли Петра Алексѣевича, и потому патріархъ сейчасъ же благословилъ его на царство.

Въ то время русскіе цари не женились на иноземныхъ царевнахъ, а всегда на русскихъ боярышняхъ и дворянкахъ. Женившись, царь держалъ женину родню около себя, въ почетѣ и милости. Но если приводилось царю овдовѣть и потомъ опять жениться, то родня второй жены оттирала отъ него родню первой, и это не обходилось безъ смутъ и раздоровъ. Когда царь Алексѣй Михайловичъ женился въ первый разъ, родня царицы Милославскіе вошли въ силу; а когда царица умерла и царь взялъ другую жену, Нарышкину, то на первое мѣсто при немъ стали Нарышкины. Послѣ смерти Алексѣя Михайловича на престолѣ сѣлъ старшій его сынъ,

Θедоръ, и Милославскіе опять вошли въ милость и почетъ. Поэтому, когда царь Θедоръ умеръ и патріархъ благословилъ на царство малолѣтняго Петра, государствомъ приходилось править матери его, Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, и Нарышкины становились на мѣсто Милославскихъ. Милославскіе стали думать, какъ бы дѣло поправить и не давать царицѣ Натальѣ управлять царствомъ. За это взялась молодая царевна Софья Алексѣевна, дочь царя Алексѣя отъ Милославской, первой царицы.

Съ давняго времени иноземцы стали появляться въ Русской землѣ и приносить съ Запада мастерства, ратную науку и иныя знанія. Съ теченіемъ времени становилось все яснѣе, что западные народы сильнѣе русскихъ, что надо поучиться у нихъ тому, чѣмъ они сильны. Лучшіе люди Московскаго государства стали перенимать отъ иноземцевъ ихъ ученье и обычаи, число такихъ людей вырастало, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ государство кончало старый путь, по которому доселѣ шло, и готовилось повернуть на новую дорогу. Во дворцѣ Алексѣя Михайловича завелись иноземные обычаи; женщинъ перестали держать попрежнему строго взаперти. Царевна Софья стала звать къ себѣ въ покои мужчинъ, чего прежде не водилось, сошлась съ людьми учеными и бывалыми, бесѣдовала съ ними, училась, читала книги. Мало-по-малу она присмотрѣлась къ дѣламъ государственнымъ, судила, рядила о нихъ. При ея большомъ разумѣ ей стало скучно сидѣть сложа руки или заниматься пустяками въ то время, когда тутъ же, подъ бокомъ, другіе люди, похуже ея, ворочаютъ большими дѣлами. Ей захотѣлось силы и власти. И потому, когда умеръ ея братъ, царь Θедоръ, она задумала захватить въ свои руки власть и править именемъ больного, малоумнаго брата, Ивана. И вдругъ царство достается не Ивану, а Петру! Софьѣ приходилось не

только отступиться отъ своего замысла, но еще пойти въ послушаніе къ нелюбимой мачехѣ, царицѣ Натальѣ. Гордая Софья не могла этого стерпѣть и рѣшилась заманить на свою сторону стрѣльцовъ.

Больше чѣмъ за 100 лѣтъ передъ тѣмъ, при Иванѣ Грозномъ, было набрано войско изъ вольныхъ охочихъ людей, которые порядились служить безсмѣнно. Войско это называлось стрѣльцами. Иванъ Грозный и другіе цари держали стрѣльцовъ въ большой милости. Стрѣльцы жили по рубежамъ Московскаго государства, жили также въ большихъ городахъ и въ Москвѣ. Они пахали пашню, огородничали, вели торгъ съ большими противъ купцовъ льготами и, кромѣ того получали отъ государя денежное жалованье. Живя такимъ способомъ, осѣдло и семьянисто, стрѣльцы избаловались, отвыкли отъ строгой ратной службы, съ неохотой ходили въ походы. Потерявъ ратный духъ, они не потеряли ратнаго задора, сдѣлались буйны, своевольны, непослушны. Много помогало этому еще и то, что стрѣлецкіе начальники обворовывали ихъ, не додавали жалованье, брали стрѣльцовъ къ себѣ въ подворья на домашія послуги и работы.

Московскимъ стрѣльцамъ приходилось особенно много терпѣть отъ своихъ начальныхъ людей при царѣ Ѳедорѣ. Они жаловались, но управы не нашли и стали волноваться. Когда Ѳедоръ Алексѣевичъ умеръ, стрѣльцы замутились еще больше и подали на своихъ полковниковъ челобитныя. Полковниковъ велѣно было наказать и выправить съ нихъ на стрѣльцовъ большія деньги. Правили деньги, по тогдашнему обычаю, такъ: выводили на площадь и били по ногамъ палками. Такъ сдѣлали и съ полковниками; стрѣльцы толпились тутъ же и указывали, кого бить больше, кого меньше. Получивъ надъ полковниками свою волю, стрѣльцы стали собираться у своихъ избъ толпами, издѣвались надъ начальниками, швыряли въ нихъ каменьями, иныхъ сбрасы-

вали съ каланчи наземь. А Милославскіе и Софья Алексѣевна еще больше ихъ мутили. Они говорили, что стрѣльцы дождутся отъ Нарышкиныхъ такого зла, какого еще и не видывали; толковали, что Петръ посаженъ на царство не по закону и что итти противъ него — святое дѣло. Настроивъ такъ стрѣльцовъ, Софья Алексѣевна и ея пособники роздали имъ списки бояръ, которыхъ надо перебить какъ измѣнниковъ, и велѣли ждать.

Подошло 15 мая 1682 года. Утромъ два боярина проскакали по стрѣльцамъ, крича въ голосъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана. Въ это время на Иванѣ Великомъ загудѣлъ сполошный колоколъ. Стрѣльцы подхватили, ударили въ набатъ, забили въ барабаны и побѣжали къ Кремлю. Остался дома только одинъ Сухаревъ полкъ; онъ на наговоры не поддался и крестнаго цѣлованія не забылъ.

Прибѣжавъ ко дворцу, стрѣльцы столпились у Краснаго крыльца и ревѣли неистово, чтобъ имъ выдали Нарышкиныхъ. Узнавъ, изъ-за чего стрѣльцы бунтуютъ, царица вышла на крыльцо съ царемъ Петромъ и царевичемъ Иваномъ. Стрѣльцы, увидѣвъ Ивана, изумились; нѣсколько человѣкъ влѣзли на крыльцо и стали спрашивать царевича, прямой ли онъ царевичъ Иванъ, и кто его изводитъ. „Меня никто не изводитъ, и жаловаться мнѣ не на кого“, отвѣчалъ Иванъ. Стрѣльцы увидѣли, что ихъ обманули, присмирѣли, начали переглядываться промежъ себя, даже стали было расходиться, не слушая никакихъ подговоровъ, но одинъ неразумный человѣкъ испортилъ все дѣло. Главный начальникъ стрѣльцовъ, князь Долгорукій, выйдя на крыльцо, съ бранью и угрозами приказалъ имъ убираться изъ Кремля въ свои слободы. Стрѣльцы не любили Долгорукаго, а тутъ, услышавъ не у мѣста его брань, разсвирѣпѣли, кинулись на крыльцо, сбросили Долгорукаго внизъ на копья и по-

томъ изрубили. Отъ первой крови у нихъ помутилось въ глазахъ: они уставили передъ собой копья и бросились во дворецъ искать измѣнниковъ по своему списку.

Стрѣльцы обрыскали всѣ покои, заглядывали въ дѣвичьи терема, въ чуланы, перетряхивали пуховики, врывались въ церкви, тыкали подъ престолы копьями. Въ то время, какъ одни перешаривали дворецъ, другіе разсыпались по городу и ловили, кого имъ было нужно. Всѣхъ изловленныхъ во дворцѣ и въ городѣ стрѣльцы убивали, волокли на Красную площадь и, ради смѣха, кричали встрѣчнымъ: „Дайте дорогу, бояринъ ѣдетъ“.

Къ вечеру стрѣльцы угомонились, но на другой день, съ разсвѣтомъ, снова раздался набатъ, опять загрохотали барабаны, и стрѣльцы, прійдя ко дворцу, стали требовать, чтобы имъ выдали брата царицы, Ивана Нарышкина. Про этого Нарышкина было стрѣльцамъ сказано, будто онъ хотѣлъ извести Ивана и Петра Алексѣевичей и ужъ примѣрялъ на себя вѣнецъ царскій. Во дворцѣ былъ большой страхъ и переполохъ, однако Нарышкина все-таки не выдали. Стрѣльцы простояли у дворца полдня, а потомъ разошлись, грозясь прійти завтра; дорогой убили въ Москвѣ нѣсколько человѣкъ и пограбили дома богатыхъ, нелюбимыхъ бояръ. Назавтра, 17 мая, загудѣлъ третій набатъ, и стрѣльцы, пьяные, въ рубахахъ съ засученными рукавами, снова повалили ко дворцу. Назойливѣе прежняго стали они выкрикивать Ивана Нарышкина и клялись, что на этотъ разъ безъ него не уйдутъ. Бояре, дрожа отъ страха, принялись упрашивать царицу, чтобы она выдала своего брата; то же самое совѣтовала ей и Софья Алексѣевна. Дѣлать было нечего: Иванъ Нарышкинъ исповѣдался, причастился, соборовался и вышелъ къ стрѣльцамъ. Стрѣльцы съ воплемъ кинулись на него, схватили, потащили на пытку и потомъ на Красной площади разсѣкли на части.

Тяжелые были эти дни. Во дворцѣ всѣ прятались и

дрожали отъ страха. Москва какъ будто вымерла: двери и окна были заперты; на улицахъ не видать было ни души. Стрѣльцы почуяли свою силу и, переставъ бить и грозить, не перестали своевольничать. По наущенію царевниныхъ пособниковъ, они прислали во дворецъ своихъ выборныхъ людей; выборные люди просили, чтобы царствовать обоимъ братьямъ вмѣстѣ, и Ивану быть первымъ царемъ, а Петру вторымъ. Стрѣльцы затѣяли необычное, неслыханное дѣло, но отказа имъ не было. Софья съ сестрами созвала соборъ, и соборъ, боясь новаго бунта, постановилъ — быть двумъ царямъ разомъ. Прошло еще много дней, стрѣльцы пришли снова и стали требовать, чтобы, ради молодыхъ лѣтъ обоихъ государей, вмѣсто нихъ правила государствомъ царевна Софья. Согласились и на это, и Софья стала писаться во всѣхъ указахъ вмѣстѣ съ царями.

Такъ Софья Алексѣевна добилась своего. Но она не разочла, что стрѣльцы, попробовавъ своей воли разъ, захотятъ попробовать ее и въ другой разъ; послуживъ Софьѣ, могутъ послужить и кому-нибудь другому. Такъ и сбылось.

Пока патріархъ Никонъ сидѣлъ въ заточеньи, расколъ все росъ да ширился. Раскольниковъ ссылали, казнили безъ милосердія, но ихъ не убывало, а прибывало. Они развелись по всѣмъ городамъ и областямъ, было ихъ много и въ самой Москвѣ. Увидѣвъ, какое большое дѣло удалось сдѣлать стрѣльцамъ, они задумали натравить ихъ и на другое — поискать старую вѣру. Между стрѣльцами было очень много раскольниковъ; они замутились, стали собираться въ круги, толковали, что надо подать патріарху челобитную. Выискались люди, которые выдавали себя за искусныхъ сказателей священнаго Писанія и взялись вести съ патріархомъ споръ о вѣрѣ. Это были: монахъ Сергій и разстрига попъ Никита, котораго православные прозвали Пустосвятомъ. Новый началь-

никъ стрѣльцовъ, князь Хованскій, самъ былъ раскольникъ и обѣщался пособлять, если стрѣльцы подпишутся подъ челобитной, которую сочинилъ монахъ Сергій. И хоть не всѣ стрѣльцы захотѣли ввязаться въ это опасное дѣло, — 10 полковъ подписались, а 10 нѣтъ, — однако раскольники не унывали. На улицахъ, на площадяхъ они собрали народъ и толковали о никоновской ереси, а стрѣлецкіе выборные торопили Хованскаго, чтобы скорѣе быть собору. Хованскій очень этому дѣлу радѣлъ и хлопоталъ, чтобы споръ о вѣрѣ шелъ на площади, передъ всѣмъ народомъ. Царевна и патріархъ на соборъ согласились нехотя, потому что никакого пути отъ этого не чаяли, но только вести споръ на площади не захотѣли, чтобы не было отъ стрѣльцовъ и раскольниковъ бунта и насилій. Да и царевнѣ, по тогдашнимъ обычаямъ, было зазорно итти на площадь, передъ весь народъ. Какъ ни упрашивалъ, какъ ни умолялъ ее Хованскій, чтобы соборъ собрался на площади и чтобы она сама туда не ходила, царевна настояла на своемъ: велѣла собору быть во дворцѣ, въ Грановитой палатѣ, и обѣщала тамъ быть.

Раскольники вошли въ палату шумно и безчинно, разставили свои налои и свѣчи, разложили книги. На соборъ пришла царевна Софья со своими сестрами, царица Наталья, патріархъ, многіе архіереи и бояре. Споръ завязался съ раскольниками жаркій. Патріархъ показывалъ имъ старинныя книги, читалъ имъ тѣ мѣста которыя были потомъ испорчены, и за которыя стояли раскольники. Но это не помогло: раскольники шумѣли, буянили, ругались и ничего слушать не хотѣли. Никита Пустосвятъ озорничалъ больше всѣхъ и чуть было не побилъ кулакомъ одного архіерея. Софья не хотѣла терпѣть такихъ безчинствъ, нѣсколько разъ окрикивала раскольниковъ и грозилась уйти вмѣстѣ съ царями съ царства. Шумъ на время стихалъ, но потомъ опять по-

дымался; даже слышны были голоса, что царевна царство мутитъ, и что если она съ царства уйдетъ, то не бѣда: были бы государи здоровы, а безъ нея пусто не будетъ.

Когда раскольники прочитали свою челобитную, имъ объявили, что царскій указъ скажется имъ послѣ. Раскольники повалили изъ Грановитой палаты съ шумомъ и гамомъ и, идя Москвой, хвалились громогласно, что переспорили и посрамили всѣхъ архіереевъ. На Лобномъ мѣстѣ они остановились и стали поучать народъ, потомъ пошли въ церковь, отслужили молебенъ со звономъ и разошлись по домамъ.

Черезъ нѣсколько дней Никиту Пустосвята, по приказу Софьи, схватили и казнили, другихъ раскольничьихъ большаковъ и защитниковъ перехватали и послали въ ссылку. Потомъ Софья Алексѣевна стала добираться и до Хованскаго, на котораго скоро прибавились новыя досады. Хованскій угождалъ стрѣльцамъ всѣми способами, чтобы заманить ихъ на свою сторону. Отъ буйства и озорничества ихъ не стало въ Москвѣ никому житья. Они звали Хованскаго „батюшкой" и никого кромѣ него не слушались; раскольники тоже были за него всей душой; сила Хованскаго росла. Пронеслись слухи, что онъ готовитъ новый бунтъ, появились подметныя грамоты, пошла тревога и въ царскомъ дворцѣ, и въ народѣ. Софья Алексѣевна стала бояться за себя и за свою власть, и съ обоими государями уѣхала за городъ. Когда наступили царевнины именины, Хованскій не остерегся, поѣхалъ поздравлять царевну и такимъ способомъ самъ отдался ей въ руки. Его схватили на дорогѣ вмѣстѣ съ сыномъ и, по приказу Софьи Алексѣевны, въ тотъ же день казнили.

Какъ только вѣсть объ этомъ пришла въ Москву, стрѣльцы поднялись. Они захватили Кремль, разставили по стѣнамъ пушки и въ немъ засѣли, не выпуская никого изъ Москвы. Но царевна не сидѣла сложа руки;

она собрала сильную рать изъ разныхъ служилыхъ людей и стала стрѣльцамъ грозить. Увидѣвъ, что ихъ не боятся, стрѣльцы сами пришли въ страхъ и смятеніе. Они выбрали изъ себя тысячи три самыхъ виноватыхъ и послали ихъ къ царевнѣ. Эти выборные люди исповѣдались, причастились, взяли топоры и плахи, надѣли на шеи петли и отправились съ повинною. Прійдя въ Троицкій монастырь, гдѣ тогда проживала царевна съ обоими государями, стрѣльцы трижды поклонились царскому дому, поставили плахи и положили на нихъ свои головы.

Стрѣльцовъ простили и дали имъ новаго начальника, Шакловитаго. Шакловитый взялъ ихъ подъ крѣпкое начало и самыхъ буйныхъ послалъ изъ Москвы на службу въ дальнія мѣста. Стрѣльцы присмирѣли.

Избавившись отъ смуты, Софья Алексѣевна принялась за дѣла государственныя. Много разумныхъ указовъ и законовъ появилось при ней. Тяжбъ и споровъ на землю было тогда столько, что и вершить ихъ не успѣвали; царевна велѣла межевать землю и разослала для этого межевщиковъ. За нѣкоторыя вины казни были лютыя, напр. женъ за убійство мужей окапывали въ землю живьемъ, царевна указала отсѣкать имъ голову; за возмутительныя слова казнили смертью, — царевна велѣла бить кнутомъ и ссылать; должниковъ, которые не платили, отдавали заимодавцамъ въ заживъ, пока долга своего не отработаютъ, — Софья велѣла написать указъ, за какой долгъ сколько нужно работать, и приказывала заимодавцамъ обходиться съ этими работниками милостиво. Изъ иноземныхъ дѣлъ царевны Софьи самое большое было то, что Польша навсегда отступилась отъ Кіева, Смоленска, Чернигова и другихъ земель и городовъ. Но это досталось не даромъ: Софья обѣщалась вести войну съ крымцами. Ближній любимецъ Софьи Алексѣевны, князь Василій Голицынъ, два раза ходилъ съ большою ратью, но удачи ему не было; первый разъ

татары зажгли степь, — ратные люди задыхались отъ дыма и гари, кони падали отъ безкормицы и безводья, и Голицынъ поворотилъ съ дороги домой; второй разъ удалось добраться до Крыма, но тамъ не было ни травы, ни лѣса, ни воды прѣсной, въ войскѣ пошли болѣзни, — опять пришлось ворочаться домой, ничего не сдѣлавши. Не пришла еще пора русскимъ людямъ завоевать Крымъ.

Въ то время, какъ царевна Софья правила государствомъ, а Иванъ Алексѣевичъ ничего не дѣлалъ, Петръ выросталъ и не губилъ своего времени даромъ. Съ ребячьихъ лѣтъ видно было, что изъ него выйдетъ человѣкъ особенный, не такой, какъ другіе. Много пѣсенъ сложилось на Руси про царей и другихъ русскихъ людей, но эти пѣсни поются про ихъ дѣла, либо славныя, либо лихія, да про житье-бытье бывалое. А Петра Алексѣевича почтила пѣсня и за самое его рожденіе, потому что родился богатырь изъ богатырей, какого Русская земля еще видывала.

Ужъ какъ свѣтелъ, радошенъ въ Москвѣ
Ласковый царь Алексѣй сударь Михайловичъ:
Народилъ ему Господь сына-царевича,
Что царевича, Петра Алексѣевича.
Какъ и всѣ-то русскіе плотнички,
Что плотнички — сами мастеры,
Они ночку не спали, колыбель-люльку дѣлали;
А нянюшки, мамушки, сѣнны дѣвушки,
Онѣ ночку не спали, ширинку вышивали
По бѣлому рытому бархату краснымъ золотомъ.
А втапоры затюремнички они всѣ распущались,
Царскіе погребы они всѣ растворялись;
У царя у ласковаго шелъ пиръ и столъ на радости.
Всѣ князья, бояре къ царю собиралися,
Всѣ дворяне ко ласковому съѣзжалися.
Весь народъ Божій на пиру — пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются;
Въ весельи не видали, какъ и дни прошли;
Все для младшаго царевича, Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.

Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ скучно и тяжело стало Петру во дворцѣ; невмочь ему было такъ жить, какъ жили другіе. Онъ вездѣ бѣгалъ, про все разспрашивалъ, всему хотѣлъ учиться. Русскіе люди были люди темные, неученые: Петръ бросился къ иноземцамъ, въ нѣмецкую слободу. Тамъ онъ добылъ себѣ учителей для дѣла, добылъ и товарищей для веселья. Нѣмцы эти были люди бывалые; разсказывали царю про иноземные порядки и обычаи, про ратное и морское дѣло, про все то, чего въ Русской землѣ не было. Петръ слушалъ и дивился; его забирала охота самому вездѣ побывать, все посмотрѣть, всему выучиться и русскихъ людей выучить. Но пока у него своей воли не было, онъ принялся за военныя потѣхи. Кликнувъ кличъ по охочихъ людяхъ, онъ составилъ изъ нихъ два потѣшные полка въ селахъ Преображенскомъ и Семеновскомъ. Полки эти онъ принялся обучать по иноземному образцу, дѣлалъ примѣрные бои, походы, приступы. Увидѣвъ какъ-то въ старомъ хламѣ лодку иноземной постройки, Петръ велѣлъ ее починить и сталъ въ ней плавать по рѣкѣ на парусахъ. Потѣха эта ему такъ полюбилась, что онъ принялся строить малые корабли, спустилъ ихъ на озеро и принялся на нихъ учиться мореходному дѣлу. И всѣ эти разумныя потѣхи не пропали даромъ: онѣ сказались въ великихъ дѣлахъ Петра, когда онъ самъ собой сталъ править государствомъ.

Царевна Софья не мѣшала потѣхамъ Петра: она была рада, что онъ давалъ ей полную волю править землей, какъ она знаетъ. Она стала называться самодержицей и даже задумала вѣнчаться на царство. Шакловитый былъ на ея сторонѣ. Онъ принялся уговаривать стрѣльцовъ, чтобы они подали объ этомъ государямъ челобитную, а если успѣха не будетъ, то встали бы бунтомъ. Но стрѣльцы на наговоры Шакловитаго не поддались, побоялись: самыхъ смѣлыхъ и буйныхъ между ними ужъ

не было, самъ же Шакловитый разослалъ ихъ по дальнимъ городамъ. Тѣмъ временемъ у Софьи Алексѣевны шли съ мачехой нелады хуже прежняго, начались нелады и съ Петромъ. Ему исполнилось 16 лѣтъ; онъ уже не былъ податливъ и покладистъ, какъ прежде; иногда перечилъ царевнѣ, пытался дѣлать по-своему, хоть и не въ большихъ дѣлахъ. Задумывалась надъ этимъ не одна Софья Алексѣевна, задумывался и Шакловитый. Онъ былъ силенъ только милостію Софьи и потому за Софью готовъ былъ стоять горой. Видя, что царская власть, того гляди, уйдетъ изъ ея рукъ, Шакловитый рѣшился на ужасное дѣло: задумалъ убить царя Петра и его мать. Ему взялись помогать пять человѣкъ стрѣльцовъ.

Вечеромъ 7 августа 1689 года Шакловитый собралъ въ Кремль стрѣльцовъ, распустивъ слухъ, будто Петръ идетъ на свою сестру съ потѣшными и что надо ее оборонять. Двое стрѣльцовъ бросились на коней и поскакали въ село Преображенское, гдѣ тогда проживалъ Петръ. Петръ уже спалъ; его разбудили и сказали, что Шакловитый замышляетъ на него недоброе и собираетъ стрѣльцовъ. Петръ велѣлъ подать коня и сейчасъ же ускакалъ въ Троицкій монастырь. Туда же 8 августа пріѣхала царица и многіе бояре, пришелъ Сухаревъ стрѣлецкій полкъ, пришли потѣшные. Дѣло завязалось нешуточное. Софья Алексѣевна пошла на мировую, стала писать къ Петру, звала его въ Москву; царь не ѣхалъ. Софья Алексѣевна послала патріарха уговаривать Петра; патріархъ поѣхалъ, да тамъ и остался. Туда же ушли всѣ начальные стрѣлецкіе люди со многими стрѣльцами и иноземцы. Царевна, скрѣпя сердце, сама поѣхала къ Троицѣ; Петръ ее не пустилъ и велѣлъ воротиться въ Москву. Царевна вернулась, но все еще не смирилась. Петръ прислалъ указъ, чтобы выдали ему Шакловитаго и другихъ его пособниковъ, поименно; Софья

Къ стран. 303.

Царевна Софья въ монастырѣ.

не послушалась. Царь послалъ другой приказъ, царевна опять Шакловитаго не выдала. Тогда стрѣльцы пришли большою толпой въ Кремль и стали грозиться, что возьмутъ Шакловитаго силой, если царевна не выдастъ его волей. Нечего было дѣлать Софьѣ, всѣ ее оставили: она выдала Шакловитаго и стала ждать своей доли.

Шакловитаго съ товарищами казнили; ближняго царевнина любимца, Василія Голицына, послали въ дальнюю ссылку, Софью Алексѣевну посадили въ монастырь. Петръ сталъ править государствомъ одинъ, по своей волѣ; Иванъ до самой своей смерти ни во что не вступался.

Отказаться отъ силы и власти и сидѣть взаперти, въ неволѣ, было для Софьи Алексѣевны дѣло не легкое: гордое сердце не давало ей покоя, привычный къ работѣ разумъ томился отъ бездѣлья; съ трудомъ выносила Софья такое житье. Прошло 9 лѣтъ, стрѣльцы опять затѣяли бунтъ и стали звать Софью на царство. Софья не утерпѣла, вошла съ ними въ переговоры. Но стрѣлецкая затѣя не удалась; стрѣльцы поплатились своими головами, а Софью Алексѣевну государь велѣлъ постричь и приставилъ стеречь ее сотню солдатъ. Тоскливѣе и унылѣе прежняго пошла жизнь Софьи. Къ ней никого не пускали, даже родныя ея сестры видались съ ней только два раза въ годъ. Такъ прожила она еще 5 лѣтъ и скончалась.

А въ то время въ Русской землѣ кипѣла работа: царь Петръ передѣлывалъ государство на новый ладъ. Миновало старое время, наступало новое.

Много скорби и горя перенесла Русская земля въ старое, далекое отъ насъ время. Но безъ несчастій и бѣдъ не живутъ никакіе народы и государства, какъ не

живутъ и люди. Русскому народу надолго выпала злая судьбина: ему пришлось столѣтіями жить въ сосѣдствѣ и общеніи съ полудикими племенами на окраинѣ христіанскаго міра. Если въ такомъ положеніи народъ выстоялъ, сохранилъ свой русскій и христіанскій образъ и сплотился въ могучее государство, то не укоромъ служитъ ему старая быль, а знаменіемъ долгой жизни и великихъ судебъ въ будущемъ.

Выборный
книгъ всѣхъ давн
свѣдѣніе Одинъ Удаванію

Курганъ

4р

[illegible]

1583 года

Короче

Двадцать

Масовъ и Касоговъ

